

МИХАИЛ АХМАНОВ
АЛЕКСАНДР ЛИДИН
ЗЛАТА ЛИННИК

**ЖИВОЙ
МЕТАЛЛ**

СБОРНИК
ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПОВЕСТЕЙ

ЖИВОЙ
МЕТАЛЛ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ
КНИГА НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНА
ДЛЯ
ПРОДАЖИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013

Предисловие

Длинная рука Ктулху

Рука и правда длинная — дотянулась до наших времен с двадцатых-тридцатых годов прошлого века. Я полагаю, дело в том, что мифология — источник вдохновения многих писателей, и чем эти мифы ужаснее и мрачнее, тем лучше. Тут уместно вспомнить Брэма Стокера, подарившего неувядающую славу графу Дракуле, Майринка, который слепил Голема из пражских сказаний, и Мэри Шелли с ее чудищем Франкенштейна. Придуманые ими монстры — важнейшая часть жанра хоррор, к этим жутким персонажам обращались сотни авторов, перелицовывая их истории на свой лад, и нет числа фильмам, в которых их изображали и, разумеется, уничтожали. А они все живут и живут, порождая в нашу просвещенную эпоху новые ужастики — скажем, «чудище Франкенштейна против Дракулы» или «Дракула против космических пришельцев».

Ктулху не так знаменит, как три упомянутых выше беспредельщика, но и за ним числится изрядный литературный багаж. Это нечисть класса повыше, чем вампир или глиняный монстр; Ктулху — могущественный демон, скорее даже злобный бог, связанный, как и другие твари того же сорта, с основой основ Мироздания. Какого именно? Разумеется, мифического: пантеон Ктулху, его Вселенная, история появления демона и его собратьев на Земле — все это придумано Говардом Лавкрафтом с коллегам. Среди них встречаются очень известные имена — Роберт Говард, Фриц Лейбер, Генри Каттнер и другие, но первым был именно Лавкрафт, опубликовавший в 1928 году пилотный рассказ «Зов Ктулху». Жанр, к которому относятся все эти истории отцов-основателей, на мой

взгляд смешанный — тут слиты в одном флаконе хоррор, мистика и героическая фэнтези. Сам Лавкрафт тяготел к готическому стилю, его произведения загадочны, туманны и не очень динамичны. Авторы из присоединившейся к нему когорты писали повеселее, и из них мне наиболее интересен Роберт Говард.

В былые годы я занимался сагой о Конане Варваре, написал несколько романов и новелл, так что мир говардовской Хайбории мне знаком и близок. При чтении Мифов Ктулху было любопытно проследить, как связаны у Говарда эти две вселенные, как Древние, Ктулху, Дагон, Йог-Сотот сопрягаются с богами и демонами хайборийского пантеона Йогом, Нергалом, Кромом, Отцом Тьмы Сетом, чем сходны и различны два варианта Атлантиды, две истории, две географии и остальные атрибуты этих вымышленных миров. Их божества несомненно близки, ибо в том и другом случае эти существа высшего порядка злобны, жестоки и немилостивы к людям. Они требуют жертв, жаждут душ человеческих, и нередко — человеческой плоти и крови. Есть, однако, и разница: приверженец готики Лавкрафт, описывая ужас людей, столкнувшихся со сверхъестественным, подчеркивает их беспомощность и обреченность, тогда как в хайборийском мире есть герои, готовые сразиться с любым исчадием Ада. Главный из них, разумеется, Конан; напомним, что в одном из фильмов киноверсии Конанианы, где играет Шварценеггер, Конан разобрался с самим Дагоном.

Теперь пришла пора нарисовать портрет ужасного Ктулху. По свидетельству Роберта Говарда эта тварь выглядит так (новелла «Пламя Аишурбанипала»):

Я увидел его, когда оно уже уходило. Сзади. Громадная тварь, высотой в три человеческих роста, с кожей и чешуей черного цвета. Она шла на двух лапах, но я видел четыре крыла, змеиный хвост и щупальца, растущие неизвестно откуда. Если бы я увидел ее спереди, то наверняка сошел бы с ума...

Это вид сзади, а вот более подробное описание (новелла «Черный камень»):

Огромные мигающие глаза отражали бездну похоти, жадности, скотской жестокости и чудовищной злобы, иными словами, все пороки, доставшиеся сынам человеческим от их свирепых волосатых предков. Подобно городам, спящим на морском дне, те очи вобрали в себя гнусные действия и богомерзкие тайны; то были глаза гада, прячущегося от света дневного в глубинах затхлых и сырых пещер. И эта пакостная тварь, вызванная к жизни свирепым кровавым ритуалом посреди безмолвствующих гор, ухмылялась и моргала, взирая на своих бесноватых почитателей, что застыли в благоговении перед нею.

Надо думать, восемьдесят лет назад это производило впечатление, но публике наших дней, насмотревшейся фильмов про Чужих, Хищников и монстров Стивена Кинга, такое описание может показаться слишком вычурным и наивным. Поэтому Александр Лидин, современный автор, чья повесть "Луна Ктулху" включена в данный сборник, рисует облик мерзостного демона более яркими красками и гораздо подробнее:

«И тут я с ужасом осознал, что передо мной на полу застыло странное, уродливое существо. Ростом чуть выше метра, оно было очень широким, огромная голова, гигантская выгнутая грудная клетка и крошечные ножки с огромными ступнями. В первый момент мне даже показалось, что не ступни это вовсе, а огромные ласты, увенчанные когтями длиной с мой локоть. Руки твари были не менее уродливыми. Узкие в плечах, они расширялись к ладоням, каждая из которых больше напоминала лопату с крошечными пальчиками и огромными когтями землечерпалки. Одно плечо твари были выше другого, а по буро-красному телу местами росли кусты жесткой шерсти длиной с мой мизинец, больше напоминающие огромные бородавки. Голова была совершенно лысой, а лицо с огромным носом, почти касающимся выступающего вперед острого подбородка, и парой клыков, торчащих в уголках рта, выглядело неудачным творением карикатуриста. По полу бил длинный тонкий крысиный хвост».

Вот облик Ктулху, рожденный воображением Лидина, но справедливость требует, чтобы этого демона представила и второй автор сборника Злата Линник (повесть "Ужас глубин... И художники из Сквот-Тауна"). Ей он видится таким:

«..на стене возникла более чем устрашающая фигура. Существо ростом с крупного мужчину, с туловищем, покрытым чешуей, полураскрытыми кожаными крыльями и мощными задними лапами. Когти на них более всего походили на букет среднего размера мастихинов, которые кому-то понадобилось заточить до остроты бритвенного лезвия и немного согнуть. Но самое омерзительное впечатление производила голова, представляющая собой комок щупальцев, покрытых слизью. Они полностью скрывали лицо или что там еще было у кошмарного существа, отчего нарисованная фигура казалась еще более неприятной».

Думаю, что читатели, ознакомившись с этими отрывками, поняли, что их ждут ужасы самой высокой пробы. Было бы бесчестным портить им удовольствие, излагая сюжеты повестей, и я этого делать не стану. Зато скажу несколько слов об авторах и темах их творчества.

Лидин, в миру Александр Тишинин, известный переводчик, познакомивший российских фэнов с Эдмоном Гамилтоном, Робертом Говардом, Харланом Эллисоном, Джеком Вэнсом, Сэмюэлем Дилени, автор нескольких оригинальных романов, также является литературоведом и большим знатоком фантастики. Несомненно, Ктулху и демоны вообще — его давняя страсть, так что повествуя о контактах с ними своего героя барона Фредерикса, Лидин подчеркивает не только ужас ситуации, но и некоторые ее приятные стороны. Так, Ктулху, если уважить его должным образом, способен наделить человека знаниями и редкими талантами, а заодно избавить от докучливых врагов и открыть дорогу в иные миры. Попав на Луну, барон знакомится еще с одним жутким демоном, но в общем-то столь умеренного аппетита, что с ним можно вести теософские дискуссии и беседы на этические

темы. Эти лунные приключения напомнили мне роман Жулавского «На серебряной планете» - та же тоска, та же печаль и безысходность; на мой взгляд, весьма изящная стилизация под готику. В добавок к этому читатель узнает много интересного о демонологии, о космическом происхождении потусторонних сил и о том, как вызвать Ктулху: начертить пентаграмму, положить в центр черную волшебную жемчужину, приготовить несколько жертв для кормления демона и произнести заклятье. После чего можно просить мешок с золотом или должность в Государственной Думе (я подозреваю, что некоторые депутаты попали в нее именно таким путем).

Второй автор сборника, Злата Линник, известна своими романами про Озерковскую ведьму, вампиришу Элеонору и тому подобных персон не от мира сего. Бывало, что ее сочинения подавались издателем с подзаголовком "Кровь, мистика, любовь...", но на самом деле это трогательные истории, написанные с отличным чувством юмора. Учитывая прошлое Линник, можно сказать, что эта молодая писательница явно прогрессирует, свершая путь от ведьм и вампиров к существам более высокого порядка. Я отметил это не ради красного словца - ясно, что повесть о демоне требуют иной тональности, чем истории о милой ведьмочке и симпатичной вампирише. На мой взгляд, Линник с этой задачей справилась, описав столкновение безбашенных художников и прочих обитателей питерских окрестностей с пробудившимся от сна Ктулху. Но творить без юмора она не может, так что в ее варианте событий демон терпит поражение, не выдержав контакта с агрессивной средой, заполонившей мир благодаря человеческим усилиям. Проще говоря, ядохимикаты и демону не в радость.

Мне остается добавить, что Зов Ктулху услышали не только Лидин, Линник и другие отечественные и зарубежные фантасты, но также деятели кино, множество музыкантов и еще больше творцов компьютерных игр. Так что авторы этой книги оказались в хорошей компании, включающей Стивена Кинга, Роджера Желязны, группу «Металлика», режиссера Эндрю Лемана и создателей игры «Некрономикон».

Воистину в наши дни Ктулху пробудился! В это легко поверить, взглянув на современный мир с чередой природных и техногенных катастроф, падениями метеоритов и демоническими актами терроризма.

*Михаил Ахманов
Санкт-Петербург,
2013*

А. Лидин

ЛУНА КТУЛХУ

*Всякое сходство персонажей с реально существующими или
существовавшими людьми совершенно случайно.*

Автор

*Посвящается, всем любителям книг о Ктулху, и
всем тем, кто поддержал меня и дал возможность
закончить эту книгу.*

Данная рукопись, которую можно было бы озаглавить как «Мемуары барона Фредерикса», была обнаружена экспедицией 2155 года в руинах древнего города на обратной стороне Луны. Сочинение само по себе очень объемно, поэтому в данной книге мы приводим лишь фрагменты рукописи, касающиеся событий 1917—1918 годов.

Глава 1. Старые знакомые.

Даже отсюда вижу твои плутоватые глазёнки...

А.Аверченко

«Пряательское письмо Ленину».

Что поразило меня в Петрограде восемнадцатого, так это запущенный вид города. Словно Северный фронт сместился сюда, и вот-вот из-за поворота покажутся немецкие каски и начнутся уличные бои. А эти безумные красные кумачи. Эти пикеты пьяных

моряков в широких не по уставам клепах, подпоясанных патронными лентами. И отовсюду доносится «Учредительное собрание», «Советы», «Смольный», «Троцкий». Все, словно по мановению волшебной палочки, стали «товарищами». Только одни «товарищи», пьяные и нанюхавшиеся кокаина, открыто грабили «товарищей» позажиточней. На каждом шагу проверяли документы, причем «проверяющие» порой даже читать не умели.

Но начну по порядку. На подъезде к городу состав, на котором ехал я из Могилева, был остановлен людьми в кожанках и матросами. Пьяные, вооруженные до зубов, они проверяли документы, пробираясь через набитые людьми вагоны. Хотя скорее они грабили, а не проверяли... Нескольких пассажиров, что выглядели побогаче, высадили из состава, и что с ними случилось дальше, можно только догадываться.

Особенно поразил меня один комиссар с передними золотыми зубами и зековскими кольцами-наколками на пальцах. Последний раз я видел людей с такими наколками в четырнадцатом во время инспекции в Крестах. А как он лихо шарил по чужим вещам. Когда он сдирал кольца с пальцев одной из пассажирок, мне пришлось отвернуться, уставившись в заледенелое стекло вагона. Я старался не слышать ее плача и завываний. Что до меня, то я бы не раздумывая поставил бы этого «революционера» к стенке и рука не дрогнула бы. Но у меня было свое дело, своя миссия, и на меня надеялись важные люди.

К счастью у меня были хорошо выправленные документы. Лавр Георгиевич лично хлопотал об этом, хотя сделать это сидя под арестом в отеле «Метро-

поль» было довольно сложно. Впрочем к тому времени, как я добрался до Петербурга, ситуация сильно изменилась. Ходили слухи, что и Корнилов и весь его штаб освобождены...

На Николаевском вокзале меня встретил огромный кумач: «Землю — крестьянам». Кумач, побитый непогодой, пошел подтеками и пятнами, отчего казалось, что он и в самом деле покрашен не на фабрике, а вымочен в человеческой крови.

В конце платформы горел маленький костер. Жгли какие-то бухгалтерские книги и обломки старинной резной мебели. Над костром грели руки несколько человек в дешевой одежде, с грубыми, небритыми лицами. По кругу шла огромная бутылка самогона, видно конфискованная у кого-то из не слишком расторопных пассажиров. В этот раз я вновь порадовался, что в свое время по настоянию генерала Эрбдели сменил свою офицерскую шинель на простую солдатскую, да еще к тому же сильно ношенную. Добавьте к этому фуражку без опознавательных знаков и поношенный старый вещмешок. В общем, обычный дезертир, бежавший с развалившегося южного фронта.

Однако все это меня не интересовало. У меня было конкретное задание, и мне надлежало его выполнить. На транспорт надежды было мало, да и ямщиков, обычно толпившихся возле вокзала, сейчас видно не было.

В итоге мне ничего не оставалось как идти пешком, что в общем в мои планы не входило. Путешествие по городу, охваченному революцией — не самое приятное время препровождение. Однако выхода не было. Я конечно мог не идти к Юсупову, а

отправиться в один из особняков нашей семьи, попытаться найти старшего брата... Но тогда точно станет известно, что я в городе, а я не был уверен в том, что господа в Смольном не знают обо мне и о моей миссии. Наверняка новая власть охотилась на Феликса. Только мне нужно было опередить комиссаров, потому что если наследство Юсуф-Мурзы попадет к ним в руки...

Ту прогулку по занесенному снегом Питеру я вспоминаю с ужасом. Где тот приветливый, радужный Петербург, который всегда радовал взгляд имперской строгостью и величием? Ныне город напоминал старика, некогда великого, но теперь в один миг одряхлевшего, превратившегося в немощного инвалида, в последний миг решившего тряхнуть стариной, и нацепившего непотребно-яркими тряпки — кровавые раны на фоне серых, угрюмых зданий.

Раза три у меня проверяли документы, причем один раз это делал совершенно безграмотный человек, так как он держал мой мандат вверх ногами. Одетый в дранный ватник, он напоминал убогого нищего, из тех, что по выходным обычно осаждали Лавру, а его рассуждения о «пролетариате», «земельной реформе» и «власти Советов» звучали как бред юродивого.

Наконец, я добрался до дворца Юсупова, до того самого знаменитого дворца, где погиб Распутин. Мне показалось, что на это ушла целая вечность, хотя от Николаевского вокзала до дворца было не так уж далеко. Единственное, в чем я ошибся, так это в том, что пришел с парадного фасада, со стороны канала Грибоедова. Убедившись, что парадный вход наглухо заколочен, я отправился в обход.

На Театральной площади стояло орудие, возле которого дежурил очередной патруль. А за их спинами, словно не замечая этого надругательства над городом, раскинулся Мариинский театр — мертвое здание на фоне новых вандалов.

Проскользнув мимо патрульных, я зашел с черного хода. Ворота были нараспашку, и это должно было меня насторожить, только вот не насторожило. А может все дело в том, что я слишком устал. И только когда дуло пистолета уперлось мне в затылок, я замер поняв собственную ошибку.

— Не стоит делать резких движений, — голос был грубым, хриплым и мне показалось, что «взявший меня на мушку» не слишком трезв.

Я очень медленно кивнул.

Тем временем из-за колонн вышли три солдата в таких же потертых шинелях, как у меня, только у каждого на груди был приколот красный бант. И все трое были вооружены до зубов.

— Что ты тут делаешь?

— Было открыто, я зашел.

— Значит мародер? А ты знаешь, что по закону революционного времени мародеры расстреливаются на месте.

— Я искал родственника. У меня есть бумага...

— Бумага, говоришь, — и пистолет исчез. — Доставай, только двигайся медленно, спешить не надо.

Я в очередной раз запустил руку за пазуху и выудил спасительный мандат. Тот, кто стоял у меня за спиной, забрал бумагу, потом снова ткнул мне в спину дулом револьвера и объявил:

— А теперь не спеша ступай к дому. Там с тобой

начальство разберется.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

— Чего с ним церемониться? — заступил дорогу один из солдат.

Тот, что конвоировал меня, грязно выругался.

— Ты дураком был, дураком и останешься. От этого бродяги голубой костью за версту несет. Пусть-ка лучше с ним товарищ Константин побеседует.

После этого меня без дальнейших разговоров препроводили в особняк. Внутри все было перевернуто, словно тут что-то искали: вся мебель отодвинута от стен, ящики во всех шкафах и комодах выпотрошены.

В угловом кабинете за широким столом сидел руководитель этого бедлама — то и дело к нему подходил кто-то из революционных солдат, показывал какие-то бумаги, вещи, после чего некоторые из них оставались на заваленном всякими предметами столе, а часть возвращалось на свои места.

Потом он повернулся ко мне, и я обмер, почти сразу же узнав старого знакомого. Передо мной сидел... тот самый товарищ Константин. По крайней мере, так называли этого человека тогда... в далеком девятьсот пятом.

Он тоже сразу узнал меня.

— Что ж, господин ба-гх-он, гх-ад приветствовать вас в гх-эволюционном Пет-гх-ог-гх-аде. Удивлен. Я думал, вы погибли тогда... в Ка-гх-а-Кумах...

— Аналогично...

— Но что п-гх-ивело вас, ба-гх-он в дом убийцы и загово-гх-щика?

С Дмитрием Павловичем я встретился в Хамадане в марте 1917 году. Он тогда только прибыл в Персию из обезумевшего Петрограда, спасаясь от гнева Александры Федоровны. Мы были знакомы и ранее. Он знал меня, как верного человека, на которого в трудной ситуации всегда можно было положиться. Но только «Приказ №1» Февральской революции подвиг Дмитрия Павловича на откровенный разговор. Сам по себе этот «Приказ» Временного Правительства был истинным безумием (по крайней мере, нам тогда так казалось), но Великого Князя больше всего взволновал пункт третий. Там говорилось о том, что отныне солдаты во всех политических выступлениях должны слушать не офицеров, а подчиняться выборному комитету и Советам.

— Знаете ли, Григорий Арсеньевич, мне сейчас просто необходимо быть в Петербурге.

Мы беседовали в чайхане на окраине Хамадана. В полутемной зале, устланной старыми коврами, кроме нас, было несколько стариков из местных. Я бы сам никогда не зашел в подобное заведение, но Дмитрий Павлович вызвал меня запиской, сообщив, что хочет поговорить со мной, но разговор будет приватным и желательно, чтобы не было никаких свидетелей. Я согласился.

— В Петербурге... Но вы же только оттуда?

— И вы в курсе того, почему мне пришлось покинуть столицу?

Я кивнул. Какое-то время Дмитрий Павлович молчал, но когда он снова заговорил, в голосе его зазвучало напряжение, словно говорил он через силу.

— Гришка плохо умирал... Пока я с доктором и Пуришкевичем сидел внизу, Феликс Феликсович

накормил Гришку отравленными пирожными и напоил отравленным вином. В них цианида было столько, что полк солдат полет бы... Мы тогда долго недоумевали, в чем дело. Почему яд не берет проклятого Гришку, а потом все стало ясно... Вы когда-нибудь слышали о Ктулху?

Я снова кивнул.

— Да, мне доводилось общаться со старинными врагами Ктулху — Старцами и...

Дмитрий Павлович поднял руку, остановив меня. Лицо у него было словно вырезано из камня — такой Лик печали.

— Я не хочу знать ничего об этом... Все это ересь, и... Впрочем, я хотел лишь сказать, что когда Гришка умер, у него обнаружили дьявольские жемчужины. Именно благодаря им он и стал... Впрочем я не об этом. Знаете ли, Григорий Арсеньевич — вы, единственный на кого я могу положиться. Больше всего я боюсь, что эти «икринки Ктулху» попадут в плохие руки. Еще одного проходимца в духе Распутина России не пережить. Ах, если бы я мог вернуться в Петербург! — На мгновение он замолчал, а потом повернулся ко мне, взял меня за руку и внимательно посмотрел мне в глаза. — Я должен попросить вас, Григорий Арсеньевич, отправиться в Петербург. Я скажу вам, где спрятаны колдовские жемчужины, и вы уберете их... уничтожите... или, по-крайней мере, убедитесь, что они надежно спрятаны. «Жемчужины» не должны попасть в руки негодяев, а иначе я не могу назвать Керенского и его подхалимов. Боже мой, мне кажется Россия гибнет... Гибнет... Пообещайте, что всенепременно отправитесь в столицу и сделаете все, что зависит от

вас, чтобы ближайшие лет десять никто не смог добраться до тайного знания.

Что мне оставалось делать? Как монархист и человек не разменивающий присягу на вольности безумной республики, я сразу согласился. К тому же меня подогрела мысль о том, что в моих руках может оказаться источник невероятной силы и богатства. Нет, я, естественно не собирался, предав Великого Князя, заниматься спекуляцией, но почему бы не заняться самосовершенствованием? То, что я понимал все языки, части выручало меня, так почему же я должен был отказываться от удачи, которая сама шла мне в руки? Однако Дмитрию Павловичу я об этом ничего не сказал. Он просил меня спрятать «жемчужины», чтобы они не попали в плохие руки, то есть к представителям новой власти. Что ж, извольте. Об остальном Великому Князю лучше было не знать.

Однако случилось так, что в Петербург я попал почти через год, и первый, кого я встретил, оказался мой старый знакомец — товарищ Константин.

Единственное, что порадовало меня, когда я увидел весь этот разгром — большевики до сих пор не нашли «жемчужины». Да и в самом деле сыскать их было довольно трудно, если не знаешь о потайных ящиках в головах скульптур мавров, стоящих в Мавританской зале дворца...

— Но что п-гх-ивело вас, ба-гх-он в дом убийцы и загово-гх-щика?

За прошедшие годы товарищ Константин почти

не изменился, лишь чуть больше стала его плешь, да морщинки легли в уголках запавших пронизательных глаз.

— Итак, господин хо-гх-оший, я жду ответа. Вот и това-гх-ищи полны нетерпения.

Я лишь покачал головой.

— Я зашел лишь для того, чтобы повидать своего друга Феликса Феликсовича.

— Ай-я-яй! — покачал головой товарищ Константин. Улыбка его стала еще шире. — Как вы меня гх-асст-гх-аиваете. Вы ведь благо-гх-одный человек, офице-гх, а в-гх-ете как институтка на панели. Подумайте, батенька, куда это вас п-гх-иведет. Вы ведь ве-гх-ующий? Так? А гх-азве ве-гх-ующие, если в-гх-ут пе-гх-ед сме-гх-тью, в гх-ай попадут? Не попадут!

— Странные у вас понятия, — возразил я. — К тому же лгать мне нет причин. Я и в самом деле надеялся застать тут или самого Феликса Феликсовича, или кого-то из его родственников или слуг, кто смог бы подсказать мне, где его искать.

— Нехо-гх-ошо настаивать на собственной лжи. Вп-гх-очем, какая гх-азница. Так или иначе, но мы отыщем «жемчужины знания», — тут товарищ Константин сделал паузу и лукаво так посмотрел на меня, — С вами или без вас. Только вот п-гх-идется пот-гх-атить на это несколько часов моего д-гх-агоценного времени. Ну а пока... Голубков! — тут же один из матросов бросил копаться в бумагах и, подскочив к товарищу Константину. — Вот, това-гх-ищ Голубков, наш в-гх-аг — офице-гх, п-гх-едставитель класса эксплуатато-гх-ов, носитель «голубой» к-гх-ови. Не хочет помогать новой власти. Так что вы его на-

поите чаем... а потом гх-асст-гх-еляйте... — Матрос, хотел было что-то возразить, но товарищ Константин снова улыбнулся. — Вп-гх-очем, насчет чая я пошутил. Некогда нам чай гх-аспивать. Не в-гх-емя! Гх-эволюция, това-гх-ищ! Так что поставьте его к стенке без лишних затей, да и дело с концом.

И лишь у самого порога, он еще раз окликнул меня:

— Что, не пе-гх-едумали, господин ба-гх-он? Ну, тогда ступайте, с богом!

И матрос вывел меня из комнаты. Снаружи меня ждали старые знакомые солдаты. Они обрадовались мне, как старому знакомому.

— Ну, что сказал товарищ Конситантин?

— В расход!

— Ах, — облегченно вздохнули они, словно кто-то махом снял с их плечей непосильную ношу.

— А чего так обрадовались? Нам его расстреливать, нам же потом и тело грузить, — фыркнул матрос.

— Да ты Костя не понимаешь, — протянул один из солдат. — Ты ж крондштатский, тебе не понять. А вот когда такие гниды годами нас в окопах гноят... — и тут он начал излагать историю войны с точки зрения полного безграмотного дилетанта. Нет, я ничуть не защищаю наш штаб, который довел армию до полного разложения и упадка. Только тогда я начал понимать смысл воззвания Корнилова, который призывал к жесточайшему террору за дезертирство и мародерство. В итоге он сел в тюрьму, посаженный теми же, кого собирался защищать, а большевики в отместку несостоявшемуся белому террору объявили красный террор — отличное прикрытие для всеобщего грабежа. И еще это замечательное слово

«экспроприация»... А в какой армии дезертиров, то бишь предателей не расстреливали? Только вот теперь выходило так, что в предатели и дезертиры попал я сам, а мне это совершенно не нравилось.

Один из солдат осторожно подергал меня за рукав, потом кивнул в сторону двери, ведущей во двор.

— Пойдемте, вашродие, а то в доме стрелять несподручно будет. Раскинете мозгами и все тут забрызгаете. А тут эти кребдышины, шелка на стенах... Жалко ведь. Пойдемте... — и потянул меня за собой.

Я собственно и не думал сопротивляться. Дверь предоставляла мне единственный шанс, вырваться. Подходя, я весь подобрался. Похоже, один из моих конвоиров почувствовал, что я замышляю недоброе.

— Ты офицерик не балуй... — начал было он, только дальше ничего сказать не успел, потому как я со всего маха пнул его как раз между ног. Задохнувшись, он выпустил винтовку и схватился за причинное место, заваливаясь назад, на остальных своих товарищей.

Мгновение — и винтовка была у меня в руках. Один шаг и я захлопнул массивную дверь у них перед носом, а потом, сдернув с дула винтовки штык, со всего маху вогнал его в щель между дверью и косяком. Не ахти какой засов, но большего мне и не надо было, чтобы задержать преследователей.

Несколько шагов по двору — и навстречу мне выскочил человек в кожаной куртке с наганом в руке. Наверное, он хотел остановить меня сказать что-то вроде традиционного: «Стой, кто идет? Руки

вверх!» Только ничего он сказать не успел, потому как я прикладом приложил его по лицу. Больше никого у выхода со двора не было, и я на пару секунд замешкался, нагнулся, вынул из пальцев большевика наган, сорвал с плеча полупустую ленту с патронами — пригодиться. А потом со всей мочи рванул дальше, потому ни новое пленение, ни расстрел в мои планы не входили.

Оказавшись за воротами, я вновь замешкался. Бежать по улице? Меня остановит первый же революционный патруль. А ведь настоящих документов у меня не было, к тому же, судя по всему, товарищ Константин обладал достаточной властью. К тому же «жемчужины» оставались во дворце Юсупова, и хотя тайник и в самом деле был надежным, мне без сомнения необходимо было в этом убедиться. К тому же у меня с собой были кое-какие бумаги, оставлять которые таким людям, как товарищ Константин, не стоило. В любом случае нужно было возвращаться.

Я нервно огляделся в поисках подходящего решения. И тут... о чудо — приоткрытая парадная соседнего дома. Я бросился во тьму подъезда в поисках спасения.

Краем уха я слышал, как вылетела высаженная большевиками дверь. С криками высыпали они во двор, но к тому времени, я уже был на третьем этаже, и тут меня ждала необычная встреча.

Я уже преодолел пол-пролета, когда сверху мне навстречу выскочил человек в потертой куртке и картузе. В руке у него тоже был наган. Так мы и застыли, глядя друг на друга.

— Ты кто? — едва шевеля губами спросил незнакомец.

Лицо у него было грубым, плохо выбритым, а на щеке красовалась здоровенная родинка.

— А ты? — поинтересовался я, так и не ответив ему.

Мы стояли, молча пожирая друг друга взглядами, до боли в пальцах сжав рукоятки револьверов.

— И...

Незнакомец, не сводя с меня взгляда, облизал губы.

Снизу доносились крики. Кто-то побежал по улице, призывая патруль. Потом кто-то закричал:

— А вы пока посмотрите соседние дома!..

— Что станем делать? — шепотом спросил незнакомец.

— Пойдем наверх, — ответил я. — Там безопасно?

— Ну, как сказать...

Медленно, шаг за шагом, он начал подниматься. Оказавшись на площадке, подошел к одной из дальних дверей и аккуратно постучался. Дверь чуть приоткрылась.

— Шо... Шо там за шум?

— Тихо, Изя, у нас гости.

— Патруль?

— Нет, похоже. Если бы был патруль, то я бы не повел его со страма... Так что открой, мы зайдем, а там потолкуем.

Дверь открылась.

Незнакомец пятясь зашел в квартиру. Мне ничего на оставалось как последовать за ним, все так же наставив на него дуло револьвера. Как только мы оказались внутри, я остановился. Квартира, где я оказался, была богато обставлена, сообразно кварталу. Но, было во всем происходящем что-то непра-

вильное, несоответствующее. По крайней мере, тот парень, с которым я столкнулся на лестнице, в такой квартире жить не мог. Его потертая одежда не соответствовала богатой обстановке прихожей. Тут одна подставка для зонтиков и тростей из слоновой кости стоила больше, чем вся одежда незнакомца.

— Да вы проходите, проходите, — в прихожую выскользнул шкет явно еврейской наружности в жилетке, как у приказчика, и высоких начищенных до блеска сапогах. В руке у него был пистолет, и что характерно, нацелен он был на меня. — Проходите, и если уж зашли в гости, то дайте закрыть дверь, иначе все эти поцы через пять минут станут экспроприировать то, что мы конфисковали у профессора Троицкого. И не надо строить из себя институтку...

Еврейчик проскочил мимо меня, а я все так же выставив вперед дуло нагана, прошествовал за пятыми незнакомцем вглубь квартиры. Сцена, открывшаяся мне там, оказалась поистине удивительной.

На полу в куче мятых бумаг сидел полный, прилично одетый гражданин. Руки у него были крепко связаны, в рот забита какая-то тряпка. Рядом с ним в столь же беспомощном положении сидела жгучая брюнетка. За их спинами возвышалось три здоровенных хлопца, одетые как попало, но вооруженных до зубов. Даже если б я стал стрелять, то, без сомнения, кто-то из них успел бы и меня угостить пулей.

Все в комнате было перевернуто вверх дном. На полу лежали перевернутые ящики, обломки мебели, а кроме того, несколько узлов, из которых торчали меха и дорогие платья.

— Как я понимаю, вы, господа — налетчики? — начал я, чувствуя, что пауза затягивается.

— Можно сказать и так, — согласился один из троицы — тот, что повыше. Говорил он гнусаво, чуть растягивая слова. — Мы из Птенцов Керенского. Слышал о таких?

Я отрицательно покачал головой.

— Я в Питере всего несколько часов, не слишком-то сориентировался, что у вас к чему.

— Сорие... — попытался повторить за мной гнусавый, но так и не сумев, сплюнул. — Из офицеров значит, выходит.

— А может сдать его патрулю, — встрял тот, что стоял справа. У него была странная, сплюснутая голова, словно кто-то изо всей силы врезал ему по темечку, вот голова и сплющилась, а заодно ушла в плечи, так что от шеи ровным счетом ничего не осталось.

— Ты, Корень, полный фуфел гонишь, — выплюнул гнусавый. — Это, — он плюнул в сторону связанной парочки, — ты как господам большевикам объяснишь? Ты же знаешь, кто не в их банде, грабить не должен. Это их пьяным матросам все дозволено.

— Мне, собственно, наплевать на ваши разборки, — объявил я, покосившись на пленников. — Делайте, что хотите, а я займусь своими делами, и разойдемся с миром.

Гнусавый усмехнулся.

— Ты — благородный. Это ты сейчас говоришь, что наплевать, а когда мы дамочку пытаться начнем, чтобы вот этот козел, — он пнул связанного мужчину, — назвал номер сейфа, ты за пистолет схватиться. Знаем мы таких благородных.

Тут, к сожалению, он был совершенно прав. Я не собирався оставлять этих людей на произвол банди-

тов, но сейчас открывать пальбу, при счете пять к одному, тем более что револьвер у меня был чужой, не пристреленный, и то, что в барабане было шесть патронов — не факт. Вряд ли кто-то из этих «революционеров» хорошо относился к собственному оружию. Как правильно много лет спустя писал Булгаков «Разруха начинается в головах», а с головами у «пролетариев» было плохо, очень плохо. Не дружили они с головой, иначе все эту ерунду не затеяли бы. Пусть Керенский был сволочью редкою, но он все же лучше толпы матросов, принявших по стакану «балтийского пунша».

— В любом случае, если мы начнем стрелять, то во-первых: я парочку из вас уложу, прежде чем вы меня прикончите, а во-вторых патруль будет здесь и тогда и мне, и вам не поздоровится, — объявил я.

На какое-то время все застыли. Мне казалось, что я слышу, как с трудом проворачиваются шарики в головах моих «оппонентов». А потом все вышло само собой.

Меченый, тот, с которым я столкнулся на лестнице, неожиданно рванулся вперед, попытавшись выбить револьвер у меня из руки. Я крутанулся и выставил его между собой и тремя бандитами, словно живой щит. Пули ударили в спину бандита. Я же тем временем выстрелил в стоявшего сбоку еврейчика. Тот даже не успел пистолет свой поднять. Охнул и начал сползать по стене, оставляя кровавый след.

Грохот выстрелов стих, у бандитов патроны закончились. Тогда я отшвырнул в их сторону свой живой (а теперь уже мертвый) щит, ну а дальше... Мне хватило трех выстрелов и, слава богу, трофейный револьвер не дал осечки. После я нагнулся над

связанным мужчиной.

— Как вы? — поинтересовался я, сдирая веревки.

— Должен поблагодарить вас, и представиться, я...

— Все потом, — оборвал его я. Сейчас было не до сантиментов. В дверь квартиры уже стучали. — Сейчас здесь будет патруль, — я сунул в трясущуюся руку мужчине пистолет, выпавший из руки еврейчика. — Соберитесь! Вам сейчас придется побыть героем. Тут через минуту будет патруль. Расскажите им про налетчиков и все такое, вот только обо мне не слова. Вы сами, освободившись, перестреляли негодяев.

Мужчина только и смог, трясясь, кивнуть. Я встал, еще раз оглядел побоище. Нет, не тянул этот трясущийся бородатый человек на полу на стрелка-героя.

— Вы поняли, меня тут не было!

Подхватив свой вещмешок и револьвер Меченого, я помчался по квартире, пытаюсь отыскать потайной уголок. Ничего! Ну не в шкаф же прятаться, словно любовник-неудачник! Потом внимание мое привлекло окно в одной из дальних комнат. Оно выходило на крышу соседнего здания, которое было много ниже. То что нужно!

А в дверь уже ломались. Вот-вот и она слетит с петель.

Я рывком, раздирая газеты, которыми заклеили щели, распахнул окно, выскочил на крышу, потом осторожно прикрыл окно за собой, и, сделав несколько шагов, притаился за трубой. Еще было достаточно светло, и не стоило разгуливать по крышам, чтобы не привлечь к себе внимания.

Я решил переждать и, с наступлением темноты,

пробраться во дворец Юсупова, а пока... Присев на выступ трубы, я пересчитал боеприпасы. Шесть патронов. Я перезарядил револьверы, так чтобы теперь в каждом было по три патрона. Теперь я чувствовал себя более уверенно. Не то, чтобы я был вооружен, но...

В квартире, которую я только что покинул, раздались выстрелы, потом оттуда донеслись истошные женские крики, но я не реагировал. Как говорится, это была не моя песня. Пусть профессор, или как его там, решает свои проблемы сам. Один раз я уже ему помог, а с местными властями пусть сам разбирается. В конце концов, у меня была своя миссия, много важнее, чем спасение какого-то Троицкого.

Прошло часа два, прежде чем все стихло и окончательно стемнело. Город погрузился в кромешную тьму. Не горели ни окна домов, ни уличное освещение. С залива был холодный пронизывающий ветер. Если честно, то я хотел досидеть в своем укрытии до полуночи, и только потом отправиться на разведку. Но холод согнал меня с места много раньше. Моя тонкая шинель не спасала от ветра. Я несколько раз пересаживался, пытаюсь укрыться от ветра за трубой, но все было бесполезно. Потом плюнув на все, я начал осторожно пробираться к крыше дворца. Перебравшись на нее, я, стараясь ступать как можно тише, добрался до ближайшего чердачного окошка. Оно оказалось заперто. В первый момент я решил было продолжить путешествие по крыше, а потом осторожность взяла верх. Ударом рукояти пистолета я выбил стекло. Звук получился ужасно громким. Мне показалось, что пол-Петербурга вздрогнуло от звона. Я замер, ожидая топота ног, крика, вспышек фонарей... но ничего подобного не случилось. Вновь

в мире воцарилась мертвая тишина.

Осторожно, чтобы не порезаться, я просунул руку в дыру, нащупал задвижку. Мгновение — и окно было открыто. Несколько секунд я сидел неподвижно, ожидая. Вдруг враг затаился в тенях чердака, только и ожидая, когда я залезу внутрь, и стоит мне влезть на чердак, в спину мне упрется дуло револьвера, и хриплый от кокаина голос прошепчет мне в ухо: «Руки вверх!» Сколько я вот так безмолвно, замерев, просидел на крыше, я не знаю. Но никакого окрика не последовало. Только вот минус — внутри царила настоящая тьма египетская.

Чиркнув спичкой, я поднял руку повыше, осветив большое, пыльное, заставленное ненужными вещами и какими-то коробками помещение. В неровном веете спички я постарался сориентироваться, потом, осторожно ступая в полной темноте, словно настоящий слепой, двинулся туда, где, по моему мнению, находился выход с чердака.

Предчувствие меня не обмануло. Еще две спички, и я обнаружил люк. Дальше началось самое опасное. Я осторожно попытался приоткрыть люк, только вот осторожно не получилось. От скрипа и скрежета и мертвые должны были встать из могил. Пришлось действовать быстро. Я спрыгнул в комнату и замер за дверью. Через мгновение та распахнулась, и на пороге появился здоровенный моряк с лампой. Подняв лампу повыше, он шагнул в комнату и тут же получил рукоятью нагана по затылку. Однако прежде чем он рухнул на пол, я подхватил из его ослабшей руки лампу. Вновь отступил за дверь, ожидая новых незваных гостей, но никто не появился. То ли в этой части дома больше никого не было, то ли...

Впрочем гадать было бессмысленно.

Пополнив свой арсенал еще одним револьвером, я заткнул лишнее оружие за пояс, и, освещая себе путь лампой, пустился в «путешествие» по темному особняку.

Вскоре причина «исчезновения» революционных солдат стала мне ясна. Я встретил человек пять, беспробудным сном спавших на дорогах диванах, безнадежно изгаженных грязными сапогами и «зараженных» вшами. На всякий случай, хоть это и не благородно, я пробирался по особняку сея смерть. Нет, против этих людей у меня ничего не было, но одно то, что они подчинялись товарищу Константину, делало их моими врагами, а в данной ситуации мне надлежало максимально себя обезопасить.

Сложнее оказалось перебраться на первый этаж. На лестнице дежурили двое часовых, и они не спали. Тут пригодились уроки войны. Брошенная монета. Солдат повернулся, увидел монету на полу, нагнулся, чтобы поднять. Тем временем я, выскользнув из темноты, ребром ладони ударил его товарища по кадыку, а потом с разворота обрушил каблук на основание черепа нагнувшегося за монетой. Еще мгновение — и оба часовых распластались на полу, а я черным смертоносным призраком заскользил дальше.

Товарищ Константин сидел на том же месте, перебирая бумаги. Он не услышал моих шагов. О моем присутствии он узнал только тогда, когда дуло револьвера уперлось ему в затылок.

— Еще раз здравствуйте... — начал я.

— А, так это вы, ба-гх-он! — с облегчением вздохнул това-гх-ищ Константин. — Я-то уж подумал, что кто-то из этих мелкобу-гх-жуакзных п-гх-едателей

подослал убийц... — и, так и не услышав от меня ответа, продолжал. — Ну, вы же не станете стрелять в затылок ста-гх-ому знакомцу?

— Что вам известно о икре Ктулху?

— Вы имеете в виду «жемчужины»?

— Еще ваш один вопрос — и мои нервы не выдержат, — предупредил я.

— Ну, что ж вы, батенька, в такие годы и столь нервны. Вам бы подлечиться в Швейца-гх-ии. Знаете ли там отличные докто-гх-а. Могу по-гх-екомендовать вам...

— Послушай, гнида большевистская, — мое терпение и в самом деле было на исходе. — Я бы тебя пристрелил, но не хочу руки марать, тем более вас тут слишком много, чтобы мне справиться в одиночку. Так вот... — тут я зашнулся, потому что в голову мне неожиданно пришла одна забавная мысль. Зная упорство товарища Константина, я понимал, что он по камешкам разберет дом, но доберется до «жемчужин», чего допустить было никак нельзя. Забрать их с собой? В сложившейся ситуации это был большой, очень большой риск. Итак... А что если оставить их на месте, только сделать вид, что я их забрал. Но как... — Я могу положиться на ваше слово?

— А как же!

Но, судя по тону, я понял, что верить товарищу Константину ни на грош нельзя. Однако я рисковать и не собирался.

— Хорошо, — протянул я сделав вид, что задумался о чем-то важном. — Я сейчас уйду. Для того, чтобы забрать «жемчужины» мне понадобится где-то час и еще полчаса, чтобы оказаться отсюда как можно дальше...

— Даю слово, вас никто не тронет.

В голосе товарища Константина было столько фальши, что я скривился, словно съел без сахара огромный кусок лимона.

— Однако, извините, придется подстраховаться, — и я все тем же точным ударом обрушил рукоять револьвера на затылок негодяя. Только в этот раз я постарался, чтобы удар получился не таким уж сильным. Мне нужно было вырубить, а не убить «революционера». Теперь же, очнувшись, он будет считать, что я забрал «жемчужины» и станет искать их где угодно, только не в доме Феликса Феликсовича.

Пройдя в Мавританскую гостиную, я встал возле одного из мраморных мавров. Когда я сильно надавил на глаза скульптуры, щелкнула потайная пружина, и чалма откинулась в сторону — голова внутри была пустой. Однако в тайнике ничего не было. Он был пуст. На мгновение волна отчаяния захлестнула меня. Неужели я и в самом деле опоздал, и товарищ Константин уже обнаружил бесценный клад. Однако не стоило раньше времени впадать в отчаяние. Осторожно закрыв тайник, я подошел ко второму мавру из мрамора — точной копии первого. Снова нажал на глаза и открыл второй тайник. Надавлив на глаза-кнопки, я открыл тайник и облегченно вздохнул. Жемчужины были на месте.

Теперь мне нужно было спешить. Я не знал, сколько еще «революционеров» во дворце. В любой момент кто-то мог войти и застать меня врасплох, или найти товарища Константина.

Вытащив из-за пазухи шкатулку — ту самую, что давным-давно нашел я в древней усыпальнице в Манчжурии, я переложил туда все «жемчужины» из

тайника, так что моя жемчужина — та, что первоначально хранилась в шкатулке, затерялась среди остальных, сверху прикрыл их своим маньчжурским дневником. И тут меня словно черт попутал. Я вытащил одну из «жемчужин» и убрал в карман. Если меня схватят большевики, то найдя одну из «жемчужин», они будут считать, что я забрал и все остальные. Так рассуждал я в тот момент. Хотя если честно, не смотря на то, что я обещал Великому Князю не использовать «жемчуг» Распутина в корыстных целях, я отлично понимал, что каждый черный шарик — бесценное сокровище, скрывающее демона, который может наградить тебя... Вот только чем? Та «жемчужина», что я нашел в Маньчжурии подарила мне способность понимать, говорить и читать на любом языке. Что таил в себе шарик, который я спрятал в карман? В тот миг я об этом даже не задумывался. К тому же нужно еще было найти подходящее заклинание вызова, чтобы пробудить сокрытого в шарике демона.

Итак, оставив себе одну из жемчужин, я закрыл шкатулку на ключ — его врезал в шкатулку по моей просьбе один умелец из Самарканда, — а потом запер сокровища в голове мавра. Еще раз проверив оружие, я отправился в обратный путь на крышу дворца. В этот раз мне никто не встретился. Часовые были или мертвы, или спали мертвым сном.

Меньше чем через пять минут я вновь был на крыше дворца. Куда дальше? Я задумался. Единственным безопасным местом показалась мне квартира того самого профессора. В конце-концов, я спас его и его даму. Что-то это да стоит. Патруль у него уже побывал, так что снова к нему не полезут.

Я осторожно проделал обратный путь. Пробрался на чердак, а потом без всякого труда выбрался на крышу. Тут мне пришлось затушить лампу. Человек посреди ночи гуляющий с лампой по крышам, сам по себе подозрителен, если даже отбросить в сторону все остальные обстоятельства.

Через несколько минут я уже был у знакомого мне окна. Никто так и не удосужился закрыть шпингалеты, поэтому я с легкостью приоткрыл окно и нырнул в квартиру профессора Троицкого.

Зрелище, открывшееся мне было поистине удивительно. Тот бардак, что устроили Птенцы Керинского ни шел ни в какое сравнение с тем, во что превратилась квартира. Все было перевернуто вверх дном. Тюки с награбленным добром исчезли, правда, вместо них на полу лежали в ряд трупы налетчиков. Рядом с ними на диване сидел профессор и плакал. Он никак не отреагировал на мое появление и традиционный в таких случаях вопрос: «Что случилось?»

Не останавливаясь, я продолжал осмотр квартиры. Входная дверь была выломана подчистую и теперь стояла, прислоненная к косяку, лишь отчасти закрывая выход на лестницу. Я задернул тяжелую занавесь, чтобы не так дуло.

Девушку я нашел в дальней комнате, видимо, служившей спальней. Судя по крови и разорванной одежде, ее изнасиловали, но, по крайней мере, она была жива. Тут мне делать было нечего, однако в любом случае, следовало дожждаться рассвета. Наверняка меня будут искать, а ночью, во время комендантского часа, без документов я мог снова с легкостью оказаться в руках товарища Константина.

Вернувшись к профессору, я присел на диван рядом с ним, вынул из мешка фляжку хорошего коньяка — неприкосновенный запас, который я берез с Кавказа и протянул профессору.

— Как ее зовут? — спросил я, кивком указав в сторону спальни.

— Фейга Хаимовна. Она из анархистов, а они у большевиков не в моде ныне. Бывшая террористка, была вне закона у старого Правительства.

Я сделал большой глоток коньяка, почувствовал, как обжигающая жидкость хлынула в желудок, и глубоко вздохнул, потом протянул флягу профессору. Он ни слова не говоря сделал большой глоток.

— Так это они ее так?

— А кто ж еще! Им теперь все можно, — профессор встрепенулся, вскинул к потолку козлиную бордку, а потом не своим голосом завопил: — Быдло! Уроды! Хамы!

Я покосился на него.

— И охота вам так горло драть?

— Да уж лучше бы те налетчики были. Уж от них, по крайней мере особого вреда не было. Ну, ограбили и все. А эти, и ограбили, и избили, и отымели...

— Как и вас тоже?

Профессор словно окаменел, а потом уставился на меня выпученными глазами.

— Да что вы себе позволяете?!

— Извините, если я неправильно вас понял, — я хотел было еще глотнуть коньяка, но профессор буквально вырвал у меня фляжку и стал пить огромными глотками, потом закашлялся, уронил голову. — Кстати, мы не представлены, — продолжал он совершенно другим, осипшим голосом. — Иван Иванович

Троицкий.

Мне ничего не оставалось как назвать себя:

— Григорий Арсеньевич Фредерикс.

— Из тех самых Фредериксов?

— Двоюродный брат Владимира Борисовича.

— Весьма рад знакомству! Хотя какое там к черту рад. Если бы не вы, нас всего лишь ограбили бы. Налетчики, знаете ли, много предпочтительнее нынешних властей.

— Уж, извините. Я в городе только первый день и еще не освоился с вашими «нововведениями».

— И откуда же вы к нам пожаловали?

— Из Ирана. Правда, в Петербург я отправился почти год назад, сразу после Февральской революции.

— Ах, эти революции! Революции! — Иван Иванович схватился за голову. — А ведь какая была страна, какая страна! Но теперь все пойдет прахом, чую! Разве это возможно, чтобы быдло устанавливало законы?

— Ну, они ведь тоже люди. Они тоже хотят человеческой жизни, — попытался возразить я. Хотя сказал я это не от чистого сердца, а так, для приличия. В эту ночь за время прогулки по дворцу Феликса Феликсовича я прикончил человек двадцать и ничуть не жалел об этом. Если бы мне дали волю, я бы лично расстрелял всех дезертиров, но высказываться об этом вслух... Тогда, несмотря на все пережитое, во мне еще сохранились иллюзии относительно первозданной чистоты душ человеческих. Поэтому, словно сам себя убеждая, я еще раз повторил. — Они ведь тоже люди...

— Это вы не мне, это вы ей скажите, — и он кивнул в сторону спальни.

Я повернул голову. На пороге стояла брюнетка... Фейга или как ее там. В разорванной одежде, в крови, она выглядела так, словно попала под извозчика, и ее метров десять тащило по дороге. Под правым глазом наливался фиолетовый синяк, голая грудь, торчащая из-под обрывков блузки. была исцарапана.

— Ты знаешь, там, — она вяло махнуло рукой в сторону спальни. — Там так холодно. Пойду, пожалуй, приму ванну, — и, осторожно ступая, она стала пробираться среди разбросанных по полу обломков мебели, обрывков бумаг и книг. А потом неожиданно остановилось, и ее выразительное лицо скривилось в гримасе злобы. Мгновение — и она из симпатичной дамочки превратилась в разъяренную фурию. Не хотел бы я оказаться на дороге у такой женщины. — Поймаю этого картавого выродка, когда он свои речи с трибуны толкать будет и пристрелю как бешеного пса, словно чумную шавку. Намажу пули ядом, ядом, чтобы эта тварь помучалась! — и она злобно топнула ногой, а потом разрыдалась и стремглав бросилась в ванную.

Неужели мой картавый друг и тут «наследил»? Хотя с такого станется. Как говорится: «наш пострел везде поспел».

Иван Иванович приподнялся, чтобы последовать за Фейгой, но я остановил его.

— Не стоит. Ей сейчас лучше побыть одной. Лучше ее не беспокоить.

— Уверены.

— Но может быть, ей нужна медицинская помощь... Может...

— Раны ее скорее психологические, чем физиче-

ские, — вздохнул я.

— Да, эти «революционеры» не церемонятся. Один из них даже заявил, что скоро все женщины станут общественным достоянием, и каждый кто захочет, сможет иметь любую в любое время суток.

Я присвистнул.

— Что-то новенькое. О таком я в большевистских манифестах еще не читал.

— То ли еще будет... то ли еще будет... Вначале они все ценности объявят общим достоянием, потом всех женщин... а потом...

— Потом люди вымрут, как мамонты.

— Эх, какую страну просрали... Будь прокляты все эти Керенские, Милюковы, Троцкие... Революционеры! Свободу крестьянам! Каким крестьянам! Безлошадникам, у которых нет ни кола, ни двора? Да ведь им-то и терять-то нечего кроме «своих цепей», которых и так нет... Учредительное собрание!.. Да им плетка нужна, а не свобода. Ведь пьют, горланят, кокаин нюхают уже который месяц, и сказать ничего нельзя... Свобода!

Иван Иванович вздохнул и вновь уселся на свое место, а я, протянув руку, поднял одну из валявшихся на полу книг. На обложке значилось «Энциклопедия оккультизма в изложении профессора Альфреда Леманна». На мягкой обложке толстого картона была гравюра — несколько человек, занимающихся вызовом духов сидели вокруг стола, взявшись за руки.

— Странная книга, — удивился я. — Вы ведь, как я слышал профессор, только вот каких наук?

— Спиритизма и прочего... — вздохнул Иван Иванович. — Я занимаюсь оккультизмом и всем, что с ним связано.

- И мифологию Ктулху небось изучаете?
— А что, вы тоже мистик? — встрепенулся профессор с интересом посмотрев на меня.
— Нет, — покачал я головой. — Практик.

Глава 2. Хрустальный коридор

*...Нам свобода дорога,
Через прорезь пулемета
Я иду в пыли врага.
Застрочу огнем кинжальным,
Как поближе подпущу.
Ничего в бою не жаль мне,
Ни о чем я не грущу.*

Н. Махно «Кони версты рвут наметом»

Последнее время я чаще ухожу на дальний конец виадука и там сажусь у зеркала — огромного прямоугольного металлического листа, сориентированного таким образом, что на него передается отражение с зеркала, стоящего на вершине ближайшей горы. А то зеркало в свою очередь передает изображение еще откуда-то, а то в свою очередь... и так далее. Только в итоге выходит так, что на том зеркале, что в конце виадука, я вижу Землю, мою родную Землю. Я отлично знаю, что она где-то там, по ту сторону Луны, и я, быть может, никогда ее больше не увижу. Никогда больше не пройду по цветущим березовым рощам.

Впрочем, все это лирика. Много чаще я думаю о России. Но не о кроваво-красном СССР, где кровь лучших людей страны была смешана с грязью сапог воинствующего быдла. Где же вы ныне, прежние столпы России? Где Демидовы, Сытины, Рябушинские, Елисеевы, Абrikосовы, Шустовы, Сорокоумовские, Поляковы? Где? Расстреляны безграмотными матросами, которые устроив войну классов, уничтожили величайшую в мире Империю? Или бежали в томный Париж, страстный Константинополь, опиумный Харбин? Почему сложилось так, что погиб Корнилов — единственный человек, обладающий достаточной силой власти, чтобы остановить красное безумие? Чем мы прогневали богов, что они прописали России столь низкое падение, после столь великого подъема?

Часто после такие размышлений и созерцаний мы спорим с Василием. Но что может противопоставить он, воспитанный на утопических идеях Маркса реальности, которая никого не щадит, которая дает человеку сообразно его заслугам? Вот только чего я не могу понять: неужели, чтобы победить врага, я имею в виду не только внешнего, но внутреннего надо, согласно Кутузову «сжечь Москву»? Что такого зловещего в этом городе, почему все беды и несчастья России начинаются именно оттуда? Ведь называй, не называй Санкт-Петербург столицей трех революций, первые выстрелы прозвучали в Москве еще в девятьсот пятом. Красная Пресня тогда переполнилась пролетариатом, в истинном значении этого слова. Соскочив с конопляного чая, в Москву потянулись огромные толпы безземельных бездельников — тех, между кем большевики хотели все раз-

делить.

Впрочем, оставим в стороне политику, вернемся назад в семнадцатый, на квартиру профессора, у которого я задержался ни на день, и ни на два. Что я искал? Ключ к тайнам «жемчужин». Мне не терпелось узнать, что же у меня в руках. Однако Троицкому я о жемчужине ничего не рассказывал. Свое же появление я объяснил профессору необходимостью уничтожить в доме Юсуповых некоторые бумаги, касающиеся состава офицерского клуба и прочего. Совершенно очевидно, что подобные документы не должны были попасть в руки нынешней власти.

Когда же я все это изложил хозяину квартиры, он сам предложил мне остаться, и я большую часть времени проводил в библиотеке, пытаясь среди многочисленных эзотерических и колдовских книг и рукописей отыскать хоть что-то об икринках Ктулху. Тогда я еще по наивности не знал, что в простых книгах подобные знания отыскать нельзя.

Сколько корил я себя потом за то, что не вмешался в происходящее, не попытался подать свой голос против кровавой власти большевиков! Но тогда все происходящее за стенами квартиры Троицкого казалось мне неважным, несущественным. И вот после многих недель безрезультатных поисков в голову мне пришла одна безумная мысль. Если жемчужины столь похожи между собой, что даже опытный человек не может их отличить, то почему заклатья должны быть разными? Что если попробовать воздействовать на жемчужину заклятием вызова предыдущей жемчужины, а потом... Впрочем, это потом казалось мне слишком неопределенным.

Выждав, когда Троицкий в очередной раз отпра-

вится в город на поиски съестного, я начертил на полу в библиотеке пентаграмму, только в этот раз в защитную фигуру я поместил «жемчужину». Мне совершенно не нужен был бродящий по городу демон, потом, по памяти прочел заклятие. И что удивительно, колдовство сработало, однако не так как нужно. Вместо демона передо мной открылся туннель — туннель ведущий неведомо куда... В мир демонов или... Я тогда и понятия не имел, что может все это означать. Я всего лишь произнес заклинания, а потом в пентаграмме, где должен был появиться демон, возникло странное свечение, словно в воздухе подвесили сотню хрустальных капелек и они, повинуясь движению невидимой руки, закружились в странном хороводе, постепенно образуя трубу, уходящую в бесконечность. Я тут же обошел пентаграмму, пытаюсь понять, куда же ведет этот странный ход. Однако представьте себе мое удивление, когда этот ход начал поворачиваться следом за мной. С какой стороны пентаграммы я бы ни стоял, я всякий раз оказывался у входа в коридор. Тогда я воспользовался зеркалом. И каково же было мое удивление, когда я увидел, что картинка передо мной та же самая, что и в зеркале! Выходило так, что с какой стороны ни зайдешь в пентаграмму — окажешься у входа в таинственный коридор. Геометрическое, а точнее пространственное безумие! А может он сам никуда и поворачивался, и все это было лишь оптической иллюзией?

Но если это и в самом деле туннель, то куда он ведет? В мир демонов? Поддавшись некоему колдовскому очарованию, я шагнул вперед, вытянув руку, и натолкнулся на невидимую стену. Ход был неви-

димой стеной. А может в моих заклятых чего-то не хватало, для того, чтобы проход открылся. Где же взять эту недостающую часть? Я попробовал еще несколько раз, чуть меняя текст, но эффект был тот же самый — всякий раз, стоило мне произнести нужные слова в воздухе появлялся туннель, ведущий неведомо куда, но отгороженный от этого мира.

Той же ночью в тайне от Троицкого — он бы наверняка не одобрил этот поступок — я еще раз пробрался во дворец Юсупова. В этот раз там никого не было, разве что сторожа, но они мне не помеха. Я вновь открыл тайник и в этот раз забрал еще пару «жемчужин».

С нетерпением ожидал я, пока Троицкий снова покинет квартиру, отправившись на поиски пропитания. Как только дверь за ним захлопнулась, я заново прочертил пентаграмму и повторил свои опыты. Результат оказался тот же самый. На неполное заклятие все жемчужины открывали лишь коридор, в который невозможно было попасть. Я долго ломал голову, пытаюсь понять, что же мне делать. Вернуться во дворец Юсупова и поискать ответ там? Если честно, то я не верил в успех этого мероприятия. Если люди товарища Константина ничего не нашли, почему должно повезти мне? Тем более, что мне-то придется действовать ночью, в тайне от всех.

Похоже, я оказался в тупике.

Разрешилось все в результате серии несчастных случаев. Хотя теперь, вспоминая все, что случилось в тот знаменательный день, я прихожу к выводу, что здесь виден если не перст Судьбы, то уж, по крайней мере, рука Ктулху.

Во-первых, я накануне вновь, в очередной раз

побывав во дворце Юсупова, вернул себе свою жемчужину — ту самую, заклятие вызова для которой я знал. Однако я, помня предыдущий свой опыт, был переполнен сомнениями. Если я вызову демона внутри ментальной клетки, не рассердится ли он, ведь у меня не будет для него дара? Не скармливать же ему Троицкого? К тому же, профессор был мне определенно симпатичен.

В тот день Троицкий рано утром ушел в город. «Отправился на Сенную», — как он сам сказал... и исчез. И только поздно вечером, кто-то постучал в дверь. К тому времени я извелся: ведь если с профессором что-то случилось, мне пришлось бы бежать из города. У меня не было надежных документов, кроме того, люди товарища Константина наверняка разыскивали меня. Если бы не это, я, наверное, не подошел бы к двери.

— Кто там?

— Важная телеграмма для профессора Троицкого.

Тот, кто стоял за дверью, произнес важное слово: «телеграмма» и знал, что в квартире живет профессор Троицкий. Я же, измученный ожиданием и полным неведением, поддался на эту приманку. Хотя если бы я не открыл дверь, что бы произошло? Скорее всего, то же самое, незваные гости все равно вломились бы в квартиру, как это уже было один раз, только вынесли бы вновь вкрученные петли входной двери...

Так вот, стоило мне только чуть приоткрыть дверь, как мне в правую ноздрю уперлось дуло нагана. Причем мушка так больно защемила нежную кожу, что я чуть не взвыл.

— А теперь, барон, медленно открывайте дверь, —

произнес глубокий голос с благозвучным кавказским акцентом. — Открывайте медленно, не стоит делать резких движений, — и дуло чуть повернулось — ощущение малоприятное.

Мне ничего не оставалось, как открыть дверь. Естественно, я мог упереться и отказаться, вывернуться и захлопнуть дверь. Но дверь все равно вынесли бы, а к побегу по крышам я готов не был.

Когда дверь распахнулась в комнату вломилось с десяток красноармейцев, больше напоминающих привокзальных нищих. Верховодил всем невысокий грузин по кличке Коба с густыми усами и лицом, изъеденным оспой.

— Общайте тут все. А мы пока побеседуем, — и он толкнул меня вглубь квартиры.

Я сделал вид, что полностью подчинился, и осторожно отступил точно в центр колдовского рисунка, а потом швырнул жемчужину на пол за пределы защитной пентаграммы.

— Чего выделяешь! — взвился грузин и со всего маху шибанул меня по лицу рукоятью нагана, я с трудом устоял. Что бы не случилось, а покидать границы защитной пентаграммы не стоило.

Так и не дождавшись от меня ответа — я сделал вид, что мне очень больно — грузин наклонился и подобрал жемчужину, потом поднес ее к глазам, держа в левой руке. Сам же я без остановки повторял заклятия вызова демона. Сколько раз я прошептал его? Десять? Двадцать?

Тем временем грузин продолжал рассматривать «жемчужину». Наконец, не поднимая головы, он посмотрел на меня из-под густых бровей.

— Похоже, это именно то, зачем я сюда пришел.

Из других комнат доносился грохот, треск дерева — похоже, спутники грузина доламывали то, что еще не сломали люди товарища Константина.

— И долго ты будешь твердить одно и то же? — голос прозвучал у меня в голове. Как же давно слышал я его? Больше десяти лет назад, где-то в бескрайних лесах южной Сибири.

От неожиданности я дернулся всем телом.

— Что с тобой? — грузин вновь поднял взгляд на меня. Я ничего не ответил, тогда незванный гость поднял пистолет и внимательно оглядел комнату, словно ожидал увидеть кого-то прячущегося за занавесками или в дальнем углу среди обломков мебели. — Я не понял!

И тут его скривило. Рука, в которой он держал «жемчужину», затряслась. Лицо скривилось. Трубка выпала изо рта и со стуком упала на пол. Я уставился на «жемчужину», могу поклясться, что видел, как жизненные силы покидают тело грузина, перетекая в крошечный черный шарик. Рука начала ссыхаться, словно кто-то очень медленно выпускал воздух из воздушного шарика. Грузин завопил, отшвырнул «жемчужину» и бросился прочь из комнаты. Я слышал, как хлопнула за ним входная дверь.. А маленький черный шарик ударившись о стену, покатился в мою сторону.

Я замер, окаменев. Я зачарованно смотрел на «жемчужину», которая катилась по полу в мою сторону. Что случится, если она пересечет линию защитной пентаграммы? Демон бросится на меня? Где-то я читал, что больше всего вызванные к жизни демоны любят пожирать душу и плоть тех, кто вызвал их к жизни.

Однако то ли мне повезло, то ли защитная пентаграмма сработала, только «жемчужина» остановилась у самой границы рисунка.

Я слышал, как разочарованно вздохнул демон.

— Итак? Чего тебе надобно, смертный? — поинтересовался он.

Я замер, обливаясь холодным потом.

— Ну, говори! — требовательно продолжал он. — Научить тебя еще чему-то я не смогу, так что честно ответь мне: зачем ты меня вызвал.

— Там... В соседних комнатах... люди... — запинаясь начал я.

— И ты хочешь, чтобы я их забрал?

— Да, — с трудом выдавил я.

— А так же тех, кто приехал с ними и ждет в машинах внизу?

Я сглотнул.

— Забери их вместе с машинами.

— Не, железки мне не нужны, — проворчал демон. — И что ты потребуешь у меня взамен за такой дар?

— Возьми их и уходи.

— Первый раз вижу человека, который дает демону души, но ничего не требует взамен.

— Мне... Я... — я было замялся, но тут в голову мне пришла одна забавная мысль. — А куда ведет ход, который появляется, если не до конца произнести заклятие?

— Хорошо...

В комнату заглянул один из красноармейцев.

— А где... — начал было он.

— Сначала прими дар, а потом поговорим! — взмолился я.

— Уговорил, грешничек, — проворковал демон, и тут же воздух в комнате начал темнеть. Нет, сначала наступила абсолютная тишина. Полная тишина, словно кто-то сунул затычки мне в уши. В первое мгновение мне даже показалось, что я оглох. Так нет. Ничего подобного. Просто наступила мертвая тишина.

В сгущающейся тьме, перед тем как комната погрузилась в кромешную ночь, я увидел, как дернулся, заглянувший в комнату человека. Лицо его скривилось. Он закричал, то ли от боли, то ли от ужаса! И потом оно начало таять, словно оплывающая восковая свеча... Хвала богу, я так и не увидел конец этого превращения.

Стало темно, а потом мрак начал рассеиваться.

И тут я с ужасом осознал, что передо мной на полу застыло странное, уродливое существо. Ростом чуть выше метра, оно было очень широким, огромная голова, гигантская выгнутая грудная клетка и крошечные ножки с огромными ступнями. В первый момент мне даже показалось, что не ступни это вовсе, а огромные ласты, увенчанные когтями длиной с мой локоть. Руки твари были не менее уродливыми. Узкие в плечах, они расширялись к ладоням, каждая из которых больше напоминала лопату с крошечными пальчиками и огромными когтями землечерпалки. Одно плечо твари были выше другого а по буро-красному телу местами росли кусты жесткой шерсти длиной с мой мизинец, больше напоминающие огромные бородавки. Голова была совершенно лысой, а лицо с огромным носом, почти касающимся выступающего вперед острого подбородка, и парой клыков, торчащих в уголках рта,

выглядело неудачным творением карикатуриста. По полу бил длинный тонкий, крысиный хвост.

— Ты хотел, чтобы я сказал тебе, куда ведет ход неполного заклинания? — поинтересовалась тварь.

— Да, и как открыть коридор, — с трудом сдерживая себя, пробормотал я. Общение с демонами не было моим обычным занятием. Я дрожал и трепетал всем своим существом перед этой уродливой тварью, и только ее откровенно смешной вид удерживал меня на месте, в центре пентаграммы.

— Я смотрю, ты хорошо держишься, — продолжало чудовище. — Другой на твоём месте уже давно убежал бы... Что же касается твоего вопроса... — тут демон замялся. — Конечно, я принял твой дар и теперь тебе обязан, тем более что это безбожники были таким вкусненькими, — тут он прервался, облизав тонкие губы, длинным, змеиным, раздвоенным на конце языком. Мне даже показалось, что я вижу чешуйки на розовой нежной плоти. — Может, ты задашь мне другой вопрос.

— Другой вопрос? — удивился я, переспросив.

Демон кивнул.

— Видишь ли... — продолжал он после небольшой паузы. — Этот коридор — побочное явление, природу которого я не могу точно определить или называть.

— Выходит, и ты не знаешь, куда он ведет?

— Демон только пожал плечами. Раньше ничего подобного не было. Раньше, если кто-то неправильно использовал «икринки Ктулху», то ничего не происходило, но теперь... Теперь мне кажется, вмешалась какая-то иная, странная сила. Сила, саму природу которой я не могу объяснить.

— И...

— Задай другой вопрос.

Я покачал головой. Не знаю, почему, но я словно чувствовал, что нахожусь на правильном пути.

— Не хочешь... Хорошо... — демон задумался, а потом встрепенулся, словно в голову ему пришла какая-то славная идея. — Ладно. А если сделать по-другому. Я открою тебе дорогу, а ты сам сходишь и посмотришь, куда она ведет.

— А как я вернусь?

— Тебе оно надо? — удивился демон. — Ты же хочешь убраться из этого города? Или нет?

Тут я замялся. Если честно, я скорее хотел не убраться, а перебраться в один из своих особняков или доходных домов. Только вот как миновать патрули, которые всенепременно охраняют подходы к этим зданиям. Ведь товарищ Константин знал, что я в городе. Но и оставаться в квартире у Троицкого не было никакой возможности. Сбежавший кавказец наверняка уже разболтал своим о том, что видел меня в квартире профессора.

— Ты совершенно прав, — вдруг совершенно неожиданно заговорил демон, прервав мои размышления. — Они идут сюда, а я уже пообедал...

— Хорошо. Но после того, как я пройду через портал, ты закроешь врата.

Демон кивнул.

— Итак?

— Я сейчас исчезну. Потом тебе надлежит поместить жемчужину в пентаграмму, ограничивающую сферу влияния иного, и вновь произнести формулу, но не до конца. Сам сообразишь, где остановиться. Появится коридор. Когда ты пройдешь его, я за-

крою дорогу.

— А «жемчужина» останется тут, в этой квартире.

— Верно... И ты больше не сможешь меня беспокоить.

Я задумался. Куда мог привести меня этот таинственный коридор? Стоило ли так рисковать?

Где-то внизу громко хлопнула дверь. Похоже, времени на размышления у меня не осталось.

— Совершенно верно, — согласился демон. — Они идут сюда.

Промедление было подобно смерти.

— Хорошо. Согласен, — выпалил я.

Демон исчез. Я перешагнул край пентаграммы. Поднял «жемчужину» и положил ее на то место, где только что стоял, потом начал скороговоркой читать заклинание. При этом я отлично слышал шаги на лестнице. Судя по всему, ко мне поднималось человек десять-пятнадцать.

Вот над центром пентаграммы появилось круглое облачко, закружились синие хрусталики. «Быстрее! Быстрее!» — подгонял я мысленно колдовское действие, однако все происходило очень медленно, словно в замедленном кино. Вот красноармейцы остановились у двери в квартиру. Кто-то из них окликнул тех, кто должен был проводить обыск, но никто не ответил.

Я со всех ног метнулся к двери комнаты, подпер стулом ручку. Не ахти какая защита, но мне нужно было выиграть всего несколько мгновений. Красноармейцы вошли, разбрелись по комнатам, я слышал, как под их ботинками и сапогами трещат осколки стекла. Потом один остановился перед дверью, за

которой прятался я, подергал ручку.

— Тут заперто.

— Он был именно в этой комнате, — вновь услышал я голос того самого кавказца.

— Раз заперто — будем ломать.

И на дверь обрушились удары. Били, судя по всему, прикладами. Сама же дверь не была слишком хлипкой, но я отлично понимал, что долго она не выстоит. Я вновь повернулся. Коридор был открыт. Я осторожно шагнул к пентаграмме, протянул руку. Демон не обманул, никакой защитной стены не было.

Еще шаг — я пересек край пентаграммы и осторожно ступил на искрящуюся черту. Обычная твердая поверхность, как камень.

Дверь за спиной трещала, готовая вот-вот развалиться.

Я в последний раз оглянулся — одна из петель вылетела, и дверь теперь висела косо.

— Вон он!

— Держите его!

— Ничего, никуда не денется голубчик!

Кто-то выстрелил.

Я пригнувшись — «коридор» был чуть ниже человеческого роста — бросился вперед.

За спиной с грохотом, словно от взрыва, развалилась дверь.

— Где эта контрреволюционная сволочь?

— Да вот, вроде в ту трубу нырнул?

— А что это за хрень?

— Да бог его знает!

Я прибавил шагу, труба постепенно поворачивала направо. По моим расчетам, я уже давно должен

был покинуть дом и очутиться где-то на территории дворца Юсупова. Это конечно, в том случае, если труба имела какое-то отношение к нашему миру, но мне почему-то казалось, что это не так. Эта штука-вина явно была порождением чего-то неземного, не принадлежащего этому миру.

— Где он?

— Ты посмотри, какая штука странная. И как они ее сделали, снаружи-то ничего такого не видно.

«Неужели у этих голодранцев хватило мужества последовать за мной? — пронеслось у меня в голове. — Хотя что с них возьмешь? Они ведь и понятия не имеют, ни о демонах, ни о колдовстве, ни о Ктулху и прочем...» А неведение — сильный стимул. Несведущий человек может совершить много такого, на что сведущий никогда не решится.

Тем не менее, меня преследовали и мне ничего не оставалось как прибавить шаг, надеясь, что этот ход рано или поздно выведет меня куда-то.

Сколько я шел по этому коридору? Десять минут? Полчаса? Час? Не знаю. Но, наконец, он, как и все на свете, закончился. Впереди что-то ярко сверкало, и этот свет не давал мне рассмотреть, что же там такое. Я сделал еще один шаг вперед. Неожиданно я почувствовал, что под ногой у меня пустота. Я покачнулся, и со всего маху полетел куда-то. Сильно ударился, быть может, даже потерял сознание, а, может, и нет, просто перед глазами заплясали черные круги, и я толком ничего не мог разглядеть. «Наверное, я попал в ад!» — подумал я, и тут до меня издали донесся голос демона. Мне казалось, что красный уродец так далеко, что я едва различал его слова, пусть даже звучали они только у меня в го-

лове.

— Ну что, дошел?

— Да, — едва слышно прошептал я пересохшими губами.

— Вот и славно. Я закрываю коридор... Хотя погоди. Тут два человечка ползут к тебе...

— Закрывай!

— Ну как скажешь... — протянул демон. — Только человечкам этим капут придет. И смерть их будет ужасной. Такой никому не пожелаешь...

— Закрывай!

— Тогда прощай, Григорий. Удачи тебе, — усмехнулся демон, и позади у меня на голове что-то лопнуло, словно кто-то проткнул иголкой огромный воздушный шар. А потом все разом стихло, и я опустил голову, растирая глаза и пытаясь вернуть себе зрение.

Минут двадцать я лежал на твердой поверхности, до боли растирая глаза. Постепенно зрение стало возвращаться. Повернувшись, я лег на спину. Сколько я пролежал так, не знаю. Однако, когда я снова открыл глаза, зрение полностью вернулось ко мне. Надо мной было черное небо, усеянное миллиардами разноцветных звезд. Я сразу нашел знакомые созвездия, Большой и Малой Медведиц полярную звезду, но... Это без сомнения было не небо Земли. В первый момент, я одернул себя от этой мысли. Разве такое возможно? Быть может, коридор привел меня в какой-то высокогорный район. Но нет, тут было еще одно отличие: я слишком мало весил. Осознание этого тоже пришло не сразу, хотя я почти сразу почувствовал, что вешу слишком мало... А это значит... Неужели мне удалось неведомым образом преодолеть звездные бездны?.. Но тогда как вышло, что я свободно дышу, что надо

мной «земное» небо. И самое главное: как мне из всего этого выпутаться?

В эти минуты в голове у меня пронеслось все, что я знал о других планетах, а также о межпланетных путешествиях. Если честно, то знал я тогда немного. Еще до войны читал роман какого-то Элса или Уэсса, а может Уэлса... Не помню точно. Кажется, он назывался «Первые люди на Луне». Вот, пожалуй, и все. Но было это лет десять назад. Я попытался вспомнить, о чем, собственно, эта книга, однако все мои потуги оказались напрасны. По идеи, оказавшись в межпланетном эфире, я должен был моментально погибнуть. Ничего подобного не случилось. Значит, я в каком-то месте, где... Впрочем, лучше осмотреться, а не гадать. Собрав всю свою волю в кулак, я привстал и огляделся. Что я ожидал увидеть?.. Не знаю. Однако то, что мне открылось, поразило меня до глубины души. Вокруг меня, насколько хватало взгляда, простирались белые руины.словно некий гигант играл каменными кубиками — строил город, а потом кто-то отвлек его, и он легким движением руки разрушил свое творение.

Я с открытым ртом взирал на гигантские каменные сооружения, по сравнению с которыми дворец в Луксоре — сельская хижина на фоне Эйфелевой башни. И все камни, обломки, строения чистейшего белого цвета. Нигде ни травинки.

Интересно, что я буду пить и есть среди этих камней? Я встал, еще раз огляделся, прикидывая, куда отправиться на поиски, но все направления казались равнозначными. Наконец, я решился, и попытался сделать первый шаг. Ноги привычным движениям оттолкнули от «земли» мое тело и я... взлетел вверх,

словно совершая прыжок на батуте. Ничего похожего я, честно сказать не ожидал. В первый момент я даже перепугался. Взлетать вверх — это полбеды, но вот после этого упасть с большой высоты! Однако падение оказалось достаточно плавным. В результате этого шага-прыжка я пролетел метров тридцать и мягко приземлился, хотя слово «приземлился» тут, конечно, не совсем уместно. Какое-то время я стоял, ошарашенный случившимся, пытаюсь сообразить, что же все-таки на самом деле произошло. И тут, совершенно неожиданно, в голову мне закралась шальная мысль. А что если прыгнуть вверх? Если я взлечу достаточно высоко, то смогу оглядеться и, быть может, понять, где я нахожусь. Так и не продумав все до конца, я напряг свои мускулы и со всего маха прыгнул вверх.

Руины поплыли вниз, а я стрелой взмыл вверх. По мере того как я поднимался, передо мной открывалась панорама разрушенного мегаполиса. Город был не просто большим — огромным. Он простирался на несколько десятков километров во все стороны, если только зрение не обманывало меня в этом странном месте. Крутя головой, я пытался отыскать хоть какие-то ориентиры, чтобы понять, где я нахожусь, но ничего подобного обнаружить мне не удалось.

Однако я заметил недалеко от себя огромную площадь с черной дырой посередине — словно гигантским колодцем, а чуть подалее блестело что-то металлическое — единственный иной цвет в этом белом царстве. А так во все стороны простирались белые строения, неизвестно кем возведенные и как разрушенные, и лишь у самого горизонта протянулась странная черная линия. Сначала я подумал,

что это некая шутка природы, но потом понял — это граница города. Однако с такого расстояния было не разглядеть: то ли это искусственно возведенный барьер из иного камня, то ли какие-то природные образования. Ну а о том, что лежит за ними, мне оставалось только гадать.

Но вот достигнув высшей точки траектории, я устремился вниз. Вначале я двигался медленно, но постепенно скорость падения нарастала. В итоге все это напоминало прыжок со второго этажа. Просто чудо, что при ударе я ничего себе не сломал и не вывихнул ногу.

Однако теперь я знал, в каком направлении нужно идти. У меня появилась хоть какая-то, пусть даже неверная, цель. Быть может, мне удастся отыскать колодец или какой-то иной источник воды. Подумав о воде, я тот час ощутил, насколько хочу пить. Когда же я пил в последний раз? Я попытался припомнить и не смог. Наверное, последним был утренний стакан чая.

Однако прогулка оказалось не столь уж простым делом. Я никак не мог разобраться с шагом. Меня несколько раз унесло вверх, и в итоге я стал двигаться шаркающей походкой, напоминающей движение полупарализованного калеки.

Вот так брел я среди руин, пытаюсь представить себе, как выглядели эти дома, когда были целыми. Хотя... Не очень эти руины походили на остатки жилых домов, да и какие люди могли жить в этих гигантских сооружениях. Гиганты? А может, если это и в самом деле другая планета, тут обитали какие-нибудь чудовищные создания, гигантские насекомые, муравьи или сколопендры.

В ту же секунду почувствовал, как вдоль позвоночника поползли мурашки, я оглянулся, ожидая увидеть за спиной какое-нибудь отвратительное членистоногое, но ничего подобного там, конечно, не было. И вообще у меня начало создаваться ощущение, что я — единственное живое существо в этом каменном лабиринте.

Наконец, я вышел на площадь — гигантский неровный круг, внутри которого не было руин и камней. Ровная белая поверхность, и в середине черная яма.

Я осторожно подобрался к ее краю, заглянул внутрь... ничего. Сама же яма показалась мне бездонной пропастью. Может, стоит спрыгнуть туда, — родилась шальная мысль. Но я тут же сам себя одернул. Неизвестна глубина этой ямы. Я вон подпрыгнул, да и то руки-ноги чуть себе не переломал. Похлопав себя по карманам, я запалил спичку и бросил ее вниз. Огонек, мерцая, устремился во тьму, а потом то ли растворился среди теней, то ли потух, но дна бездны я так и не увидел.

Остановившись возле колодца, я сильно задумался. Что делать дальше. Оставались еще странные, металлические, то ли предметы, то ли образования. Вот только надежду найти еду и воду они не внушали. В какой-то миг я решил было еще раз подпрыгнуть, а потом отложил эту идею на завтра. Шею или ногу я сломать себе всегда успею. Сначала погляжу, что там за штуковины, а потом стану прыгать как кузнечик.

Но, прежде чем уйти, я подобрал камешек и бросил в «колодец», хотя считать секунды падения было совершенно бессмысленно. По крайней мере, не в этом месте. Что же заставило меня бросить камень?

Тогда я думал, что все это чистая случайность. Теперь... Теперь я считаю, что это сама рука Судьбы, а точнее рука Великого Спящего направила мою руку.

Итак, камень беззвучно исчез в черной бездне. Я повернулся, собираясь уходить, и уже сделал несколько шагов, если можно назвать шагами шаркающее движение ногами, словно ты ступаешь по невероятно скользкому льду, когда какое-то движение у меня за спиной заставило меня обернуться. И тут, я замер, широко открыв рот.

За спиной из дыры-колодца била в небо струя черного дыма. Доходя до высоты метров в пятнадцать, она не рассеивалась, а наоборот постепенно сгущалась, постепенно становясь все плотнее и плотнее и превращаясь в странное аморфное образование.

А потом в голове у меня раздался голос, и я сразу понял, что попал в переплет.

— По какому праву ты пробудил меня, смертный? — вопрос, хоть и задан был ментально, прозвучал на незнакомом мне языке. Нет, я понял смысл слов, благодаря давным-давно приобретенной способности, но вот на каком языке это было сказано? Смесь шипящих и хриплых звуков, которые с трудом можно было бы воспроизвести человеку, однако я попытался ответить на манер неведомого собеседника.

— По незнанию, — это все, что я смог выдать из своей глотки, после чего в горле, и до того пересохшем, засвербило и вовсе невыносимо.

Тут же в воздухе передо мной появился «стакан» воды. Точнее никакого стакана не было, была вода —

жидкость, словно налитая в невидимый кувшин.

— В знак уважения за то, что заговорил со мной на моем языке, — продолжал невидимый собеседник. — Человеческая гортань не предназначена для языка высших существ. Но скажи, откуда ты знаешь его... и как прибыл сюда... Я внимательно наблюдаю за куполом...

Он говорил еще что-то, но я не слушал. Шагнув вперед, я осторожно коснулся висящего в воздухе цилиндра воды, потом взял его, словно это и впрямь был стакан. Выпил, и остался стоять с недоумением, глядя на свою пустую руку, в которой никакого стакана не было. Что касается воды, то она оказалась совершенно безвкусной, словно опресненная, но тогда мне было не до изысков.

— Благодарю... — вновь произнес я серию трескучих звуков вперемешку с низкими хрипами.

— Чувствую, мне придется вдоволь напоить тебя, прежде чем мы сможем нормально разговаривать. Хотя... — на мгновение голос затих, словно неведомый собеседник о чем-то задумался. — Ты можешь говорить на своем родном языке. Достаточно будет того, что ты показал свои знания.

Я согласно кивнул.

— Итак, повторяю свой вопрос. Кто ты и как сюда попал?

— Демон из «икринки Ктулху» открыл мне дорогу.

Какое-то время мой собеседник молчал, словно обдумывал сказанное.

— Ты должен подробнее рассказать мне об этом, — наконец объявил он.

— Но сначала скажи кто ты?

— Разве смеет незванный и нежеланный гость

расспрашивать хозяина? — в голосе незнакомца слышались угрожающие нотки. — Я снисходительно отнесся к твоему появлению, но могу и рассердиться, сильно рассердиться... — вокруг меня взвыл ветер. Я не видел никого, но ощущение присутствия неведомой силы стало еще сильнее.

— И все же, прежде чем начать рассказ, я хотел бы понять, с кем говорю, дабы избежать ненужных ошибок.

— Ты хочешь понять, с кем говоришь, чтобы придумать, как меня обмануть. Не выйдет. Лучше не серди меня...

В этот разговор было что-то неправильное, детское, словно я говорил с большим, слабоумным ребенком, однако я постарался загнать поглубже все подобные мысли. Так как сопротивляться смысла не было, я опустился на «землю», сел скрестив ноги и начал рассказывать все по порядку. О том, как перебирал «жемчужины», не зная нужного заклинания; о том, что на меня напали враги, и я вызвал демона, а потом взял у него соответствующую плату.

— Ты — злой человек, — подытожил мой рассказ неведомый собеседник. — Ты отдал своих соплеменников в руки демона, тем самым обрекая их души на вечные муки.

На это мне нечего было сказать, тем более что само понятие «душа» и все религиозные догмы были мне чужды. Да, я верил в существование сил, которые пока не дано познать человеку, верил в существование богов как существ, явившихся из некоего далека в нашу Вселенную. Они были неподвластны законам, как физическим так и духовным. Но что есть бог в понимании обывателя? Это некое высшее

существо. Предположим, наш современник попал бы в римскую Иудею. При наличии нескольких сильнодействующих лекарств и знания древней истории, он как минимум превратился бы в пророка. Теперь представим себе существо, которое с помощью рисунка и гортани может создать некую волну, трансформирующую материю и вещи, то, что в средних веках называли философским камнем. Добавим к этому повышенную живучесть обусловленную иным строением организма — вот вам и бог. Высшее существо, которому ведомо будущее, и которое управляет миром при помощи слова. Но бог ли это? Нет, в церковном понимании... И уж во что я абсолютно точно не верил, так это в существование ада и рая, в бессмертность душ... Хотя и здесь, возможно существовало нечто о чем я не знал и не догадывался. Уже много позже в Р'льехе я натолкнулся на упоминание о многомерности человеческого бытия. То есть человек, как многие иные существа, живет одновременно в нескольких мирах с разной скоростью течения времени, но по природе своей может воспринимать одновременно лишь один из миров. Когда же он умирает в этом мире, сознание его перекладывается на другую плоскость бытия. Впрочем, тогда оказавшись впервые в Белом городе, я ничего этого не знал. Тогда я напрямую объявил незнакомцу, что не верю в существования душ, рая и ада, поскольку никогда не находил доказательств их существования.

— Если ты чего-то не знаешь, это не значит, что этого не существует, — объявил он мне. — А может, ты просто глуп. Ведь ты должен понимать, что в мире существует множество вещей, тебе неведо-

мых; таких, о которых ты никогда не узнаешь, хотя будешь соприкасаться с ними каждый день.

Мне ничего не оставалось, как согласиться.

— Теперь ты знаешь мою историю, и быть может, ответишь на мои вопросы? — поинтересовался я.

— Что ж, спрашивай! — согласился мой собеседник. — Но если мне что-то не понравится...

— Хорошо... хорошо... — попытался я его успокоить. — Но если я своим вопросом случайно обижу тебя, то знай, что сделал я это по незнанию, и не сердись, а лучше укажи мне на мою ошибку.

— Спрашивай, — повторил он.

— Кто ты? Где я? Как отсюда выбраться? — выпалил я скороговоркой.

— На эти вопросы просто ответить, но ответы ничего тебе не дадут.

— И все же, — настаивал я.

Мой невидимый собеседник глубоко вздохнул.

— Я — Ниогхта. Это Белый город, последние прибежище атлантов. Чтобы выбраться отсюда тебе нужно познать Железного зверя Ми-го.

Увы, мой собеседник, то бишь Ниогхта, похоже был прав. Хотя знал я чуть больше, чем он подозревал, этого явно не хватило бы на то, чтобы полностью ответить на все три вопроса. Если же говорить по порядку, то я знал, что Ниогхта — тварь, которой и существовать не должно. По-другому его еще называли Демоном Красной бездны. Согласно легендам, жил он глубоко под землей и иногда появлялся на плато Ленг в Мире Снов. Вот только я был не в Мире Снов, а находился в самой что ни есть реальности. И самым верным тому подтверждением было небо с земными созвездиями у меня над головой. В Мире

Снов — царстве Ктулху — звезды были совершенно иными, и рисунок созвездий ничуть не совпадал с земными. Так что в том, что я не на плато Ленг, я был уверен. Далее, я слышал, что загнать этого демона назад в недра Земли можно только с помощью специального заклинания и эликсира Тиккун. Вот только так ли это?

Что до атлантов, то о Платоновских сочинениях «Тимей» и «Критий» слышали все. Что же до Белого города... Единственное, что приходило мне в голову, так это белые города в джунглях Южной Африки. Но при чем тут они? К тому же местность, а особенно странное черное небо, ничуть не напоминала жаркий континент. Хотя, быть может атланты сбежали не только в Африку, может и здесь... где здесь?!.. Тоже располагалась одна из их колоний.

А Железным зверем вообще могло оказаться все, что угодно...

— Что ж, рад приветствовать тебя Ниогхта, — поклонился я столбу таинственного дыма, исходящего из колодца. Если честно, я не знал, является ли Ниогхта самим дымом или дым всего лишь защитная оболочка, за которой скрывается нечто... Да в общем-то я не сильно и рвался увидеть еще одно создание из пантеона Ктулху. С меня вполне хватало и тех тварей, что я уже знал. По крайней мере, бессонные ночи и кошмары мне были и так обеспечены. — Ваши ответы и в самом деле не рассеяли мрак моего невежества, поэтому я попросился бы, чтобы вы кое-что мне разъяснили. Где находится этот город?

Ниогхта рассмеялся, и что-то в его смехе показалось мне очень приятным.

— Так ты до сих пор не понял, что туннель привел тебя на другую сторону Луны?

— Луны? — вот это и в самом деле оказалось для меня настоящей неожиданностью. Я на Луне! Сама мысль об этом казалась мне каким-то сказочным кошмаром. Но как такое может быть? До Луны многие тысячи километров по эфиру. Не мог я преодолеть их меньше чем за час, пусть даже двигаясь по колдовскому коридору. Хотя это объясняло странную силу тяжести. С другой стороны наши современные земные ученые были уверены, что на поверхности Луны царит эфир, Тут не должно было бы быть воздуха, чтобы человек мог свободно дышать, однако я дышал. А, может, это другая Луна, может и вовсе не Луна, может иной мир, или вообще... я сплю, и все это мне снится. Вот такой жуткий сон!

Я поделился с Ниогхтой своими сомнениями.

— Да с этим коридором и мне самому не все ясно, — согласился обитатель Белого города. — Что до остального, то это — Обратная сторона Луны. Тут все немного иначе... — Здесь он чуть покривил душой, однако, попробуй он мне тогда рассказать об истинном положении дел, я бы его не понял. — Я долго спал, и никто не смол тревожить мой сон, однако последние лет сто по вашему, земному летоисчислению, я стал замечать чье-то негласное присутствие. И, что самое главное, это присутствие было мне очень неприятно.

— И что теперь?

— Мне придется покинуть свою обитель и осмотреть город. Если сюда и в самом деле проникли враги, то мне необходимо принять меры. Обычно я убиваю всех, кто проникает в мои владения.

У меня по спине поползли мурашки.

— Убиваете?

— Да... Но тебя. увы, это не касается. Ты под защитой Ктулху, и я не могу причинить тебе вреда.

— Под защитой Ктулху? — переспросил я. Это было для меня нечто новенькое. При чем тут Ктулху?

Но Ниогхта не стал отвечать.

Сильнее за клубился дым над бездной, а потом раздался в стороны, и из дыма ко мне навстречу шагнуло странное создание — помесь кенгуру и динозавра. Огромные задние «куриные» лапы и могучий хвост, маленькие передние, заканчивающиеся нежными, человеческими пальцами, и над этим всем возвышалась огромная голова, достойная Тиранозавра Рекса или любой другой плотоядной рептилии древних времен. Только вот кожа твари была необычной: грубая белая на морде и на брюхе, она постепенно переходила в синюю, а потом и вовсе черную к хребту.

— Что уставился, раскрыв рот? — поинтересовалась тварь, остановившись в нескольких метрах от меня. В этот раз ее голос звучал в виде хриплых звуков и писков, вместе со зловонием вырываясь из пасти.

— Я представлял вас несколько иначе... — начал было я. Хотя если вспомнить Итхакву — он же Вендиго — владыку северных земель, похожего на гигантского страуса, только с толстой шеей, большой головой и клювом, усеянным тонкими, как иглы, зубами, у них с Ниогхтой было много общего. Итхакву я встречал в Сибири и на Аляске. Это был кровожадный то ли демон, то ли бог. Он нападал на людей в снежном буране, и потом казалось, что мертвецы

упали с огромной высоты. Страшная безжалостная тварь... В отличии от нее, Ниогхта показался мне добродушным «зверьком»

— Это одно из моих воплощений, — объявил ящерокенгуру. — А что ты ожидал увидеть? Полуобнаженную красотку, которую тут же можно полюбить? — несмотря на совершенно чуждый человеку язык, я хорошо прочувствовал всю циничность, весь яд, который мой собеседник вложил в слово «красотка». Он словно издевался надо мной на некоем недостижимом для меня уровне. — Что ж, пойдем осмотрим «мои владения». В данный момент в городе нет чужих, кроме тебя, разумеется. Но если кто-то за время моего отдыха и побывал тут, я сразу это почувствую.

И Ниогхта пошел вперед, медленно переставляя лапы. Только тогда я заметил, что каждая из них была снабжена набором присосок, которые не давали этому созданию оторваться от «земли». Его желтые глаза с вертикальными змеиными зрачками буквально сканировали руины, не пропуская ни одной мельчайшей детали.

Я, стараясь двигаться осторожно, чтобы не «взлететь», отправился следом. В отличие от ящерокенгуру, мне каждый шаг давался с большим трудом. В какой-то миг я даже остановился, залюбовавшись грациозными движениями этой твари. А то, как она двигала из стороны в сторону огромный головой и клыками, которым позавидовал бы любой крокодил и саблезубый кот!.. Вот так, наверное пробирались через джунгли мелового периода смертоносные хищники древности. Нет, не хотел бы я, даже хорошо вооруженным, оказаться на пути такой твари, тем более что разум делал ее в десятки

раз опаснее доисторического прототипа.

И только пройдя более ста метров, я понял, что мы направляемся в ту сторону, где я заметил нечто металлическое.

Глава 3. Достопримечательности Белого города

*Звезда Маур сияет надо мною,
Звезда Маур,
И озарен прекрасною звездой
Далекий мир.*

*Земля Ойле плывет в волнах эфира,
Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маура
На той земле.*

Ф.Сологуб «Звезда Маур»

В какой-то момент Ниогхта застыл, и я невольно попытался остановиться, но не так-то просто это было сделать при такой силе тяжести. Так что, когда я все же остановился, то оказался много дальше своего «проводжатога».

Предо мной за аркой белого камня, украшенной странной витиеватой резьбой, открылось огромное поле, заставленное гигантскими металлическими дисками. Что это? Какой гигантский дискобол по-

забыл их в этом месте? Однако, несмотря на свою внешнюю простоту и три тоненькие ножки, на которых покоилась каждая из «тарелок» вид у них был угрожающий — с первого взгляда становилось ясно, что перед тобой не шутка скульптора, а некая важная машина, назначение которой мне было пока непостижимо.

В поисках объяснений я повернулся к Ниогхте, но тот лишь повел головой, а потом странной, чуть подпрыгивающей походкой направился к строению из белого камня, которое выглядело относительно целым.

Я с трудом догнал его и все же произнес мучающий меня вопрос.

— Что это за машины?

— Флот вторжения?

— Вторжения?

— А ты что думаешь, делаю я на этой занюханной планете? — «рептилия» повернулась ко мне и злобно щелкнула пастью. Меня аж мороз пробрал до костей. Не то, чтобы я испугался очередного кровожадного плотоядного божка. Ощущение страха было чисто инстинктивным, так пугаемся мы жука или какой-нибудь многоножки, попавшей нам за шиворот. Ведь если разобраться, то многоножка эта может быть вовсе и не ядовита и вообще не кусается, но страх, рождающийся в нашем сердце, вложен туда многими поколениями предков, которые испытывали физическое отвращение к подобным существам. Вот так и в этот раз. Я отлично сознавал, что мне не нужно бояться Ниогхты, но подсознание заставляло мое сердце сжиматься при виде этих огромных клыков, вымазанных липкой, желтой, ядовитой слюной.

— И что же ты делаешь на этой планете? — взяв себя в руки, я повторил риторический вопрос существования.

— Охраняю территорию — единственное место сокрытое от взглядов Древних, где можно устроить плацдарм для нападения на Землю.

— И?

— И периодически, примерно раз в десять тысяч лет, появляются новые выскочки, претендующие на Землю. Однако они даже отдаленно не понимают, с чем должны столкнуться. Сила Великого Спящего невероятна, а если к нему прибавить всех остальных Древних... Да и не только их. Ведь те, кто уже обосновался на Земле по собственной инициативе, и Старцы, и Ми-го тоже заинтересованы в сохранении покоя и равновесия. Если же оно будет нарушено, может случиться так, что Ктулху проснется, и тогда Старцы, а вместе с ними их творения люди и шогготы, Ми-го и все остальные неудобные Великому Спящему будут просто сметены с лица земли. Он взвевет к Ньярлатотепу и тот явится на Землю в ядерном пламени...

Он еще много говорил, но я тогда не слишком понимал суть его рассказа. Лишь в сорок пятом, после того, как американцы рванули ядерную бомбу, я понял суть предупреждений Ниогхты. Только вышло так, что Воплощение Хаоса призвал на Землю не Ктулху, а сами люди, не понимая даже сути того, что творят... Однако не стану забегать вперед, а вернусь к той первой ознакомительной прогулке по Белому городу на обратной стороне Луны. Скажу лишь, что увидев эти «тарелки» и поняв, что они по сути своей — боевые аппараты, я подумал об уни-

чтожении большевиков и о победе в Великой войне. Ведь если бы у нас было подобное оружие... Нет, тогда я, конечно, даже отдаленно не представлял все возможности «тарелок», не знал, что такое лазерное оружие, однако один вид летательных аппаратов с иной планеты, тот факт, что они преодолели бездны пространства, говорил о том, что это могучие машины, против которых ни английские танки, ни французские аэропланы, ни немецкие химические войска не выстоят и пяти минут.

Чем дальше говорил Ниогхта, тем меньше я его понимал, поэтому в тот момент, когда он на мгновение сделал паузу, я, чтобы переменить тему, задал ему иной вопрос:

— Послушайте, вот еще один вопрос, который меня тревожит. Все современные ученые совершенно убеждены, что на Луне нет атмосферы, что здесь — царство эфира и абсолютного холода, так как же выходит, что я не замерз и свободно дышу? Неужели наши научные светила ошибаются, и человек в самом деле может жить в эфире, точно как на Земле.

— Еще одна глупость, до которой додуматься могло только такое примитивное существо, как человек, — усмехнулся Ниогхта, если ящер, конечно, мог усмехаться. — Нет, все много проще. Луна — некогда отколовшаяся часть Земли. Это случилось, когда Древние начали только обживать Землю и на ней не было иных обитателей. Явившись из космоса, Старцы нанесли по планете страшный удар, уменьшив ее массу и превратив часть ее в спутник Земли. Их удар был нацелен в столицу Древних — Белый город, первый город Земли, который тогда еще не имел названия. Старцы надеялись раскрошить часть Земли

и, превратив обломки в защитный пояс вокруг планеты, скрыться за ним от гнева других Древних за содеянное. Но из их плана ничего не вышло. Они не рассчитали удара. Да, планета раскололась. Часть ее оказалась на орбите, превратившись в спутник, но подчиняясь законам мироздания этой Вселенной, установленным Древними во время пришествия в этот мир, оба обломка приняли форму, близкую к шарообразной. Чтобы окончательно «уравновесить» Землю в момент катастрофы были созданы океаны, так Р'льех — нынешняя резиденция Ктулху — и оказался под водой. Однако Белый город остался на обломке, и не было в этой планетной системе ресурсов, чтобы уравновесить Луну, тем более, что Древним приходилось одновременно с созиданием отбивать нападения Старцев и вскоре вслед за ними явившихся Ми-го. В результате погибла одна из планет вашей звездной системы — рассыпалась на куски. Погибли многочисленные спутники иных планет. Из обломков Ми-го возвели защитное кольцо вокруг Сатурна... Что же до Луны, то масса ее была слишком мала, чтобы удерживать полноценную атмосферу, поэтому для того, чтобы сохранить Белый город, вектора гравитации планеты были смещены таким образом, чтобы Максимальная сила тяжести была здесь в Белом городе. Поэтому тут можно дышать, и вы защищены от смертоносных лучей Ньярлототепа, пронизывающих весь эфир, и от ледяного холода межпланетных пространств. Если же вы выйдете за пределы этих руин, и отправитесь в пустыню, то вскоре станете задыхаться, как на вершине гигантской горы, а потом и вовсе погибнете, так как ни одно живое существо Земли не может жить без

кислорода, в холоде, согретое лишь смертоносными стрелами Ядерного Хаоса.

Так слушая рассказ Ниогхта, которому, видимо, нравилось говорить о прежних временах, мы обогнули площадь, уставленную дисками — всего их было штук пятьдесят — и вновь углубились в хитро-сплетение руин.

— Куда мы идем? — вновь смешил тему я, так как Ниогхта, заговариваясь, вновь погрузился в бездны философствования, смысла которого я не в силах был понять.

— Мы должны проверить самое главное богатство и достояние Белого города. Источник жизни — то, во имя чего он до сих пор существует, пусть даже заброшенный своими обитателями и почти уничтоженный беспощадным временем.

— Но какое отношение серебряные коридоры имеют к источнику?

Динозавр или как его там лучше назвать... Древний?.. Ниогхта?.. вновь попытался изобразить подобие улыбки.

— Если Источник не тронут, то можно сделать вывод, что пришельцы не знают главной тайны города. А если они ее не знают, то выходит, они не такие могущественные... Может это всего лишь еще одна раса межзвездных завоевателей, таких, как Ми-го, таких, какими станут люди лет через пятьсот. Тогда и в самом деле не о чем беспокоиться...

— А что это за Источник? — продолжал я расспросы.

— Это источник воды, прошедшей через фильтр Йог-Сотота, воды которая пропитана божественной сущностью Древних. Она породила таких созданий,

как Гатаноа, Шаб-Ниггурат, Адский вампир и многих других, кто тем или иным образом несет Земле волю Древних, пусть не подчиняясь им напрямую воздействует на мир, порождая те или иные явления. Это — родник вечной жизни для последователей Древних и источник Мертвой воды для его врагов...

Я задумался, вспоминая многочисленные сказки о живой и мертвой воде. Неужели в сказках и былинах и в самом деле есть элемент истины, который неграмотные люди облакали в привычные для них формы? Может и так...

Беседуя, мы шли все дальше и дальше, и вот постепенно передо мной стало подниматься здание, подобного которому я на Земле не встречал. Это был зиккурат — ступенчатая пирамида, однако она несколько не походила на пирамиды, которые я знал. Она была много выше любого земного зиккурата, однако, с тем же основанием, что и они, отчего ее пропорции казались неправильными, перекрученными. Издали мне показалось, что она сложена из белых камней, как и все руины Белого города, но, подойдя ближе, я увидел: то, что издали я принял за камни — человеческие черепа, но только высотой с меня. Выходило так, что их владельцы были настоящими великанами.

— Это вырезано из камня..? — начал было я и сам прервал свой вопрос, потому что было видно, что черепа настоящие, из кости.

— Это головы Титанов. Одной из экспериментальных рас. Странники не сразу создали человека таким, как он есть сейчас. Было несколько предварительных... скажем так... слепков... Одной из та-

ких неудачных рас оказались титаны — гиганты, наделенные рядом фантастических свойств. Кроме того они были очень своенравны. Они посчитали, что смогут свергнуть не только своих хозяев, но и уничтожить богов как таковых, за что Старцы жестоко наказали их. Остатки племени титанов еще долго скрывались на Земле. Старцы же создали людей, потом сами деградировали, и род людской, словно чума, затопил планету. Вот тут титаны вновь дали о себе знать. Они попытались дать людям толчок, чтобы те, слив воедино магию и науку, свергли власть Древних. Месть Ктулху была чудовищной. Он напустил на мятежников Ньярлатотепа. Битва была ужасна. Однако в результате материк, где обитали Титаны — Атлантида — был уничтожен, люди утратили магические знания, а все титаны были истреблены. В назидание непокорным вокруг источника Живой воды был из черепов сложен зиккурат из их черепов.

Я лишь вздохнул.

— Но это ужасно. Обладай люди необходимыми знаниями, вся история пошла бы по иному руслу. Человечеству удалось бы избежать многих ужасов...

— Или наоборот, — возразил Ниогхта, при этом челюсти ящера столь плотно щелкнули, что я отшатнулся. — Люди — создания неразумные. И если бы им в руки попали знания Древних, неизвестно что случилось бы. Недаром Ктулху всячески оберегает мудрость и Древних, и Старцев, пребывая во сне. Если уж так получились, если Старцы допустили, чтоб их создания выжили Богов с планеты, то пусть все идет своим чередом, иначе последствия могут оказаться чудовищными. Дайте обезьяне в

руки гранату. Сколько шансов на то, что точно и вовремя метнув ее, она уничтожит врага? А сколько за то, что она взорвет сама себя? Много больше. Будущее же инвариантно, и уж если все так получилось, то главная задача — не нарушить равновесие, не сместить интерес человеческих масс в запретную область.

— Вы очень плохо думаете о людях.

— А почему я должен думать о них хорошо? — и ящер начал подниматься на зиккурат по узкой лесенке. Я последовал за ним. Подъем оказался тяжелым. Во-первых зиккурат, как все сооружения Белого города, оказался гигантским. Он поднимался метров на пятьсот над окружающими руинами, а ступени, по которым приходилось подниматься, были много выше и явно рассчитаны не на людей.

— Зачем мы туда идем? — с трудом спросил я.

— Если кто и потревожил спокойствие этого города, то в первую очередь полез сюда.

Поднявшись на двадцать уровней, мы остановились. Судя по внешнему виду, Ниогхта нисколько не устал, я же, не смотря на то, что весил много меньше, чем на Земле, хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная из воды.

— Теперь ты понимаешь, насколько слаба человеческая плоть, и почему я, имея обширный выбор, никогда не использую тело, подобное человеческому? Вы — люди — далеки от венца творения, вы одни из самым неприспособленных, низших существ, коим надлежит всегда быть рабами...

Я слушал Ниогхта и чем он больше говорил, тем меньше мне нравился. Хорошо было лишь то, что благодаря простертой надо мной длани Великого

Ктулху — откуда он это взял, ума не приложу — он не мог никак повредить мне.

Мы останавливались раз десять, и всякий раз мне требовалось больше времени, чтобы восстановить дыхание. Но вот, преодолев последние несколько метров, я оказался на верхней плоской площадке. Какое-то время я стоял тяжело дыша, согнувшись и уперев руки в колени. Ниогхта все говорил, но я практически не слышал его слов. Кровь пульсировала у меня в висках, воздух со свистом вырывался из легких.

И только чуть отдышавшись, я разогнулся и замер, потрясенный открывшимся мне видом. Далеко-далеко до самого горизонта простирались белые руины, среди которых было несколько зданий, много выше зиккурата, на вершине которого я находился. Почти рядом раскинулось металлическое поле «тарелок», а чуть дальше темнел колодец Ниогхта.

— Это что так всюду? — спросил я.

— Ты хочешь спросить, насколько велик Белый город? — поинтересовался Ниогхта, прервав свои космогонические рассуждения.

Я кивнул.

— Не так велик, как должно быть, — вздохнул ящер. — Этот город должен был затмить все города этой Звездной системы. Тут собрали множество чудес со всего мира, но... Древним не хватило времени, чтобы все закончить должным образом, а теперь, оказавшись на Луне, он превратился в своего рода памятник, символ, место паломничества...

— Вот только паломников не видеть... — ехидно заметил я.

— Всему свое время. Сейчас же нам надо оты-

скать незваных гостей. Ты восстановил дыхание?

— Да, — ответил я.

— Тогда пошли, и ящер увлек меня к середине площадки. Там, на вершине зиккурата, открывалась черная дыра, ведущая в бездонную пропасть чрева пирамиды. Этот колодец был достаточно широк и вдоль его края по кругу, постепенно уходя вниз, выступали щербатые каменные плиты. Никаких перил или поручней не было. Казалось, один неверный шаг и можно упасть в неведомые глубины этой бездонной пропасти. И хоть здесь я почти ничего не весил, и падение продлилось бы целую вечность, это ничего хорошего мне не сулило.

На какое-то время я застыл. Уж очень мне не хотелось спускаться во тьму.

— А может, ты сходишь один? — поинтересовался я. — Ведь эти все сооружения не предназначены для людей.

— Сложилось так, что враги, сами того не подозревая, привели тебя сюда. Случилось это согласно замыслу Великого Спящего, так как все в мире происходит сообразно его воле. А раз так, то ты должен идти и встретить свою судьбу.

Я нахмурился.

— Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее.

Ниогхта нахмурился. Раздвоенный язычок его пробежал по рядам оскаленных клыков.

— Хорошо... Марш вниз, и хватит этих разговорчиков!

Мне ничего не оставалось, как повиноваться чудовищу. Ну, не станешь же с ним спорить. Да к тому же, судя по всему, это совершенно бесполезно.

Осторожно ступая, придерживаясь рукой за

шершавую стену, я начал спускаться. То и дело я поворачивался, поглядывая на своего спутника. Но Ниогхта не отставал. Мне казалось, что вот-вот должно стемнеть, но ничего похожего, я спускался все дальше.

В какой-то момент я остановился передохнуть, рука моя скользнула по стене, и только теперь я осознал, что вся стена покрыта письменами — иероглифами, столь древними, что по сравнению с ними египетское письмо можно считать только что изобретенным. Какое-то время я стоял, шаря рукой по стене. Благодаря своей способности читать и говорить на любом языке, я выхватывал смысл отдельных фраз, никак не в силах понять, о чем сам текст. То и дело мне попадались слова: «цветок жизни», «память», «урожай» и еще какие-то странные, труднопроизносимые имена.

— Пытаешься прочесть? — усмехнулся Ниогхта. — Это — высший язык. Он недоступен простым смертным.

— Не то, чтобы я его не понимаю, — возразил я. — Отдельные слова мне понятны, но суть фраз проскальзывает мимо, поскольку я «вижу» только часть текста.

Ниогхта рассмеялся.

— Ты лжив, точно как и твои соплеменники... Ну, отдохнул, хватит, ступай дальше.

Мне ничего не оставалось как продолжить спуск. Сколько времени он продолжался? Не знаю. Но мне показалось, что колодец много глубже самой пирамиды, а может, все дело было в том, что стены постепенно отодвигались друг от друга.

Наконец мы спустились. Внизу оказался огром-

ный зал, посреди которого был устроен двухъярусный фонтан. Великолепное сооружение из того же самого белого камня. Я застыл, пораженный плавностью форм и невероятным искусством резчика. Вода вздымаясь вверх, а потом с тихим журчанием ниспадала в верхнюю чашу, оттуда, переливаясь через край, наполняла бассейн, над которым протянулись мостики, ведущие к чаше. За бассейном, напротив того места, где заканчивалась лестница в стену, была врезана плита белого мрамора, на которой было выбито:

Земля не существует.

Плывёт она в бескрайнем небытии, приближаясь с каждым днём к концу своему, коий не осознаётся ею.

Снаружи вращается множество миров, неподвластных воображению.

Всякий мир населён Слугами, обитателями миров сих, за оными же наблюдают Владыки, кои суть Древние.

Слуги, существующие во всех мирах сих, есть те, кто подвергается и переносит.

Все они несчастливы иначе, но всякий из них остаётся подверженным року и намерениям Владык, губительным для душ их.

Лишь поклонение Владыкам может оказать некое слабое влияние на несчастливые судьбы их.

Истинное поклонение и последующая жертва могут очистить разум их, делая их рабами тех, кому решили они служить.

И если увечье настигнет слуг, то должны они пить и совершать омовение в большом водоеме, дабы излечиться и далее служить Древним. Но если хотят они стать истинными Слугами, познать ту каплю секретов

бытия, что возможно познать низшим, пусть выпьют из Чаши Вечной Жизни, через Древних обретя бессмертие, тем самым принесут им клятву повиновения и приклонят колени перед истинными Владыками мира.

Вкусившему же запретный плод бессмертия должно полностью отречься от прежнего жития своего, дабы заново возродиться затем в прежнем теле своём благодаря поклонению образам и подобиям.

Даруемое ему затем вознаграждение будет чудом для него.

Погружённый в тёмную бездну, не может он осознать, что дары, принесённые ему, неизмеримо ничтожны для тех, кто отныне его направляет.

Я огляделся. Ниогхта, казалось, не обращал на меня никакого внимания. Важно вышагивая, словно какая квочка, он не спеша нарезал круги вокруг бассейна, словно высматривая что-то.

А я тем временем ощутил страшную жажду. Во рту у меня почти сутки маковой росинки не было, да и пил я довольно давно. Только так вышло, что раньше жажды я не замечал. Но теперь... Под шелест и переливы струй волшебного фонтана...

Нет, не то, что в тот миг я поверил надписи на плите и решил обрести бессмертие. Тогда я воспринял, все, что там было написано, скорее в переносном, аллегорическом смысле. Ну, разве может в реальности существовать бессмертное существо? Уже в те годы я знал про клетки, про процесс старения и прочее. Магия магией, но физические законы никто не отменял. Да и что такое по сути своей магия? Человек рисует некий символ, произносит коловскую формулу, то есть определенным образом воз-

действует на окружающую среду. Звуковые волны сталкиваются с нитями рисунка — очень сложное взаимодействие, в результате которого происходит или трансформация предметов, или еще какое-то колдовское действо. По крайней мере, так этот процесс понимаю я сам, а то, что ученые до сих пор толком не занимались всем этим — ну, это в целом проблема всей нашей цивилизации, которая по сути своей разделяет духовное и материальное.

Так вот в тот день, обуреваемый жаждой, я по моску направился к чаше. Ниогхта, занятый «вынюхиванием», на меня внимавния не обращал, поэтому, сложив руки лодочкой, я подставил их под струи фонтана, а потом, поднеся ко рту, начал пить, уподобившись своим далеким предкам.

В первый миг вода показалась мне самой обыкновенной, колодезной. Потом защипало язык и небо. Я еще раз глотнул, и тут услышал страшный крик Ниогхты:

— Нет!!!

Повернувшись, я увидел, как ящер с дикой скоростью несется на меня. Не понимая, в чем тело, я сделал еще один глоток, и весь мир закружился у меня перед глазами, а жжение во рту стало почти непереносимым. Я отступил, потом сделал еще один шаг назад и не удержался на скользком мостике. Поручней у него не было, а посему, замахав руками в бесплодной попытке удержать равновесие, я со всего маху спиной вперед плюхнулся в бассейн. Взметнулось целое облако брызг, и, несмотря на то, что бассейн был неглубоким, я с головой ушел под воду. Еще мгновение я бултыхался, пытаюсь то ли выплыть, то ли встать на ноги, отплеывался от

воды, которой тут же с избытком наглогался. Но перед глазами все плыло. Я смутно видел, как наклонился надо мной Ниогхта, пытаюсь короткими передними лапками выловить меня из воды.

Я попытался закричать, однако стоило мне открыть рот, как туда хлынула вода, я захлебнулся, последний раз ударил руками по воде, и тьма накатила на меня тяжелым туманом беспамятства.

Далеко не всем известно, что существуют сны и Сны. Просто сны — это фантазии надиктованные подсознанием человека, серия связанных или бесвязных образом порожденных грезящим разумом, а Сны, Сны с большой буквы — это...

Сложно объяснить это людям, которые никогда не были сновидцами, не бывали в Мире Снов, не бродили по плоскогорью Лэнг, не бывали в Ултаре, не спускались в Пнот, не поднимались на Нгранек. Мир Снов — это мир снов, и он не сравним ни с чем. Как описать слепому от рождения красоту северного сияния, ярость бурь Северного Ледовитого океана, красоту и ширь русских раздольев?

Что до меня, так получилось — а может это была вполне закономерность? — но я попадал в мир Снов только в узловые моменты своей жизни, и то лишь для того, чтобы поговорить с кем-то из воплощений Древних. Однако в этот раз получилось все иначе.

Я очнулся на одной из ступеней зиккурата из черепов титанов. В первый момент я даже не понял, что перенесся в мир снов, и только оглядевшись, понял, что не могу находиться в реальности, так как

город вокруг зиккурата восстал из руин. Невозможно описать эти удивительные здания, словно бросившие вызов законам физики. Большая часть построек была много уже внизу, чем у крыши. Кроме того создавалось впечатление, что все они скособочены и вот-вот рухнут — столь непривычны человеческому взгляду были контуры сооружений, выгнутые и непропорционально скособоченные крыши.

Какое-то время я лежал неподвижно, пытаясь сообразить, где я очутился, а потом внимание мое привлекли два голоса: один чуть повыше, а второй — хриплый и низкий. Язык, на котором говорили незнакомцы я, без сомнения, слышал впервые, но благодаря своему «дару» отлично понимал смысл сказанного:

— И долго еще нам тут находиться? — спросил тот, что обладал более высоким голосом.

— Не знаю, — в низком голосе второго слышались злые нотки. — Понятия не имею, сколько нам тут торчать. Ты же сам отлично понимаешь, что Ниогхта не должен догадаться о нашем присутствии.

— Если мы один раз обманули его, то и еще раз обманем...

— И все же лучше будет переждать тут. Мы ждали столько лет, неужели у тебя не хватит выдержки еще на несколько дней ожидания!

— Несколько дней, когда цель так близка!

— Что такое несколько дней в сравнении с тысячелетиями! К тому же там, на Юготе, гибнут наши соотечественники.

— Не надо только на жалость давить! Никто не погиб бы, будь они немного осмотрительнее. Но ты же должен понимать, что эти фанатические выступления не приведут ни к чему хорошему.

— Именно поэтому и необходимо Воссоединение. Нам необходим законсервированный флот, чтобы переправить наши орды сюда, а потом дальше не Землю. Чтобы открыть пути, по которым наши братья, заточенные в недрах планеты, смогли бы выйти наружу... В конце концов, эти корабли нужны, чтобы окончательно сокрушить оплот старцев...

Похоже, я услышал вполне достаточно. Теперь осталось понять, с кем я все-таки имею дело, обычно сновидцы — существа, переносясь из мира реального в Мир снов, имели ту же форму, что и реальном мире.

Я осторожно приподнялся на локтях, стараясь двигаться так, чтобы меня никто не заметил. Судя по всему, разговор не предназначался для моих ушей, а беседующие были именно теми, кого разыскивал Ниогхта, а значит, потенциальными врагами. Так вот, приподнявшись, мне удалось хорошенько рассмотреть их. Ничего более уродливого я в жизни не видел. Твари эти ничуть не походили на людей. Представьте себе розового рака, метра в полтора длиной, который встал вертикально. На спине у него была пара то ли огромных плавников, то ли крыльев, на месте головы — небольшое яйцо, украшенное венчиком трепещущих щупалец. Еще у этих тварей были здоровенные клешни, которыми с легкостью можно было откусить ногу или руку человека.

Раньше я никогда не встречался с подобными красавцами, тем не менее я много слышал о них и видел их изображения в старинных гримурах. Передо мной были эмиссары Ми-го собственной персоны. Насколько мне было известно, на Земле они появились во времена, когда война между Старца-

ми и Древними почти завершилась. Будучи расой, далекой от людей, они и сами отчасти поклонялись Йог-Сототу, Ньярлатотепу и Шаб-Ниггурату, хотя тяга к знаниям у них была много сильнее развита, чем религиозность. Людей и шогготов, так как те и другие были творением Старцев, Ми-го считали врагами и возжелали очистить Землю от тех и других. Результат был плачевен. В разных книгах говорилось по-разному, но в одном древние авторы были едины: Древние прокляли Ми-го, разобцили их народ. Часть выживших скрывалась где-то в темных уголках Земли, часть вернулась на Юггот, кроме того, Древние конфисковали их «летающие лодки»... Так вот что за «тарелки» видел я в Белом городе. Флот Ми-го!

Я откинулся назад на прохладную кость черепа титана, пытаясь разложить в голове по полочкам все, что только что узнал. Выходит, Ми-го, воспользовавшись неразберихой на Земле, то бишь Мировой войной, когда внимание всех людей и Древних оказалось сосредоточено на совершенно иных вещах, пытается взять реванш. Вот только присутствие стража — Ниогхта мешает им. Может быть их вмешательство в магическую паутину этого мира и породило туннели? Или туннели стали всего лишь побочными эффектами их вмешательства?.. В какой-то миг я почувствовал себя маленьким, но очень важным винтиком, от которого зависело очень многое.

Только вот что теперь делать. Если я и в самом деле в Мире снов, то как мне срочно проснуться? А потом, меня охватили сомнения: где я в самом деле? То, что я решил, что оказался в мире снов, ничего не

значит. К тому же я не знал, как выглядит в мире снов город на обратной стороне Луны.

Потом я осторожно стал восстанавливать в памяти события, предшествующие моему появлению. Я хорошо помнил, как выпил воды из фонтана, потом повернулся и... упал в бассейн.

И очнулся на внешней стороне зиккурата. Я ничего не понимал. Обычно перемещением в мир снов и обратно повелевал Великий Спящий, и только по его воле сновидец мог пройти Врата Серебряного Ключа, оказавшись в мире снов. Но сам Ниогхта говорил, что здесь, на обратной стороне Луны Ктулху не властен. Тут царят другие силы... Какие?..

Так и не придумав ничего полезного, я решил пойти наимпростейшим способом. Если ты уснул в реальности, то можешь попасть в Мир снов. Пойдем от обратного. Тогда выходит, что, уснув в Мире снов, человек может попасть в реальный мир.

Я решил попробовать. В противном случае мне ничего не оставалось, как подняться со своего «ложа», спуститься в город и отправиться на поиски выхода, одновременно играя в прядки с Ми-го. Вряд ли эти твари отпустили бы меня живым назад, в мир реальный, чтобы я смог предупредить о надвигающемся вторжении.

Закрыв глаза, я постарался уснуть. Это удалось мне далеко не сразу. Слишком уж возбужден был я, ведь, судя по всему, на мне лежала колоссальная ответственность: я должен был предупредить Ниогхту. Вот только чего-чего, а разоренной войной Земле только нашествия Ми-го не хватало.

Мысли мои неслись по кругу... А потом я неожиданно стал захлебываться. Какое-то мгновение вода

буквально кипела у меня в горле, а потом я сел кашляя и чихая.

Я вновь оказался на мраморном полу, внутри зиккурата. Отплевываясь, я уставился на чешуйчатую морду Ниогхты. Тварь облизала подобие губ длинным тонким языком, а потом вновь злобно уставилась на меня.

— Что... Как... Где..? — в тот момент я даже не мог толком сформулировать вопросы. Ощущение было такое, словно кто-то приложил меня чем-то тяжелым по голове, причем не в одно конкретное место, а по всей поверхности.

— Ты нарушил запрет... — не выдержав паузы, прошипел ящер.

— ..?

— Ты испил священной воды без разрешения.

— Но разве что-то в этом мире может произойти без согласия Великого Спящего?

Ниогхта прошипел что-то неразборчивое, а потом объявил:

— Здесь одна из границ владений Древних. Именно тут его власть не столь велика, чтобы он мог контролировать все события, и не допустить нежелательного.

— Кстати о нежелательном. Пока вы тут прохлаждались...

— Я пытался спасти твою никчемную жизнь, чтобы ты не превратился в одного из живых мертвых.

— Ладно, чуть позже расскажете в деталях, — отмахнулся я. — А пока вы меня «спасали», я побывал то ли в Мире снов, то ли в каком-то другом месте, где город... Белый город был еще цел.

Ящер склонил голову на бок, внимательно наблю-

дая за мною.

— Да, в Мире снов этот город цел, но он лишен артефактов и лежит за границей владений Ктулху.

— Не знаю уж, чего он там лишен, но вот этот зиккурат там существует.

— Да, — кивнул Ниогха. — Но там нет этого зала с фонтаном. Там зиккурат — простая пирамида из черепов титанов, не более того.

— Не знаю, не проверял, — протянул я. — Хотя, может, именно поэтому я проснулся снаружи пирамиды, а не внутри, где находилось мое тело в реальном мире.

— Может и так, — неуверенно согласился Ниогхта.

— Так вот, проснувшись, я слышал разговор двух ужасных тварей.

— В Белом городе чужаки! — Ниогхта нахмурился. — Ты уверен.

— Да, — кивнул я. — Причем, насколько я понял, это были Ми-гог. Раньше я их никогда не видел, но видел гравюры с ними в Некрономиконе и читал их описание.

Ниогхта кивнул.

— И что было нужно этим проходимцам?

— Похоже, они готовят вторжение на землю. Хотят вернуть себе свой флот и обрушиться на планету, все еще не оправившуюся от мировой войны, в надежде, что люди и Древние, занятые другими проблемами, не смогут оказать им должного сопротивления... И еще они хотят воссоединиться с Ми-го, обитающими на Земле. Тут я не все понял. Если Ми-го уже живут на Земле, то почему они готовят массовое вторжение?

— Они живут на внутренней поверхности Земли,

и столица их — древний Гоцлар.

И тут я на мгновение вспомнил свое путешествие по Каракумам. Сколько достойных людей погибло тогда в безумной гонке за несуществующими сокровищами. Я вспомнил орды дикарей-каннибалов идущих под пулеметы императорских солдат, вспомнил Старца, закованного в цепи, и безумного священника, которого я пристрелил в подземном лабиринте.

— Значит Гоцлар расположен...

— На внутренней стороне Земли, и там живут Ми-гор, питающиеся человеческим мясом... Но ты говоришь...

— Ми-го хотят вернуть себе воздушные корабли и обрушиться на Землю.

— И...

— Европа в руинах, Азия в огне восстаний, самое большое государство — Россия — на грани гражданской войны. Там произошла революция, и власть захватили проходимцы и уголовники. Кто сможет противостоять вторжению? — и я с надеждой посмотрел на ящера, надеясь, что Ниохта вот-вот опровергнет мои слова, назвав меня «неразумным человеком» или кем-то в этом роде. Но ничего подобного не случилось. Ниогхта молчал, пауза затягивалась.

Похоже, Древний находился в задумчивости, пытался сообразить, что предпринять. Хотя, быть может, он думал совсем о другом. Пути богов скрыты от смертных.

— Я знаю положение дел, — медленно протянул Ниогхта, вновь облизнувшись. — Я все поправлю...

— А я?

Древний вновь замолчал, уставившись на меня. Какое-то время он внимательно меня изучал, потом

продолжил:

— А ты?.. Ты уже нарушил один из величайших запретов, вкусил из источника вечной жизни.

— И теперь. Теперь ты... — тут ящер замялся. — Теперь ты будешь жить много дольше обычных людей.

— Но ведь потом я упал в бассейн мертвой воды.

— И перестал быть неуязвимым.

— То есть если бы я...

— Если бы ты этого не сделал, то стал нечувствителен к мелким ранам. Фактически, чтобы убить тебя, пришлось бы расчленить твоё тело на несколько кусков... Поэтому с тяжёлым сердцем покидаю я тебя, но сначала мы покинем пирамиду и запечатаем вход, чтобы ни у тебя, ни у кого другого не возникло желание побывать тут.

Я, пошатываясь, встал. Судя по всему, я был слишком слаб для того, чтобы самостоятельно проделать обратный путь, выбравшись из зиккурата. Но Ниогхт не собирался делать мне никаких поблажек, он подталкивая меня мордой, погнал назад к лестнице. Я с трудом двигался, а представив, что мне придется подниматься вверх по жуткой лестнице, перебираясь со ступени на ступень, я содрогнулся, и тем не менее он это сделал. Для меня же этот подъем превратился в настоящий кошмар, и лишь потом, много позже, анализируя то, что тогда произошло, я задался вопросом: зачем вообще Ниогхта притащил меня к Источнику? Ведь не было никаких данных о том, что враги направляются именно сюда, тем более, что в Белом городе, полным полно «достопримечательностей», как я вскоре сам убедился на собственном опыте.

Сколько мы поднимались: час, два... сутки? Время потеряло для меня всякий смысл. Я лишь безвольно переставлял руки и ноги, перебираясь со ступени на ступень. Весь путь назад превратился для меня в долгую пытку. Несколько раз я останавливался, и меня буквально выворачивало наизнанку. Видимо, организм определенным образом перестраивался, пытался принять новые, пока еще чуждые ему свойства. Но, как и все на свете, это путешествие подошло к концу.

Я на четвереньках выполз на верхнюю площадку зиккурата. Стояла ночь. В небе горели миллиарды звезд, зрелище поистине удивительное. В дальнейшем я не раз любовался ночным небом Белого города. И если и днем небо было черным и полным звезд, то что говорить про ночь!

Какое-то время я лежал, прижавшись щекою к холодному камню, пытаясь восстановить силы. Мне было плохо, тело ломало так, словно меня долго били, голова кружилась, во рту стоял вкус рвотных масс, а вода, та самая сладкая свежая вода, осталась далеко внизу.

Где-то за спиной послышался грохот. Я не видел, что сделал Ниогхта, но когда я нашел в себе силы повернуться и посмотреть, то никакого отверстия, ведущего к источнику, никакой лестницы, по стенкам которой я карабкался вниз, а потом наверх, на вершине зиккурата не было. А сама площадка была сложена из совершенно одинаковых, прямоугольных плит, сверкающих в звездном свете.

Я страшно хотел пить. У меня так пересохло в глотке, что я даже не мог позвать на помощь. С трудом ползком я добрался до лестницы, ведущей с верши-

ны зиккурата и неожиданно наткнулся на две большие бутылки из какого-то округлого экзотического фрукта, выдолбленного изнутри и засушенного. Обе бутылки казались полными, но горлышки их были крепко заткнуты деревянными пробками. Я попытался вытащить одну из них, но у меня ничего не получилось. Руки дрожали и соскальзывали. Какое-то время я возился с пробкой, а потом вспомнил про нож — небольшой складной немецкий нож в кармане. Но даже с помощью ножа мне потребовалось более получаса, чтобы открыть одну из бутылей. Вода внутри оказалась теплой, чуть отдававшей какой-то специфической пряностью, а, может, всему виной был подмешанный вкус фрукта из которого была сделана бутылка. Но в первые моменты, я ее замечал всего этого, я пил захлебываясь, наслаждаясь каждым глотком, чувствуя, как жизнь начинает постепенно возвращаться ко мне.

Вторую бутылку я открывать не стал. Я уснул прямо там, на вершине зиккурата, под бескрайним и бездонным звездным небом.

И в этот раз я не видел никаких снов. Ничто не тревожило меня, дав возможность моему организму спокойно восстанавливать силы.

А утром я, прихватив вторую бутылку, не спеша спустился с вершины пирамиды из черепов. Какое-то время я недоуменно оглядывался, пытаюсь понять, что мне делать и куда идти, однако ничего путного так и не придумал.

Вначале я пошел к «тарелкам», а портом дальше к обители Ниогхты, в надежде встретить Древнего и поговорить с ним. Но я так и не нашел его. Куда он делся? Отправился в Мир снов, чтобы расправиться

с Ми-го, а может просто решил, что ему не о чем со мной говорить и исчез, не желая показываться мне на глаза.

Поняв, что Ниогхты мне не найти, я решил осмотреть весь город, делать мне ведь все равно было нечего. Не стану описывать мои скитания и открытия. Скажу лишь, что я бродил по городу несколько дней и ночей — лунных дней и ночей. Что касается времени, то я никак не мог определить соотношение его с временем на Земле. За время этих блужданий у меня отросла борода значительной длины. Что касается еды, то кушать я совершенно не хотел. Когда в первый раз я поймал себя на том, что не испытываю чувства голода, то подумал, что теперь пища мне вовсе не нужна, однако позже, уже вернувшись на Землю догадался, что виной всему, скорее всего, вода в бутылках. Кстати, точно такие же бутылки, всякий раз две, я находил повсюду в городе на самых видных местах. Стоило мне только почувствовать жажду, как появлялась очередная пара бутылей. А может, это Ниогхта все же, украдкой приглядывая за мной, по мере необходимости раскладывал эти дары.

Бродя по городу, я видел много чудес, которые пощадило время, этакие изюминки в творожной максе белых руин. Не стану описывать все местные чудеса, тем более что тогда я не столько изучал их, сколько наблюдал за ними со стороны. Кладбище артефактов, вот как я назвал бы эти руины, но об этом строит поговорить отдельно.

Возьмем хотя бы...

(Часть страниц рукописи отсутствует.)

Больше всего поразило меня «зеркало», по крайней мере так я назвал его про себя, увидев в первый раз. Это была огромная пластина зеркально отполированного металла. Высотой с десятков метров и столько же в ширину, оно покоилось в странной каменной оправе в подвале одного из разрушенных дворцов. Над входом в подземелье с «зеркалом» было выбито:

Пусть знает истину любой сюда входящий.

Может быть именно эта надпись и вызвала у меня нездоровый интерес, который заставил меня заглянуть в подвал. В первый момент оказавшись в подвальной полутьме — что удивительно и в зале у Источника внутри зиккурата и в этом, и в других помещениях без окон, куда я заходил не было темно. Всюду царил странный полумрак, хотя нигде не было ни окон, ни источника света.

Заглянув в подвал с зеркалом, я был поражен качеством отполированной зеркальной поверхности. Та была столь совершенна, что даже пыль не задерживалась на ней.

В первый момент я был полон недоумения. Кому могло понадобиться столь гигантское зеркало? Может быть в него гляделись титаны, черепа которых ныне украшали зиккурат. Несколько раз я прошелся вдоль зеркала. Потом осторожно приложил к нему руку. Поверхность мне показалась странно холодной, а портрет прямо перед моим лицом в зеркале образовалось небольшое окошечко с мутными краями, и позади него стали проступать странные неясные

очертания. Я в испуге отпрянул, потому что мне на мгновение показалось, что я увидел за полированной поверхностью знакомые до боли контуры Петропавловской крепости. С этими колдовскими артефактами можно было с легкостью попасть впросак.

Какое-то время я простоял, задумавшись, пытаюсь понять, что это было: настоящее видение или творение моего больного воображения? Потом вновь коснулся рукою поверхности и вновь через какое-то время возник контур Петропавловки. Я затаил дыхание. Что это было? Зеркало просто воплощало в изображение мои мысли, или тут было нечто большее? Тогда я попытался представить себе Невский проспект... и у меня получилось. Я смотрел на Невский с высоты Думской башни. А передо мной внизу спешили по своим делам людишки, ехали извозчики и авто. Я мысленно приказал изображению приблизиться. Все так и вышло, теперь я мог разглядеть одежду, лица людей, видел, как они говорят о чем-то друг с другом, но о чем? Несмотря на свой «талант» полиглота, я не умел читать по губам и никак не мог понять, о чем они говорят. Потом я увидел тумбу для объявлений, на которую уличный дворник наклеивал новую газету. Я попытался разглядеть, что там написано, и газета приблизилась заняв все пространство «окна». У нее было странное название «Правда: орган Центрального комитета и петербургского комитета Р.С.Д.Р.П.».

И что самое удивительное на первой странице была фотография товарища Константина, который вместе с каким-то евреем с холеной бородкой выступал на митинге. Неужели это самое Р.С.Д.Р.П. и товарищ Константин — одна банда? Я «попросил»

еще больше приблизить изображение, так чтобы я смог разобрать буквы и начал читать, и чем больше я читал, тем страшнее мне становилось...

(Часть страниц рукописи отсутствует.)

...вот у этого «зеркала» я и расположился.

Наблюдая за происходящим, по мановению мысли переносясь из одного конца страны в другой, я одновременно читал новости о том, что происходит в России, я каждый раз содрогался. Что я хотел тогда больше всего? Вернуться в России и посчитаться с большевиками, попытаться остановить кровавую волну, которая готова была захлестнуть мою родину. Единственное, что грело мое сердце, просьбу Юсупова я выполнил. Однако, будь сейчас в моем распоряжении жемчужина, я бы не стал испытывать судьбу, убегая неведомо куда. Пусть Бог будет мне судьей, но я бы...

Глава 4. Возвращение.

Мне не Тани снятся и не Гали,
Не поля родные, не леса,-
В Сенегале, братцы, в Сенегале
Я такие видел чудеса!

А. Городницкий
«Жена французского посла»

Я «присутствовал» на похоронах Корнилова, видел, как большевики потом выкопали тело Лавра Георгиевича и сожгли его на каких-то задворках, на куче гнилостных отбросов. Этот постыдный погребальный костер в Екатеринодаре никак не хотел гореть, и вандалы (а как еще можно назвать осквернителей могил!) хохоча поливали его керосином...

После я долго не мог уснуть. Сидел на каменных плитах, смотрел на звезды и думал: «Ведь раз есть боги на Земле, почему они допускают такое? Пусть не Иисус, основа учения которого — страдание во имя людей, пусть кто-то другой. Да и какое страдание в том, что над твоим трупом надругалась толпа безродной черни! Однако существуют ведь и иные боги: Древние, Старцы наконец. Кто-то из них должен вмешаться и прекратить эту вакханалию кровавого, ах извините красного, безумства, которая охватила пятую часть суши.

В тот день, 16 апреля 1917 года, я мечтал лишь об одном — вернуться на Землю. Не в силах совладать со своими чувствами. я побрел куда глаза глядят. Словно слепец, шел я среди руин величайшего мегаполиса из историю Земли и плакал, переполненный

отвращением и осознанием собственного бессилия. Неужели проходимцы вроде товарища Константина и в самом деле пришли к власти, заморочив новыми бессмысленными словами и лозунгами низшее отребье, которое всегда есть в каждой стране! Я шел, пытаюсь осознать всю глубину трагедии, постигшей Россию...

А потом осознал, что стою перед черным входом в какое-то подземелье. В первый момент я опешил, захотел повернуться назад, но ноги сами несли меня вперед. Я словно хотел раствориться в этой тьме, стгнуть в ней, провалиться в бездонный колодец или расселину, чтобы не знать, не видеть не болеть душой за свою родину, за любимый Петроград, который стал красным, но не от знамен пресловутого пролетариата, а от пролитой быдлом крови...

Но к моему удивлению в подземелье, куда я спустился, оказалось светло. Впрочем, я и раньше, обследуя Белый город, уже сталкивался с подобным эффектом, когда при полном отсутствии ламп в замкнутом помещении было светло. Вначале я думал, что это светится сам воздух, но подобного быть не могло, поскольку странный эффект наблюдался только в подземелье.

Лестница, ведущая в недра земли, судя по всему не предназначалась для человеческих ног, спускаться по ней нужно было очень осторожно. Ступени были разной высоты, да к тому же очень покатые. Порой казалось, что я с трудом могу на них удержаться. К тому лестница была очень широкой, словно парадный вход в подземный дворец, и любопытство гнало меня все дальше и дальше.

Наконец лестница закончилась, и каково же

было мое разочарование, когда вместо волшебного дворца, полного удивительных сокровищ, который уже нарисовало мне мое воображение, я оказался в сумрачной квадратной зале, больше всего похожей на гигантскую усыпальницу. В первый момент я решил тут же развернуться и уйти, но взглянув на лестницу, по которой мне предстояло карабкаться обратно, я передумал. В конце концов, раз я уже оказался в этом странном месте, то пожалуй стоило бы его получше исследовать. Я подошел к одной из стен и замер полный удивления. Всего в этой стене, впрочем как и во всех остальных (лестница располагалась в одном из углов квадратного помещения), было тридцать шесть ниш — шесть рядов по шесть ниш — каждая в виде стрельчатого окна в полметра высотой, и возле каждой из ниш была прикреплена табличка с двумя текстами. Так как языковой барьер был для меня не помехой, а света в комнате было достаточно, я стал читать надписи у ближайшего «окна»:

В этой нише хранится Икринка Дагона, зывающая к младшему из рода Вельзевула, одному из воплощений Чревоугодия — Кашетелю. Его материальное воплощение в этом мире — скарабей.

Предупреждение: помните: все твари рода Вельзевула прожорливы. Взывая к ним, приготовьте обильное жертвоприношение. В отличии от многих других родов, созданиям рода Вельзевула не нужно разумной пищи, главное, чтобы ее было как можно больше.

Вторая надпись гласила:

Чтобы вызвать Кешетеля, необходимо встать в одну из защитных пентаграмм...

Тут я опустил взгляд. В самом деле на полу под каждым «столбиком» ниш-окон в камне была вырезана защитная пентаграмма. Выходит этот зал... некая обитель демонов, а точнее то место, где можно призвать любых неземных тварей.

В этот миг мне стало жутко. Представьте себе, что тут очутился бы какой-нибудь негодяй, вроде товарища Константина. Сколько чудовищных преступлений он мог бы совершить. Это нам не немецкие марки в запломбированном вагоне. Вот реальная сила, для которой человек — пустое место.

Несколько минут стоял я ошеломленный, разглядывая многочисленные таблички, с помощью которых можно было призвать как Кагазия и Сабуа, так и Асмодея и Белиаля. И только перечитывая пятую или шестую табличку, я вдруг поймал себя на том, что, кроме меня, вряд ли хоть очень человек сможет воспользоваться услугами этого зала. Я ведь свободно читал таблички на давно забытом, мертвом языке, которым пользовались обитатели Земли несколько миллионов лет назад, и который, быть может, не знал ни один человек за всю историю нашей планеты. Так что даже, расшифровав надписи, что самом по себе сомнительно, никто из ныне живущих на Земле, кроме меня, разумеется, не смог бы правильно произнести необходимые заклятия, а даже самая маленькая ошибка в этом деле могла привести к самым трагическим последствиям. Демоны не

любят, когда их беспокоят. Существом иного мира больно находиться в другом измерении. Физически больно!

Много времени я провел в этом зале, пытаюсь понять, каким образом можно использовать демонов в борьбе с красной чумой, захлестнувшей Россию. В первый момент я хотел вызвать демонов и приказать им уничтожит верхушку богомерзких заговорщиков во главе с Троцким, а потом... Потом я понял, что подобного делать нельзя. Предположим, я уничтожу вершину айсберга, но останется еще и основная масса — вооруженный пролетариат, то есть быдло, лишенное руководства при полном отсутствии каких-либо моральных ограничений. И к чему все это может привести?..

Но так и не подобрав нужного ответа, я решил обратиться с расспросами к Ниогхте, который все еще искал следы Ми-го, уверенный, что они где-то рядом, готовят очередную «пакость», с легкостью ускользая от его бдительного взгляда.

Ниогхту я нашел возле Карусели.

Карусель — еще один из забавных артефактов Белого города. Представьте себе несколько арок с тонкими рамками, одной стороной прикрепленных к горизонтально положенному колесу. Под воздействием неведомой мне силы, колесо крутится, превращаясь в настоящую карусель. В одном месте на камне вырезана защитная пентаграмма. Встав в нее, ты ждешь, а когда рамка проходит над пентаграммой, ты переносишься в иное измерение.

Кстати, если говорить относительно всех этих иных миров и измерений, то вскоре я окончательно запутался со всеми этими понятиями. Все дело в

том, что в русском языке по определенным и вполне понятным причинам, нет адекватного перевода тех слов и понятий, который использовал в своих объяснениях Ниогхта. А так как я сам не мог толком понять, что в том или ином случае он имеет в виду, и мой «дар» мне ничем помочь не мог.

Как-то я даже хотел воспользоваться Каруселью, но Ниогхта меня во время остановил.

— Ты — низшая из разумных тварей, всего лишь человек, и твое тело является вместилищем того, что вы, люди, называете «душа». Если гибнет тело, то гибнет и душа. Что же до путешествия в иные миры (измерения), то твое тело может не пережить его.

— Но пентаграмма, — возразил я. — Она должна защитить меня от всех напастей.

— Не от всех, — усмехнулся Ниогхта. — Любая пентаграмма действует очень избирательно. Она может остановить элемент чужеродной среды, но не уберезет тебя от самой среды.

— Не понимаю, — покачал я головой.

— Например, от воздуха, если он ядовит для твоего тела или для твоей души, пентаграмма не уберезет. Точно так же она бесполезна против ядовитых и хищных тварей, которые, как и люди, не обладают магическим элементом. Все это довольно сложно и, боюсь, что не смогу подробно рассказать тебе об этом, так как у людей слишком маленький словарный запас, и нужно слишком много времени для объяснений.

Сам же Ниогхта все время пользовался Каруселью, выслеживая Ми-го. Удачной была его охота или нет, я не знал, да это меня особенно и не интересовало.

Теперь же выйдя к Карусели, я вновь, как и первый раз остановился любуясь этим странным, ажурным сооружением, нисколько не гармонизировавшим с окружающими его горами обломков. Или все же Белый город изначально планировался именно таким? И только с точки зрения непросвещенных напоминал руины?

Карусель, как обычно медленно вращалась, и мне пришлось подождать некоторое время, прежде чем очередная рамка проскользнула над начертанной на камне пентаграммой, и из нее словно выплыла темная фигура. Мгновение она еще была не в фокусе, напоминая скорее не динозавра, а гигантского муравья, стоящего на задних лапах. А может в том, другом мире, у Ниогхты было совершенно иное воплощение? Ведь личина динозавра была всего лишь внешней оболочкой этого Древнего.

Окончательно материализовавшись, Ниогхта сошел ко мне по белым ступеням. Спрашивать, откуда он узнал, что я пришел поговорить с ним, было бессмысленно. Ниогхта по сути своей был Богом, то есть существом высшим и по своему уникальным, обладающим, в том числе, и всезнанием.

Мне же при приближении Ниогхты не оставалось ничего, кроме как склониться в низком поклоне, выражая таким образом свое уважение.

— Что привело тебя ко мне? — вопрос Ниогхты был риторическим. Этот ящер без сомнения знал, зачем я здесь, и готов был ответить на вопросы, но только на те, которые я задам. Лишние знания смертному ни к чему!

— Я натолкнулся на обитель демонов...— начал было я.

— На Убежище, — поправил меня Ниогхта. — Это Убежище как для того, кто хочет мира и покоя.

— Но...

— Ты никогда не задавался вопросом, откуда берутся демоны?

Я замялся. Нет, я, конечно, мог рассказать Ниогхте библейскую легенду о грехопадении и все такое, но я почему-то подозревал, что он имеет в виду нечто другое. В первую очередь то, что демон — существо из другого «деменшена» — измерения. В итоге я лишь отрицательно покачал головой.

Теперь в свою очередь задумался Ниогхта, подбирая нужные слова и образы, чтобы объяснить мне суть вещей.

— Суть демона можно обрисовать так, — начал он после длительной паузы. — Демон — это выдающееся создание своего мира, преуспевшее в науках и искусствах, но в какой-то момент попытавшееся заглянуть за грань дозволенного. Каждое создание, имеет некую привязку к миру в котором живет и получает такую же привязку к иному миру, если «приступает черту». Совершенно очевидно, что преступившие черту оставляют частицу себя в новом мире, но чтобы не плодить чудовищ (а образа существ из разных миров друг другу не лицеприятны), Ктулху повелел прятать их в «жемчужинах» отсюда и название. Произнеся заклятие, ты воздействуешь на икринку и она, словно маяк, притягивает к себе плотское создание другого мира, вырывая их из своей привычной среды, где бы они ни находились и чем бы ни занимались.

— Но ведь это существа, обладающие сверхъестественными способностями?

— И да, и нет... — протянул Ниогхта. — Что такое сверхъестественные способности? Это то, что вы, люди, не можете объяснить. Вы привыкли считать себя пупом Вселенной, конечной точкой эволюции, но вы всего лишь жалкие букашки, не видящие и не знающие ничего дальше собственного носа. Сверхъестественные способности! Скорее всего это нечто обыденное, но не для вас! Обыденное в ином мире кажется вам чудовищным и удивительным из-за вашей собственной глупости. Возьми человека, обитавшего на Земле несколько тысяч лет назад, покажи ему аэроплан. Он ведь решит, что это крылатая хищная тварь сожрала человека. Или эта ваша новая игрушка: кинематограф!.. Впрочем, все это бессмысленные объяснения...

— Но я хотел спросить о другом, — настойчиво продолжал я. — Можно ли использовать кого-то из этих демонов для восстановления справедливости на Земле, как некое непобедимое оружие.

Ниогхта тяжело вздохнул.

— Если бы ты не находился под защитой Великого Спящего, я давно уничтожил бы тебя, тем самым решив все проблемы... Ты спрашиваешь, можно ли использовать высшие силы для установления справедливости? Но тут возникает много разных вопросов. Первый: кто ты такой, чтобы судить, кто прав, кто виноват? Имеешь ли ты на это право? Можешь ли ты сообразно своим мировоззрениям использовать Высшие силы для наведения порядка, сообразно своему пониманию? Второй, более важный, вопрос: ты считаешь, что твою страну нужно спасать, но... ты забываешь, что ничто в мире не происходит против замысла богов. И раз так случилось, значит,

эта кровь должна была пролиться, значит этот тернистый путь нужно было пройти.

— Извините, но какова польза в массовых казнях, в избииении цвета нации?

— Отвечу вопросом на вопрос: что есть Зло и Добро? Это понятия относительные. Вы, люди, можете понять что есть Добро, Истина, Идеалы, только увидев, что есть Зло...

— Но, послушав вас, нужно просто сидеть сложа руки...

— Нет... Я хочу донести до тебя, что человеку не пристало строить из себя бога...

Вот такой странный получился у нас разговор, и выходило так, что с одной стороны я мог попытаться что-то сделать, а с другой — не имел на то права. Эта моральная проблема мучила меня много лет...

(Часть страниц рукописи отсутствует.)

Исход... Я назвал бы так мое путешествие с Луны назад на Землю...

Однако перед этим я должен рассказать в моей «дружбе» с Мобаэлем. Он был демоном из рода Асмодея...

Помню. в ту «ночь» я никак не мог заснуть. Покинув «зеркало» я «переехал» в убежище, где, бродя от стены к стене, читал и перечитывал таблички, пытаюсь сообразить, что мне потребовать, вызвав демона. Может, в самом деле превратить себя в этакое сверхчеловека, который одним движением руки может остановить реку или одним ударом превратить в труху горный хребет. Но... но пройду ли я огонь, воду и медные трубы? Я опять сомневался, занимал-

ся самокопательством, кусал ногти от собственной нерешительности и неверия в свои силы. А время шло и шло, и, понимая, что оно уходит, я изводил себя, доводя до безумия.

Наконец, не выдержав, я решился.

Только сейчас я понимаю, насколько мне повезло, а тогда... тогда я просто подошел к первому попавшемуся «окну», встал в соответствующую пентаграмму и начал читать табличку вызова, стараясь как можно точнее произносить каждое слово. Вскоре от колдовских фраз заболела челюсть, и, тем не менее, я сделал все как нужно, не разу не повторившись и не сбившись.

Вскоре, согласно моим ожиданиям, из ниши поползли клубы черного дыма, которые, постепенно концентрируясь, превратились в создание, больше всего напоминающее полусгнившего мертвеца с непропорционально длинными руками, и огромными загнутыми когтями. Наполовину скрытый облаками черного дыма, он выглядел столь ужасно, что в какой-то момент у меня возникло инстинктивное желание все бросить и бежать сломя голову, куда подальше. Однако именно этого делать не следовало, потому что стоило мне переступить защитный круг, я тут же оказался бы во власти демона... Вы даже представить себе не сможете. какое усилие воли потребовалось мне, чтобы устоять на месте.

— Ты звал меня, человек?

Я кивнул.

— Что тебе надо, зачем потревожил ты меня?

Я сглотнул. Потом мне вспомнился недавний разговор с Ниогхтом, и я поинтересовался:

— А вы не могли бы принять какой-то другой

облик?

— Это твое желание?

В том, как был задан этот вопрос, таился определенный подвох. Если я вызвал демона для того, чтобы тот исполнил мое желание, то согласись я, что смена облика — желание, демон изменил бы свой облик, потребовал бы за это плату, и потом мне пришлось бы вызывать следующего демона.

— Это моя просьба. Очень сложно правильно сформулировать собственное желание в присутствии столь грозного и опасного существа.

«В данном случае лезть не повредит», — решил я.

— Просьба... просьба... — прошипел демон. Казалось, звуки идут не изо рта черепа, а откуда-то из груди твари. — Хорошо, хорошо, выполним его просьбу, — проворчал он себе под нос, и через пару мгновений скрылся в облаках черного дыма.

Одержав первую победу над демоном, я почувствовал некий прилив воодушевления. Чувствуя, что разговор с демоном затянется, я присел в центре пентаграммы в ожидании нового «лика» Мобаэля.

Прошло несколько минут, и затем клубы дыма начали вновь густеть. В этот раз предо мной оказался старичок невысокого роста, одетый в серо-бурые одежды, покроенные по средневековой моде.

— Так лучше? — поинтересовался он писклявым старческим голосом.

— Пожалуй, — согласился я, с интересом рассматривая новое воплощение Мобаэля. — по крайней мере, не так мерзко.

Хотя, если честно, старичок тоже особой приязни не вызывал. У него было крошечное личико, сдавленное, перерезанное складками, как у шарпая, глу-

боко посаженные глазки-буравчики, спрятавшиеся за кустистыми бровями, нависшими, словно клочья седого мха и клочковатая борода почти до колен.. А одежда... грязная мешковина, сшитая на некий чудовищный фасон...

— Итак, зачем ты звал меня? — продолжал старичок, только тон его не соответствовал его тонкому писклявому голосу.

— Хотел посоветоваться.

— Это твое желание?

— Очень сложно сформулировать желание без дельного совета.

— Ну, хорошо, — вздохнул старичок. — Какие там у тебя проблемы? Быстренько в трех словах. Потом желание и все!

— Вы в курсе того, что сейчас происходит на планете Земля? — начал я издали.

— Вообще-то я сам живу на Земле.

— Однако, судя по всему, на другой Земле, чем я. Старичок какое-то время молчал, жуя губу. Мне показалось, что он бормочет себе под нос:

— Все может быть... Все может быть...

Наконец он повернулся ко мне, и вид у него был далеко не добродушный.

— Предположим...

— Так вот, я хотел бы получить совет: какие сверхсвойства мне приобрести, чтобы я смог повлиять на ситуацию?

Старичок Мобаэль внимательно оглядел меня, потом тяжело вздохнул.

— Ты что, самый умный?

Я оторопел от такого вопроса.

— Ты что не можешь заказать какое-нибудь же-

ление, которое я спокойно смог бы исполнить и получить свои бонусы? Чего ты умничаешь? Ну, закажи гору золота или там сверхпистолет и думай сам как их использовать. Нет, тебе почему-то надо заставить меня решить за тебя твою этическую проблему. Ты хоть понимаешь, что все это, — тут он ловко встряхнулся, — не мое дело.? Демон не может подсказать тебе путь решения, он лишь может выполнить за тебя работу и только.

Я молчал. Похоже, демон и в самом деле был прав. Или это и было то самое хитрое лицо дьявола, о котором писали и говорили все кому не лень. Человек продает дьяволу душу. Вопрос, а зачем она ему? Да. демон требует плату за свою работу, вот только вряд ли те, кто «пошел в оплату», мучаются целую вечность. Впрочем это всего лишь другой аспект проблемы.

— Тогда ты будешь ждать, пока я не сформулирую свое желание.

— А сколько времени тебе удастся просидеть в замкнутой пентаграмме?

Мы оба замолчали, демон был прав, долго мне так не высидеть. Вот если бы демон находился внутри колдовской клетки, но, как говорил старый еврей: «Хотел бы я иметь такой передний ум, как у русского задний». Теперь уже ничего нельзя было изменить, и тогда я решил подойти к проблеме с другой стороны:

— Ты можешь перенести меня на мою Землю?

— Это желание?

— Вопрос.

— Могу.

— А сделать меня самым сильным человеком в

мире?

Мобазэль задумался.

— В принципе можно... Но тогда жизнь твоя будет не столь уж долгой.

— Почему?

— Для того, чтобы сделать тебя самым сильным человеком в мире, придется отчасти перестроить твою биологию, и этим, естественно, нарушить природное равновесие.

Я кивнул. Раз так, то, видимо, не стоило лезть в собственное преобразование, достаточно будет сверхоружия.

Какое-то время я прикидывал всевозможные варианты, наконец все же решился:

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты перенес меня и одну из «тарелок» в Петербург. Да, и чтобы я умел управлять «тарелкой», и чтобы она была надежно спрятана в доступном мне месте.

— И это все? Таково твое желание?

— Да! — уверенно объявил я.

— Хорошо... — теперь в свою очередь задумался Мобазэль, а потом, неожиданно вскинув голову, заинтересовался. — А оплата?

— Тут неподалеку два Ми-го... — начал я, но потом неожиданно осекся. — Кстати, а что происходит с теми, кого забирают демоны?

Мобакэль усмехнулся.

— Тело гибнет или идет в пищу низшим существам, что же до субстанции, которую вы называете душой, то она обычно используется при создании артефактов.

— Но это...

— Молодой человек, — усмехнулся демон, —

оставьте при себе вашу мораль. Или вы думаете, что те же свиньи или коровы столь глупы, что не обладают своего рода душой? Но вы же убиваете и поедаете их, причем, в вашем мире, насколько мне известно. души животных идут на свалку. Вот только одно вы позабыли: человек — тоже животное, и было бы глупо предполагать, что он — последнее звено пищевой цепочки. Так что мораль, которой придерживаетесь вы, а, точнее, большинство членов вашего общества, по сути своей — циничная и ханжеская. Вы обманываете сами себя... К тому же, если вспомнить о зарождении человечества, то Старцы создали людей, наравне с шогготами, как рабов, и разводили их, как, скажем, вы разводите кур.

Я лишь кивнул.

— Но зачем вам разрешение? Это часть колдовской формулы... — тут старик противненько усмехнулся. — Когда-нибудь ты и сам поймешь.

— Ладно, — наконец решил я. Хотя мне в принципе отступать было не куда. — Хорошо. Здесь где-то неподалеку, на территории Белого города, прячутся Ми-го. Ты можешь забрать их.

Демон широко улыбнулся.

— Отлично. Дело сделано. Ты перенесешься на Землю в течении часа. Когда я исчезну, ты можешь выйти из пентаграммы, но не покидай Убежища.

Я вновь кивнул. А потом вдруг на меня нахлынуло странное чувство: мне показалось, что я слишком поспешил. Ведь останься я в Белом городе, я бы еще столько смог бы открыть для себя. Ведь я видел лишь малую часть чудес этого удивительного места. Как я не подумал об этом раньше!

Но было поздно! Демон исчез. Минут пять я по-

терял стоя в оцепенении и ругая себя в собственной глупости.

Первое же, что я сделал, придя в себя и покинув пентаграмму — бросился к нише, решив не повторить своей предыдущей ошибки. Я едва успел нащупать «жемчужину» Мобаэля, как весь мир вокруг погрузился во тьму, в крошечную тьму...

Обратное путешествие — исход с Луны — ничуть не походило на путешествие на Луну.

Вокруг меня за доли секунды сгустилась мгла, и я на мгновение оказался нигде. Не было ни верха, ни низа, мое тело становилось то легким, невесомым словно пушинка, то наливалась страшной тяжестью, так что мне казалось: «Еще чуть-чуть и голова лопнет, а глаза вылезут из орбит».

А потом в какой-то миг меня швырнуло на какую-то твердую поверхность. И через мгновение накатила волна головной боли. Мне показалось, что в череп мне вонзили длинные раскаленные спицы. Я закричал, страшно закричал...

Но вот боль начала уходить и тьма вокруг меня постепенно рассеиваться. Я приоткрыл глаза и попытался подняться. Я находился внутри «тарелки», люк, ведущий наружу, был открыт, и там стоял, улыбаясь противный старичок Мобаэль.

Со стоном, качаясь из стороны в сторону, я поднялся на ноги. Огляделся. Потом, переполненный ненавистью, сжал кулаки и шагнул к демону.

— Но... но... но... — остановил он меня, вытянув вперед пуки в предупредительном жесте. — не стоит, можешь мне поверить. Но я и не думал останавливаться. Озверев от боли, я буквально обрушился на Мобаэля. Я обрушил на него такой удар, кото-

рый, по-моему, мог свалить с ног быка, но результат оказался противоположным. Мне показалось, что я ударил рукой о бешено вращающуюся юлу.

Мгновение — и костяшки правой руки остались без кожи, а я, взыв от боли и заливаясь кровью повалился на пол.

— Сука! — сдавленным голосом прохрипел я.

— А ведь я же предупреждал, что не стоит этого делать, — покачал головой старичок. Мне даже показалось, что этот негодяй ухмыляется. — Зря ты разозлился. Я ведь сделал точно, как ты хотел. А то, что тебе при этом будет больно, мы не обговорили!

— Гнида, — вытащив из кармана платок, я обмотал окровавленную руку.

Через какое-то время я наконец пришел в себя. Злость на демона чуть поутихла, и взяв себя в руки, я уселся на полу.

— Итак...

— Теперь я должен убедиться, что все верно, после чего отправлюсь и заберу свою награду, — ухмыльнулся демон. Казалось, он издевался надо мной, вот только причины его поведения я тогда не понимал. — поднимись, подойди к пульта управления, взгляни на него, — продолжал Мобазль все тем же слащавым, писклявым голоском.

Я шагнул к пульта.

— Посмотри на все эти ручки, кнопки, шкалы, переключатели, — продолжал старик. — Ты знаешь, как управлять ими?

Несколько секунд я тупо рассматривал приборы, о назначении которых раньше и не подозревал, однако теперь мне было все понятно. Это было точно так же, как с языком. Мгновение, и из памяти

всплывало, что к чему, какая стрелка что показывает, какая кнопка что именно приводит в движение.

— Смог бы поднять эту штуку в воздух?

Я на мгновение заколебался, потом прикинув порядок действий, согласно кивнул головой.

— Да, пожалуй!

— Отлично, — расплылся в широкой улыбочке дед. От люка он шагнул к той части борта, которая могла отойти в сторону, открыв «грузовой люк».

— Ну а теперь сам ангарчик.

Слово «ангарчик» он произнес с таким ехидством, что я сразу заподозрил подвох. Часть борта «тарелки» скользнула в сторону, открыв угол убогого на вид помещения. На мгновение я замер на пороге.

— Где мы?

— Как ты хотел. Доходный дом твоей семьи на десятой линии, а это чердачное, тайное помещение. Оно находится на стыке четырех домов. и о нем никто не знает. Вход в него тоже сокрыт. Но я покажу... ты положи пока «жемчужину» и пойдем. Клади... Клади...

Что-то в словах демона мне не понравилось. Почему он так хотел, чтобы я расстался с жемчужиной. Почему не исчез, выполнив мое желание, а до сих пор вьется вокруг меня? В первый момент я не придал этому особого значения, зато потом, прокручивая в голове все детали случившегося, я начал понимать всю коварную сущность этого существа.

Нет, раз демон настаивал, я сделал наоборот. Покрепче сжав в кулаке «жемчужину» я вслед за Мобэлем вышел из летающего корабля.

Помещение было огромным, однако его почти целиком занимала тарелка. В соседней комнате был

устроен продовольственный склад. Увидев полки с консервами, мешки с крупами и мукой, ряды бутылей первосортного коньяка, я замер в удивлении.

— А это..? — начал было я.

— Небольшой подарок, — улыбнулся старик. — Так сказать в знак моего доброго расположения.

Вот чего-чего, а доброго расположения демона стоило и в самом деле опасаться. Если демон делает тебе подарок, он непременно захочет получить что-то взамен, и лучше сразу поставить все точки над «і», чтобы потом не попасть в неприятную ситуацию.

— Я не просил всего этого, — заявил я.

— Угу, — согласился демон. — Но, как говорить-ся, лучше сделать ближнему приятно, и он ответит тебе тем же.

— И чем же я должен буду ответить на вот этот подарочек? — поинтересовался я.

— Всего пустяк, ерунда, — махнул рукой старичок. — Ты согласишься, а там не пожалеешь.

— И на что такое я должен согласиться? Здесь, — я обвел рукой склад с продуктами, — армию можно накормить.

— Можно, — согласился демон понурившись.

— Тогда я повторяю вопрос: что я должен отдать в обмен на это изобилие? — демон слотнул. Он явно не желал рассказывать в чем тут дело.

— Я бы на твоём месте не тянул. Что тебе от меня нужно? Говори!

— Мне нужна «икринка» Ктулху. Моя икринка... Жемчужина... — в голосе демона зазвучали заискивающие нотки.

— Предположим, я тебе ее отдам, что дальше?

— Ничего, — пожал плечами старичок, хотя я ви-

дел, что более чем «чего».

— Итак, или ты честно мне все рассказываешь, или твое желание никогда не исполниться.

— Если ты отдашь мне «жемчужину», то я вместе с ней перенесусь в свой мир, она воссоединиться со мной... и мне никогда больше не придется выполнять идиотских желаний низших существ! — последних четыре слова демон не сказал... он их выкрикнул, выплеснул мне в лицо весь свой яд.

Только на меня это не действовало, а посему я еще раз оглядел Мобаэля, который в один миг превратился из добренького гномика в отвратительного леприкона.

— Что ж, требование законное, — неспешно начал я, поддразнивая чудовище, однако вот этого, я обвел рукой склад, — слишком мало. Свобода стоит много дороже.

Демон заскрипел зубами.

И тут меня прошиб холодный пот. Мы же перенеслись в другое место, и тут не было защитной пентаграммы. Значит, демон мог в любой момент наброситься на меня. Наброситься и отобрать «икринку», «жемчужину», называйте ее как хотите. Вот только почему-то он этого не делал. Однако, как я выяснил еще в юности: ощущение внешней нелогичности поступков возникает лишь от полного непонимания происходящего. Раз демон не нападает, значит, не может. Почему? На этот вопрос ответа у меня не было, хотя определенные догадки имелись. Ведь выходило так, что в этот раз не я вызвал демона, а он сам явился в наш мир, а значит... А бог его знает, что это значит. Если честно, мне не хотелось гадать, в чем тут дело. Хотя в дальнейшем выяснилось, что я —

прав, или если демон явился в наш мир без вызова, по собственному желанию, то ничего он сделать вам не может, разве что попугает. Этакое невротическое, но совершенно безвредное приведение.

— В общем, так, — подытожил я нашу беседу. — За склад отдельное спасибо, будем надеяться, он мне пригодится, что же до жемчужины и остального... Скажем так, — тут я замялся и лишь через минуту продолжил фразу. — На свободу ты еще не наработал.

Демон заскрежетал зубами.

— А пока свободен. Избавь меня от своего присутствия.

— Это желание? — лукаво поинтересовался демон.

— Это — пошел ты на... — не выдержал я, хотя ругаться было не в моих привычках.

— Ты еще пожалеешь, — прошипел демон, принимая свой первоначальный отвратительный вид.

— Ага! — согласился я. — Пшел отсюда!

И демон растворился, растаял в воздухе.

Я еще раз осмотрел оба помещения. Судя по всему, с помощью рычага и системы блоков часть крыши можно было сдвинуть, чтобы «тарелка» беспрепятственно взлетела.

Однако я не стал ни крышу «открывать», ни, тем более, «заводить» «тарелку». В первую очередь нужно было понять, что происходит в городе. Как-никак, меня не было в Петербурге почти полгода. Зеркало, оно конечно, зеркало, но реальности оно не заметит.

В первую очередь я отправился к выходу из убежища. Где находятся нужные потайные кнопки, чтобы открыть и закрыть вход, я познал тем же та-

инственным образом, что и систему управления «тарелки».

Только вот выйти-то мне как раз и не удалось. В доме — в доходном доме нашей семьи, определенно что-то происходило. По лестнице сновали какие-то люди. Несколько человек стояли на площадке и курили — шинели с красными бантами, хмурые, небритые лица, опухшие от пьянства и «балтийского пунша». Представляю их удивление, если бы у них на глазах часть стены отъехала в сторону, и тут появился бы я, словно циркач «в белом фраке с блестками».

Итак, единственное, что мне оставалось делать — ждать. Однако я сгорал от нетерпения. И единственный, к кому я мог обратиться за помощью — Мобаэль. Как бы ни противен был мне демон, он был единственной силой, которая могла вытащить меня из этого логова.

Только сейчас я начинаю понимать, что Мобаэль все это подстроил специально. Наверняка он мог выбрать для Убежища более спокойное место, но нет. Без сомнения, он отлично понимал, что без его помощи мне будет практически невозможно незамеченным пройти через здание. Что ж...

В первый момент я хотел прочитать общее заклинание вызова, но потом подумал, что опять придется пробираться по ненадежному белому коридору, да и попаду я опять в Белый город на обратной стороне Луны (если, конечно, коридор будет «открыт»). А что мне там делать? Нет уж, пусть эта гадина перенесет меня к моей родовой усадьбе, а там посмотрим. В конце концов, из мужиков я всегда смогу сколотить небольшой отряд, а то, как говорится: «Один в поле

не воин».

Однако, прежде чем вновь призвать демона, я хорошенько перекусил. Тушенка была венгерской, то есть отличной, в прямом и переносном смысле слова: отличной от тех жил и жира сомарского производства, что называли у нас громко «Тушенная говядина» и отличной на вкус. То же самое не могу сказать о немецких сухарях — твердых, как броня линкора и пропитанных какой-то отвратительной приправой. Точно так же шнапс, оставленный мне «добрым» демоном, оказался едва съедобным для русского желудка.

После «сытного» ужина я еще раз выглянул наружу. Картина оставалась неизменной, сменился лишь ряд действующих лиц.

Сначала я осмотрел все доставшееся мне наследство. Тут, кроме полок с едой, было несколько оружейных витрин, а также десяток огромных шкафов, набитых всевозможной одеждой — костюмами всех стран и народов. Я оглядел свою шинельку и потертую гимнастерку. Выглядело все это не слишком презентабельно. Новую гимнастерку я нашел почти сразу, а потом задумался. Видимо, мне и в самом деле стоило сменить гардероб. Что больше всего подходит для путешествий: кожаный костюм — не рвется, не горит. Я поискал и скоро выудил из недр одного из шкафов черные кожаные брюки и длинный кожаный плащ. Там был еще черный кожаный картуз. Все моего размера. Я переоделся. Теперь я выглядел как нечто среднее между тexasским мстителем и красным комиссаром.

Самое время было заняться вооружением. Открыв оружейный шкаф, я выбрал два кольта и ши-

рокий пояс с двумя рядами патронов. Примерив, я показался самому себе настоящим грозой Дикого Запада в лучших традициях Карла Мэя. Пистолеты были новенькие, словно только с завода, пахли смазкой. Интересно, где Мобаэль их спер? Еще я отобрал длинный и широкий охотничий нож, тонкий стилет спрятал в голенище сапога, а маленький женский двустольный пистолет в задний карман. В последнюю очередь я выбрал винчестер, стреляющий револьверными патронами. Можно было бы взять винтовку и помощнее, но тогда возникал вопрос боеприпасов.

Так что вздохнув, я отломал кусок штукатурки и принялся рисовать защитную пентаграмму, после, встав в нее, речитативом произнес формулы вызова Мобаэля.

Тот появился почти сразу, причем в этот раз был в первоначальном облике — в виде гниющего мертвеца.

— Уже соскучился, — утробным голосом начал он.

— Не дождешься.

Демон хмыкнул.

— Значит, правду говорить мы не хотим...

— А оно тебе надо? — поинтересовался я, и Мобаэль ничего не ответил, лишь пожал плечами.

— Забавно было бы послушать твою ложь, — ухмыльнулся он.

— Не надоело паясничать?

— Ты зачем меня вызвал: мораль читать?

Тут демон был прав. Чем быстрее мы закончим все дела, тем будет лучше и для меня, и для него.

— Я хочу, чтобы ты переправил меня в одно место, а это убежище пусть останется... запечатанным... Ну, чтобы сюда никто войти не смог.

Демон пожал плечами.

— Да не вопрос. Нужно только знать: куда ты собираешься отправиться и чем будешь платить?

— В виде оплаты можешь забрать людей на лестнице. Забирай, сколько хочешь.

Демон лукаво прищурился.

— Так уж сколько хочу?

— Хоть всех.

— Всех слишком много. Ты никогда не думал о том, что возможности демонов имеют определенные границы, а фраза «убей их всех» лишена смысла?

— Ладно, оставим теософские споры на потом. Убей сколько сможешь или сколько тебе нужно и выполняй мой приказ.

— И тебе их на жалко будет? Ведь они умрут?

— Опять двадцать пять начинаешь? Начал я сердиться. Если я сказал всех, значит всех!

— А куда пожаловать изволите?

— Перенеси меня в укромное местечко неподалеку от моего имения.

— Хорошо. Но давай изменим форму оплаты.

— ?..

— Мне нужна моя жемчужина.

— Не начинай все снова, «жемчужина» останется у меня.

Демон «вздохнул» — ужасный звук, никому не пожелаю его услышать. А потом все завертелось у меня перед глазами. Это путешествие ничуть не походило на мое бегство с луны. Мне даже показалось, что я узнал несколько промелькнувших передо мной пейзажей.

А потом я очутился на берегу ручья. Того самого ручья, что протекал за нашей усадьбой, куда еще в

раннем детстве я бегал пускать кораблики. Тут, под покровом хитросплетения ветвей вековых тополей, царил вечный полумрак. Самое подходящее место, чтобы незаметно материализоваться.

Дальнейший мой план был прост. Я собирался взять коня в конюшне отца, проехать до станции и местного центра — Станового, где и узнать все новости, а после начать действовать сообразно обстоятельствам.

Только вот планам моим не суждено было сбыться. Поправив картуз и чуть сдвинув назад полу плаща, словно бравый ковбой, я не спеша стал взбираться по глиняному склону. Неожиданно нога моя зацепилась за какой-то корень и, потеряв равновесие, я со всего маху рухнул вниз на глинистый берег. Удар оказался таким сильным, что на мгновение у меня перехватило дыхание.

Рука моя произвольно разжалась, и «жемчужина» соскользнула в грязь. И тут же над ухом у меня раздался неприятный, хриплый смех.

— Ну, что? Как видишь, все равно по-моему вышло!

Я медленно повернул голову. Надо мной стояла старикашка Мобаэль. Потерял ты свою счастливую звезду!

Я видел, как он, ухмыляясь, перекатывал «жемчужину-икринку» между пальцев.

— Потерял! Потерял! — казалось, еще мгновение — и демон пустится в пляс. В это мгновение он больше всего напоминал мне злобного мальчишку, у которого вышла очередная гадость, и теперь он хочет непременно ей похвалиться. Я хотел было пнуть его ногой, но вспомнив, что случилось, когда я попытал-

ся ударить демона, я решил ничего такого не делать, а вместо этого, зачерпнув ладонью побольше грязи, швырнул ее в лицо Мобаэлю. Бросок получился удачным: мокрый ил пополам с перегноем залепил большую часть лица насмешника.

— Смеется тот, кто смеется последним, — напомнил я обманщику.

Демона аж перекосило. Вновь о один миг он снова превратился в подобие гниющего мертвеца.

— Если бы не жесткие правила, которые не стоит нарушать даже мне, я бы раздавил тебя сейчас как мерзкого опарыша, — прорычал демон. — Я бы заточил твою душу в такую клетку, которая причиняла бы тебе постоянную, невыносимую боль. Ты не просто молил бы, ты бы умолял меня о смерти... — от бессилия демон заскрежетал зубами. — А теперь несмотря на свою злобу, я вынужден сказать тебе прощай. Я возвращаюсь в свой мир и больше мы не увидимся.

И он исчез. Растаял, словно утренний туман, а я остался лежать в грязи, лишившись своего главного козыря. Как теперь мне вернуться в Петербург? Как осуществить свои планы спасения России? Вот так раз — и все карточные домики рассыпались в пыль, а я стал всего лишь еще одним винтиком в безжалостной машине, под предлогом революции перемалывающей народ моей страны в кровавое мясо.

Правда, оставались ему «икринки» во дворце Юсупова на Мойке. Вряд ли товарищу Константину удастся их обнаружить. Правда, я не знал правильных заклятий, для того, чтобы пробудить сокрытых в них демонов, но... В конце концов, если магия Ми-го все еще работает, а никаких причин для того,

чтобы она исчезла, я не видел, я всегда смогу вернуться в Белый город, и вновь попасть в Убежище. Я с тоской представил себе тот долгий путь, который мне придется проделать заново, и тяжело вздохнул. Да и летающая машина Ми-го осталась в моем распоряжении...

Однако в первую очередь нужно было вычиститься от грязи. Не идти же в таком виде в поместье, потом раздобыть коня и, как говориться, во все тяжкие...

Сняв плащ, я аккуратно повесил его на ветку, над водой и, зачерпнув полные пригоршни воды окатил черную кожу, смывая грязь. Надо сказать, что процедура была не из приятных и заняла довольно много времени. Конечно, много проще было бы просто намочить плащ, но потом ходить в мокром. Да и оружие могло «отсыреть», а в те времена пистолет был лучшим другом человека.

Я возился уже, наверное, минут двадцать, когда неожиданно ветки затрещали, и прямо мне под ноги скатился Прохор Цветков — коневод из Заречья. Невысокого роста, этот опрятный мужичок уже давно заведовал нашими конюшнями. Только вот сейчас выглядел он не самым лучшим образом. Щека у него была расцарапана, выходная рубаха, перетянутая широким ремнем, порвана.

Шлепнувшись в грязь — на точно то самое место, где с полчаса назад лежал я, он застыл, уставившись на меня выпученными глазами. Так и сидел в грязи на пятой точке, разбросав ноги и чуть откинувшись назад, опираясь на широко расставленные руки.

— Барин! — только и смог приглушенно выдать он.

И тут заросли кустов и ветвей снова раздались, и в отверстии показалась фигура в шинели. Незнакомец увидев Прохора и видимо не замечая меня, благо я стоял чуть сбоку, вскинул винтовку, но я его опередил. Кто бы это ни был, но Прохор-то точно был своим.

Хоть я и стрелял с пояса, пуля вошла точно в сердце. Выронив винтовку, незнакомец покачнулся, а потом начал падать на Прохора. Откуда-то из-за кустов донеслось:

— Ну как там?

Я отвечать не стал, вместо этого повернулся к Прохору.

— Бери винтовку и давай быстро, в трех словах, что у вас там?

Прохор, похоже, до сих пор все еще не мог прийти в себя. Все еще, словно не веря своим глазам, он косился на меня, а потом, словно повинуюсь моему взгляду, потянулся за винтовкой. И только взяв ее в руки и словно обретя каплю уверенности, он пробормотал:

— Красные, грабют...

Быстрым движением я одел плащ, поправил пояс с патронами, а потом взяв в каждую руку по пистолету и ступая как можно осторожнее — только еще одной «грязевой ванны» мне не хватало — отправился туда, откуда появился солдат.

Там за кустами оказалось еще трое в шинелях с красными лентами на шапках. Я не стал с ними разговаривать. Три выстрела — и три тела упали на траву, я остановился перезарядить револьвер. Пусть даже в барабане еще два патрона, все равно нужно всегда иметь в запасе максимальное

число выстрелов.

К тому времени, как я закончил, Прохор выбрался из кустов. Я кивком указал ему на мертвые тела.

— Собери оружие и боекомплект. А потом ступай за мной. Пойдем, посмотрим, кто тут кого грабит.

Глава 5. Рождение Батьки Григория

*Я пробираюсь по осколкам детских грёз
В стране родной,
Где всё как будто происходит не всерьёз
Со мной.*

И. Тальков «Родина моя»

Тот день я запомнил очень хорошо. Мы сидели на берегу ручья, вокруг шелестела уже начавшая желтеть листва, пели птицы, а Прохор рассказывал мне о делах, творящихся в уезде, и я... я поначалу не верил ему. Только что я покинул фантастический мир — реальность, которая невозможна, и теперь, находясь в уголке мира, где прошло все мое детство, я не мог поверить в реальность мятежного Петрограда, и в те ужасы, о которых рассказывал мне Прохор.

— ...Так вот оно и было, барин, — говорил он, нервно сжимая винтовку одного из убитых мною красноармейцев. — Так оно и было... Приехал ахитатор с фронту. Залез на бочку и ну брехать. Мол войне — нет... Ну, это мы как раз поняли. Давно

пора. А то и поля пахать некому, и сколь все это безобразия продолжаться будет. И снова понес про свободу. То что мы в семнадцатом уже слышали. Ну то анархистский ахитатор. Только наши мужики — Помните Фрола-кузнеца да Архипыча?

Я кивнул, и Прохор продолжил рассказ:

— ... Так вот, — это присказка его любимая была «так вот», а говорил он, словно пел, переливчато, то убыстряя темп рассказа, то замедляя его, и порой слова, произнесенные им, смешавшись с журчанием ручейка, шорохом листьев и птичьим пением, превращались в некую удивительную, завораживающую мелодию. В том миг мне не хотелось верить в реальность тех ужасов, что рассказывал Прохор. — Так вот, решили они того болтуна за портки подвесить. Да не тут-то было. Только к нему мужички подступили, как он пиштолет-то выхватил и ну пулять. Трех поранил, пока его кольями забили. А на следующей неделе приехали солдаты с матросами. Много, человек тридцать — отряд целый. Тоже ахитировать стали. Потом стали указ читать, дескать все наши земли наши теперя стали. А ведь они и так наши, а что арендные земли, так то налоги всяко платить придется. Только вместо налогов эти супостаты забрали все, что у мужиков по закромам хранились. Мы им: «Что ж на весну сеять станем?» А они: «Город голодает», а у самих морды, что твоя тыква... Так вот, обобрали они нас. Только все это цветуючки были, потому как через месяц новая команда этих оборванцев подвалила, и опять давай рассказывать про то, что земля теперь наша, и хлеб отбирать. Ну мы на дыбы, а они мандаты подастали, ружия выставили. А нам куда деваться? Мужиков нема, бабы

одни да дети мал-мала сопливее. Выгребли они то, что от первых крохоборов осталось, и пригрозили, что ежели чего прятать будем, то теперь контрреволюцией зовется, и за то к стенке ставят. Морды старикам побили еще. А Анюту, ну, та что за речкой живет, насильничали... Собрались мы, стали решать, что делать, послали трех ходоков в город, а то и сам Питер к этому иудушке Троцкому. Только ходоки ушли, да так и не воротились. То ли их большевики к стенке поставили, а толи кто другой, нам неведомо. Только вот теперь еще хуже прикатили, — и тяжело вздохнув Прохор кивнул в сторону усадьбы. И вовсе звери. Бабы было на них, чтоб хоть деток пожалели, последнее не отбирали, ведь жрать то нечего уже, а что весной будет, что сажать? А им все равно. Пальнули. Феклу ранили, а когда отец Филимон полез их образумевать, то они его за руки и за ноги к дверям церкви приколотили, словно Христа нашего, и подожгли церковь, изверги. Мужики, кто оставался, хотели старика спасти, так те, городские стрелять начали, вот мы и разбежались. Кровопийцы, настоящие... Так вот я и радуюсь, что ты, барин, объявился. Избави нас от супостатов.

— Хорошо, — говорю, а сам думаю, во что ввязываюсь. Хотя с другой стороны: делать-то мне что? Возвращаться в армию? А доберусь ли? Петроград? Нет, еще одной милой встречи с товарищем Константином я не переживу. От таких негодяев только на Луне и укрыться можно.

— Да ты пойми барин, нам деваться от этих красных убийц некуда. Уж думали, пропали мы. А теперь вы появились. Так на вас теперь одна надежда.

— А где сейчас эти революционеры?

— В усадьбе, наверное, пьянствуют. Самогону у них хоть залейся. А может по селу рыщут, девок ищут, тех, что еще в лес не сбегли.

— И сколько их всего?

— До осмнадцать будет, если тех, что вы порешили, не считать.

— А мужики помогут?

— Ну, коли ты, барин, скажешь... Хотя какие тут мужики? Или пацаны малолетние — молоко на губах не обсохло, или старики вроде Игната. Игната-то помните?

— Как его забудешь! — вздохнул я. — Игнат-то был мужиком колоритным. Высокий, как каланча, здоровый, даром, что в годах и седой, а один мог воз сена поднять. К тому же он в армии служил и крест за оборону Севастополя получил еще в молодости. Только вот теперь, сколько ж годков-то ему будет?

— Ты, барин, не сомневайся, многие бабы тоже пойдут. Они эту гольтьбу криворукую поболее нас ненавидят.

— А почему криворукую-то? — удивился я.

— Так несть приличный человек, кто работать может, в красные голодранцы пойдет? Приличный человек работать будет хлеб, сеять да детей растить, а по воскресеньем — в церковь.

— Так то ж приличные.

— Вот и я о чем барин. А если руки под х.. заточены, и все мимо пальцев идет, то тут на чуждой лоток открываешь роток. Вот оттуда они все и берутся пролетарцы, будь они неладны.

— Ладно, Прохор, — вздохнул я вставая. — Хорошо тут с тобой сидеть, лясы точить... но и дело знать надо. Значит так, собирай мужиков, пусть берут что

у кого есть: кто охотничье ружье, а кто вилы и топоры поострее и идите на двор усадьбы.

— Так ведь боязно идти, барин, у них там, на телеге, и пулемет есть.

— Пулемет, говоришь?

— Угу.

— И что?

— Так ведь положат всех.

— Не положат, Прохор... Не положат... Так что иди, собирай народ, а я пойду погляжу, что там за большевики такие, и заодно с пулеметом их разберусь.

Поднявшись, я проверил оба револьвера, заткнул сзади за пояс восьмизарядный немецкий пистолет и не спеша пошел к дому, тому самому, где я проводил все лето с раннего детства до восьмого класса гимназии, к дому, где я знал каждый уголок. К дому добрался я с задов, со стороны сараев. Был там один лаз. Нет, конечно, можно было пойти и по дорожке, только не хотел я раньше времени себя обнаруживать. Они конечно, хоть и большевики, только перевес восемнадцать к одному меня все-таки смущал. Поэтому я решил действовать осторожно. И чем позже меня заметят, тем лучше.

Осторожно отогнув деревянный щит, крепившийся на огромном ржавом гвозде, я проскочил в сарай. В лицо ударил запах прелой соломы. Я остановился, ожидая, пока глаза мои привыкнут к полутьме, а потом ужаснулся, потому что сарай был пуст. Раньше тут всегда было груды соломы, а теперь от нее остался только запах. И, наверное из-за этой пустоты помещение казалось заброшенным, голым, и я в какой-то миг почувствовал себя предателем из-за того, что бросил, кинул родовое гнездо,

и за долгие годы своих скитаний по свету не нашел недельки, да что там недельки, дня, чтобы заглянуть сюда...

Первого большевика я обнаружил сразу за дверью, ведущую из сарая во двор. Он сидел на колоде и курил самокрутку. Сидел ко мне спиной. Больше во дворе никого видно не было, а посему я решил не тратить пулю на этого негодяя.

Вынув нож из-за голенища, я осторожно подкрался к нему сзади, потом зажав правой рукой рот, рубанул острым клинком по горлу. Раньше я это никогда не делал, хотя видел, как делают другие. Тем не менее фокус удался. Красноперый даже не рыпнулся. Похоже, он так и не понял, что на самом деле происходит.

Когда же кровь забулькала в перерезанном горле, я подхватил заваливающееся назад тело и затащил в сарай. Пришлось протащить его в дальний, темный угол.

Итак, двор вроде бы был чист, а если кто и находился перед домом, то оттуда он не мог меня увидеть. Держа револьвер наготове, я осторожно прокрался к заднему окну дома. Как я подозревал, окна были заперты. Размахнувшись, я ударил рукоятью револьвера по стеклу. Звякнув, оно развалилось. Я замер, но, похоже, никто в доме не услышал этого звука. Потом свободной рукой я осторожно вынул осколки стекла и, просунув руку, убрал защелку. Открыл окно. Потом, положив револьвер на подоконник, медленно подтянулся и остановился, на полпути упершись лицом в дуло револьвера. Передо мной стоял матрос в расхлестанном бушлате. Усатый, мордатый, курчавый, он щурился и весело улыбал-

ся.

— Ну залезай, залезай... Посмотрим, что за птица, — улыбка его стала еще шире и под густыми рыжими усами сверкнул золотой зуб.

Я на мгновение замер, потом качнулся чуть вперед, делая вид, что хочу влезть в комнату, а сам, выбросив руку вверх, схватился за руку матроса, державшую пистолет, а потом откинулся назад, увлекая противника за собой. Видимо, матрос не ждал ничего подобного. Не удержав равновесия, он полетел вперед, со всего маха врезавшись животом в подоконник. Не знаю, сколько я сломал ребер этим рывком, но взвыл морячок страшно, а я, отскочив, со всего маха ударил ребром ладони по шейным позвонкам противника. Тот дернулся и затих. Может я прикончил его, а может, и нет, но чтобы не оставлять врагов за спиной, я вновь достал нож и одним ударом перерезал ему горло, после чего осторожно вынул у него из руки револьвер и заткнул за пояс. Еще один ствол всегда пригодится.

Несколько минут у меня ушло на то, чтобы вытащить тело из окна и оттащить в сарай. Однако мне везло, никто меня не заметил. С другой стороны, нужно было поторапливаться, если я не разберусь с пулеметом, то крестьян, пришедших вершить праведный суд, будет поджидать неприятный сюрприз.

Двигаясь как можно осторожнее, я повторил маневр с окном. В этот раз я залез в дом, и никто мне не помешал. Что ж, отлично. В коридоре, куда выходили двери задней комнаты, тоже оказалось пусто. Тут же в углу была узкая лесенка, ведущая на второй этаж. Именно она мне и была нужна. Ступая, как

можно тише, я поднялся на второй этаж. Прямой коридор вел на балкон главной залы, и парадную лестницу на второй этаж. По обе стороны от меня располагались двери. Комнаты слева меня не интересовали, а вот справа. Я проскользнул к крайнюю. Раньше эти комнаты считались гостинными — предназначались для гостей, а те что слева, с окнами, выходившими на реку были хозяйскими.

Сами же комнаты кроме дверей, ведущих в коридор, тоже соединялись дверьми, и я именно на это и рассчитывал. Пройдя по всем комнатам, я запер все двери, ведущие в коридор и оставил открытыми двери между комнатами. Двери же первой комнаты, той что располагалась первой возле парадной лестницы, я не просто закрыл, а забаррикадировал диваном и парой небольших тумбочек. Тяжелую мебель я двигать не решился, так как шум мог раньше времени выдать меня незванным гостям.

После я выглянул во двор. Там дела обстояли точно так, как говорил Прохор. Посреди двора стояла телега с пулеметом. На облучке сидел еще один красноармеец, и похоже скучал. Еще раз оглядевшись и проверив оружие, я приготовился.

Первая моя пуля сразила часового, вторая и третья искорежили затвор пулемета. И хоть до конца я в этом уверен не был, но надеялся, что все именно так и вышло.

Однако не успел затихнуть грохот третьего выстрела, как кто-то, грязно ругаясь, начал ломиться в двери комнаты, где я засел. Развернувшись, я помчался через комнаты, захлопывая за собой двери. Если Прохор правильно рассчитал, то врагов осталось только пятнадцать. Оказавшись в дальней

комнате, двери которой располагались возле черной лестницы, я осторожно выглянул в коридор. Трое здоровенных матросов, умело орудуя прикладами трехлинейек, ломались в дверь комнаты, через окно которой я застрелил часового. Они не видели меня, а сами были как на ладони, и грех было не воспользоваться такими отличными мишенями. Три выстрела — и три тела упали на пол. Словно в тире.

А потом, пока снизу не подошло подкрепление, я выскользнул из комнаты и захлопнул за собой дверь, метнулся к черной лестнице. Где-то позади громы-хали шаги, но преследователи были еще далеко. «Эх гранату бы да на растяжечку!» — вот о чем я в тот момент думал. Но гранаты у меня не было, а посему, скатившись по лестнице вниз, я нырнул в комнату, шлепнулся на пол и отложив в сторону револьвер с пустым барабаном, взялся за следующий.

Вот на верхней площадке показался первый из преследователей. Я, как в тире, разнес ему голову, и тело с грохотом покатило вниз по ступеням, забрызгав стены пахучей кровью. Осталось двенадцать экспроприаторов.

А потом кто-то с радостным криком швырнул вниз гранату. В общем, я получил то, чего так хотел, но не так, как хотелось бы. Пришлось мне в спешном порядке отступить.

Выпрыгнув из окна, я затаился, прижавшись рядом с ним к стене. И первый же разбойник, высунувшийся из окна, получил пулю в висок. После чего я ретировался за угол дома, пробежал через двор, и одним махом скинув засов, распахнул ворота. Я надеялся, что Прохор с крестьянами уже где-то неподалеку, однако никого на дороге видно не было.

Тут вокруг засвистели пули. Я метнулся влево-вправо, но единственным укрытием оказалась телега с пулеметом. Эй, зря я поспешил и разнес адскую машинку. Пулемет бы мне очень пригодился.

А так... положение у меня было почти безвыходным. Патронов много, три пистолета, так что до поры до времени я мог сидеть в укрытии и постреливать, не давая революционным солдатам высунуться. Только вот долго ли я так смогу продержаться?

— Эй, парень! — закричал один из революционеров в перерыве между выстрелами. — Ты бы лучше выходил сам. Сдашься, мы тебя просто расстреляем, а не выйдешь...

— ...мы тебя на ленточки для бескозырок порежем, — добавил другой голос.

— Нож затупишь, резавши, — ответил я.

— Ничего, мы с тобой за товарищей наших поквитаемся. гнида белогвардейская!

Я только усмехнулся, правда, встречаться с этими борцами за свободу трудящихся у меня никакого желания не было. Шут с ними, уродами, только вот сколько я тут под телегой просижу? Видимо до темноты, а там рвану со двора. Неожиданно пуля ударила в дерево прямо у моего виска. Я обернулся. Один из матросов выглядывал из-за ворот со стороны дороги, целя в меня из маузера. Стрелял он плохо, потому как ни с первого, ни со второго раза не попал, а возможности выстрелить третий раз у него не было. Я снял его точным выстрелом, и чуть сменил позиции, еще парой выстрелов приструнив тех, кто прятался за углом дома. Нет, если бы они действовали согласованно и одновременно бросились бы на меня с двух сторон, то мне пришел бы конец.

Однако единственной моей мыслью в тот момент была мысль о том, где Прохор. Неужели ж бывшие мои крестьяне бросят меня на произвол судьбы? И я всячески уверял себя, что этого не случится, что ничего подобного быть не может. А время шло. Мы по прежнему изредка постреливали, но ничего более не происходило.

А потом неожиданно, откуда-то из-за угла дома раздался вскрик. Я сразу понял, в чем дело. Подобравшись, метнулся к крыльцу дома и замер, уставившись в дуло винтовки.

Передо мной стоял рабочий в длинном пиджаке с засученными рукавами. На отвороте пиджака красовалась красная ленточка. Чем-то он напоминал матроса, который «застукал» меня, когда я лез в дом, только рабочий не был таким мордатым.

— Доигрался, парниша, — объявил он. — Добегайся. А потом на лице у него появилось странное, недоверчивое выражение. Он дернулся всем телом, словно не мог поверить в происходящее, а потом, прорывая одежду, из тела его выскользнули три острых зубца вил. Руки его задрожали, плечи обмякли, и винтовка выпала из ослабевших пальцев. Рабочий качнулся, струйка крови протянулась из уголка его рта. А потом он повалился, и я едва успел отступить, чтобы, падая, он не сбил меня с ног. И я оказался лицом к лицу с молодым парнем в длинной домотканой рубахе. Его простое, немного глуповатое лицо вытянулось от удивления. Казалось, он и сам поражен тому, что случилось. То и дело он переводил взгляд с мертвого тела на окровавленные вилы в своих руках.

— Молодец, — похлопал я по плечу ошеломлен-

ного юношу и проскочил мимо него в дом. В сенях или прихожей, как высокомерно ее любил называть наш управляющий, никого не было. Только я успел оглядеться, как кто-то закричал — крик был пронзительным, вибрирующим от переполнявших человека чувств. Без сомнения, кричали из главной залы.

Держа оба револьвера наготове, я пинком распахнул дверь. Зрелище, открывшееся мне тогда, показалось просто завораживающим, и только много позже я понял весь ужас, открывшейся мне картины. Большую залу, залитую светом из высоких стрельчатых окон, почти надвое разделял длинный накрытый стол.

По одну сторону стола столпилось с десятков крестьян, все вооруженные колющими и вилами — только у одного из них было охотничье ружье, которое он нацелил на двух большевиков. Те замерли, сжимая в руках пистолеты, но стрелять не отваживались. Однако больше всего меня поразила ненависть в глазах крестьян — казалось, еще мгновение и они с голыми руками бросятся на незваных гостей. Но у меня на этот счет были совершенно иные планы... до того момента, как я разглядел угощение на столе. На огромном блюде — на нем обычно в Рождество подавали поросенка — лежала полуобглоданная верхняя половина человеческого туловища. Людоедство! В первое мгновение я глазам своим не поверил. Ну там, бандиты, быдло... но в обглоданных человеческих костях было что-то нечеловеческое. Вид этих останков навсегда врезался в мою память. Белая, обескровленная плоть со слезами зубов, острых как... нечеловеческих зубов. Я вновь повернулся к экспроприаторам и только сейчас заметил, что в их

грубых лицах есть что-то звериное.

И тут за спиной у меня раздался всхлип.

Я резко обернулся.

Юноша, который спас мне жизнь, уронив вилы, стоял на коленях, пытаясь удержатъ собственные внутренности, вываливавшиеся из распоротого живота, а тот рабочий, которого он только что заколол вилами, усмехаясь, стоял над умирающим. У него не было никакого оружия, но то ли согнутые, то ли сведенные судорогой пальцы больше всего напоминали гигантские лапы хищника.

Вновь мне показалось, что все что происходит дурной сон. Не могло быть все настолько плохо... и тем не менее передо мной стоял кровожадный оборотень, сзади в зале еще два, и с этим надо было что-то делать. Вот только что? Обратней на мою голову только не хватало! Ну, почему именно мне достается вся эта нечисть? А потом я попытался вспомнить: чем можно убить эту тварь. Серебряная пуля? Клинок... Серебряный клинок.

Я вновь повернулся, взглянул поверх голов столпившихся в зале крестьян. Да! На стене, как и во времена моего детства, по-прежнему висели парадные сабли — два клинка, которые преподнес Александр I одному моему родственнику за какие-то там заслуги. У этого родственника детей не было, и, когда он умер, все его имущество, в том числе и эти сабли, достались одному из моих предков. Одно время они хранились в городском доме, а потом в виду того, что были сделаны из мягкого металла с большой примесью серебра, перекочевали в поместье. Помню, отец даже хотел их как-то переплавить и продать на лом, но оказалось, что серебро слыш-

ком низкопробное... так и остались они висеть на стене бесполезным сувениром. Однако сейчас и это могло сгодиться.

Огромным прыжком я ворвался в зал. Оборотень с крыльца тут же бросился за мной следом... но чуть опоздал. Я успел проскочить мимо крестьян, вскочить на диван, выхватить из ножен один из клинков и развернувшись, встретил противника обнаженным серебром. И хоть сабля была не заточенной, она вошла в глаз оборотня, словно раскаленный нож в масло. Тварь взвыла. Морда — не могу назвать лицом эту звериную маску — вытянулась, заострилась, превращаясь в волчье рыло.

Я был поражен тому, что никчемное оружие произвело такой удивительный эффект, в отличие от, казалось бы, смертоносных вил.

Но времени обдумывать происходящее не было. Я сорвал со стены вторую саблю, и держа в каждой руке по клинку, шагнул в сторону двух революционеров. Крестьяне бросились в разные стороны, давая мне дорогу, и я подошел к столу — теперь только он отделял меня от оборотней. На мгновение в голову закралась странная мысль: а что, если и остальные «убитые» мною — не люди? Но тут же отогнал все эти страхи. Как говорится, станем решать проблемы, по мере их поступления.

Какое-то время мы — я с крестьянами — и оборотни смотрели друг на друга не двигаясь. Матрос и рабочий. Один в бушлате, выбритый, с большой головой и массивными чертами лица, второй — маленький, с длинной шеей и почти лишенный подбородка, очень походил на любопытного цыпленка. Они не стреляли, понимая, что люди доберутся до

них в любом случае, а крестьяне понимали, что если они нападут, то победят, однако большинство из них погибнет.

Первым молчание нарушил я.

— Что все это значит? — спросил я, указав одним из клинков на полубглоданный труп на столе.

Один из красногвардейцев скривился.

— Ты кто?

— Какая разница. Что здесь происходит? — гневным голосом поинтересовался я, ткнул одной из сабель в труп на блюде.

— Мы обедали. А что непонятного! — фыркнул второй.

— Человечиной?

— Предположим. И вы должны объяснить этим людям, что их истинное предназначение...

— Я ничего никому не должен, кроме как батюшке Императору. Кто это это? — я ткнул саблей в сторону полубглоданного трупа.

— Поп. И это всего лишь дань...

В толпе за моей спиной послышались вздохи. Несколько крестьян быстро перекрестились.

— Не несите чепухи. Вы — демоны — чума России.

— Мы — вестники новой эры.

— Потусторонние твари!

— Как я понимаю, вы предводитель этих крестьян?

Я кивнул, хотя если честно, большинство собравшихся я видел впервые, а некоторые казались мне смутно знакомыми, хотя спроси меня я ни за что ни вспомнил бы, как их зовут. Тем не менее это были мои люди, они пришли сюда с оружием, повинувшись моему зову, и я не мог предать их, не оправдать их

ожиданий.

— Да, — объявил я, и неожиданно понял, что ни к чему хорошему разговоры не приведут. Обратни почему-то тянули время, а раз так, то мне нужно было сделать все до наоборот. Решив, что пора действовать, я бросился вперед, метнув клинок в одно-го, и в глубоком выпаде попытался достать другого. Бросок оказался удачен, клинок по самую рукоять вошел в горло одного из людоедов, что же до моего выпада, клинок оказался слишком тупым, и несмотря на то, что я бил со всей силы, он лишь скользнул по бушлату.

Матрос-оборотень попытался выстрелить в меня, но пули ушли в потолок, так никого и не задев, а оборотню скрутили руки за спиной, связав их кожаными ремнями.

Подойдя к мертвому оборотню, я вытащил клинок из его горла. А потом застыл над телом, дивясь происходящим с ним переменами. За несколько секунд кожа его посерела, приобрела совершенно нездоровый оттенок, черты лица вытянулись, заострились. Я уже сжался, готовясь к тому, что мертвец вот-вот превратится в чудовище, однако ничего подобного не случилось.

Ах, как хотел бы я в тот момент, чтобы тут очутился товарищ Константин, но он был далеко в зали-том кровью Петрограде, а тут, в доме, в моей усадь-бе еще оставалось множество врагов. Ведь обычные пули оборотней не берут, а, значит, не все те, кого я застрелил, мертвы.

Держа наготове посеребренные клинки, я обошел еще раз по кругу весь дом, но все красногвардейцы были мертвы, кроме еще одного оборотня, которого

мужики скрутили точно так же, как и тварь в главном зале.

Уже заканчивая обход, я на крыльце столкнулся к Прохором. Он сидел у трупа молодого парня, которому выпустили кишки, и слезы катились по еще щекам. На коленях у него лежал здоровенный колун.

Я присел рядом с ним, протянул пачку немецких папирос. Он взял одну из них, затянулся.

— Твой сын? — спросил я кивнув в сторону мертвеца.

Прохор покачал головой.

— Племянник. Но жена в нем души не чаяла.

— Это война. Настоящая война, — попытался утешить я его.

— Но ведь сказали: «Декрет о мире».

— Ты же видел, они людей жрали.

Прохор кивнул.

— Мы их сожжем на костре, как нечисть поганую.

— Уверен? А я думаю, их надо судить.

— Кого? — удивление появилось на лице Прохора. — Этих тварей?

— Судить, а потом сжечь, — пояснил я. — Без суда никак нельзя. Потом, мне нужно понять, откуда они взялись. Это же... — я не нашел нужных слов.

— Проклятие... Бич Божий... — попытался подсказать мне Прохор.

— В общем, нужно понять, откуда они взялись...

— Так что с ними сейчас делать?

— Оттащите в подвал, в ту комнатку, где крюки для туш, и пусть туда принесут жаровню.

— Зачем жаровню?

— А ты как думаешь, или ты считаешь, что они вот так тебе все расскажут?

— Но...

— Никаких «но», Прохор. Ты меня с детства знаешь, так что поверь: раскаленное железо — крайнее мера, но мне нужно понять откуда взялись эти твари. Если они представители новой власти — это одно. Если же это всего лишь дьявольщина, которая выползла на свет на фоне всеобщего бедлама, то с этим можно совладать. Когда мы пойдем, с чем имеем дело, то я приму соответствующее решение. Ведь это уже третий отряд красногвардейцев и оттого, что мы его уничтожили, вы не защититесь ни от пятого, ни от шестого... Эти экспроприаторы будут обирать вас, пока вы не пойдете по миру с протянутой рукой. Надо разобраться, что к чему, и принять соответствующее решение.

Прохор кивнул и, развернувшись, отправился поговорить с односельчанами, а я вышел из дома и торопливо, пока не стемнело, направился к конюшне, там в закутке лежали инструменты. У меня было большое желание наточить оба серебряных клинка. Пусть это и не ахти какое оружие в обычном бою, но как показала практика, на оборотней оно действовало безотказно. Так что стоило подточить клинки, чтобы они могли резать не только плоть демонов, но и то, чем она могла оказаться защищена. А, кроме того, в ящике с инструментами лежал с десятков заговоренных пуль, оставленных мною несколько лет назад, когда я в последний раз заезжал в усадьбу по пути на юг в горы Афгула.

Это был подвал под подвалом. Земляные стены, земляной пол и ржавые стальные крючья, свисающие с деревянного потолка. Раньше тут держали мясные туши. Потом, когда в нашем имении перестали растить скот на убой, подвал опустел. Ныне же, кроме крюков ничего не напоминало о прошлом, даже запах протухшей крови, который, как казалось мне в детстве, был неистребим, исчез куда-то.

Теперь же дворовые постарались. На земляной пол постели ковер, сверху из людской принесли несколько стульев и жаровню с длинными стальными шомполами. И теперь красноватые отблески пламени играли на бурых стенах. Несколько стариков сгрудилось за жаровней в ожидании продолжения действия. Посреди подвала связанные по рукам и ногам болтались на крюках два оборотня в обрывках человеческой одежды. Выглядели они жалко, поскольку Прохор и его люди поработали с ними от души.

К этому времени обе твари окончательно утратили человеческий облик и теперь напоминали скорее волков, переодетых в человеческую одежду, чем людей. Мне же до сих пор не давал покоя вопрос: почему они там, в Гостиной зале, не стреляли. Ведь оба были вооружены и, тем не менее, не сделали ни одного выстрела. Я долго мучился этим вопросом и лишь, находясь в Р'льехе, случайно натолкнулся на один очень интересный документ, касающийся ликантропии. Его написал один англичанин — пуританин, много путешествовавший по северной и центральной Африке. Этаким рыцарь без страха и упрека. Сейчас уж точно не припомню как его звали, то ли Соломон Кан, то ли Соломон Кейн. Так вот

в одном из своих дневников он описывал свое столкновение с человеком-ягуаром. Причем этот оборотень был белым, подхватившим проклятие, где-то в джунглях Африки. Этот оборотень выступал на стороне «правых» с точки зрения автора. Он даже спас факторию белых во время восстания одного из чернокожих племен. Но дело не в том. Автор манускрипта — назову его по имени, его-то я помню точно — Соломон, утверждал, что оборотень очень боялся вспышек огня и громких звуков. И, значит, выходило так, что оборотни просто не любили огнестрельного оружия, не пользовались им в надежде на свою силу, зубы и когти, а пистолеты им нужны были для видимости... Кроме того, оборотни бывали врожденными и обратимыми. Первые рождались при неудачном положении звезд или страдали от родового проклятия. Вторые... превращались в чудовищ в результате укуса. Так что где-то должен был находиться врожденный оборотень. Вот о нем-то я и хотел выведать у пленных тварей. Ведь считалось, что если обыкновенного человека укусит оборотень, то он вскоре станет чудовищем, но если убить Главного оборотня, того, с кого все началось, то есть человека с родовым проклятием...

Но все это я узнал много позже. А тогда...

Тогда, в восемнадцатом, меня прежде всего интересовал вопрос: что они за твари, откуда свалились на нашу голову?

Итак, поигрывая двумя, теперь уже острыми, как бритва, клинками, отливавшими голубоватым светом, я приступил к допросу. И первым моим вопросом было:

— Как вы превратились в этих тварей?

— Мы не твари, — пробормотал один из них, при этом слова его были столь неразборчивы, что скорее походили на волчье рычание, а не на человеческую речь.

— Ну да, на Руси оборотни издавна считались существами хорошими... чего о вас сказать нельзя. Собственно меня интересует только один вопрос: по какому праву вы тут беспридельничаете и кто вас послал?

— Нас послал Питерский пролетариат. Мандат товарища Троцкого среди бумаг, что вы у нас отобрали.

— Только вот я сомневаюсь, что господин Троцкий приказывал вам людей жрать.

— А вот это не твое собакино дело! — фыркнул тот, что был покрупнее. — Мы псы революции и должны терзать и уничтожить врагов ее.

— Что-то вроде этого я уже от одного урода от революции слышал. Только при всей его гнусности до людоедства он еще не скатился. В общем, давайте-ка разделим: революция в одну сторону, а бессмысленное кровопролитие в другую. С мировым пролетариатом нам, боюсь, разбираться отдельно придется. А вот с вами. убийцы... Так что лучше скажите сразу, сколько вас и кто вожак стаи...

Припирался я с пленными довольно долго, но они все юлили, отвечая или красными лозунгами, или неся какой-то горячечный бред. Первым не выдержал Прохор. После очередного лозунга, вроде того, что мы умрем, но дело наше будет вечно, он взвыл и, выхватив из жаровни один из раскаленных прутьев, приложил его к щеке твари. Крик чудовища был невыносим. Вибрирующий, горловой вой, пере-

ходящий в ультразвук.

Когда же Прохор собрался прижечь вторую тварь, та взвыла.

— Хорошо. Я все скажу... Все... Только не жгите... Чего говорить-то?

— Чего говорить? — повернулся ко мне Прохор, все еще сжимая в руке раскаленный шомпол.

— Когда все это началось? Где вы подцепили эту заразу?

Тварь вздохнула, словно все еще раздумывала, говорить или не говорить правду.

— Ты не молчи, рассказывай... рассказывай, чего барин спрашивает...

— Мы всех бар на деревьях, как игрушки развесим... — начал было второй, но Пахом еще раз ткнул его раскаленным железом, потом повернулся к тому, что согласился говорить.

Несмотря на тусклый свет жаровни, я отлично видел каждый волосок на его лице, его странно вытянутую волчью верхнюю губу.

— А ты говори.

Но оборотень молчал, словно загипнотизированный, и смотрел на кончик раскаленного шомпола. Я отчетливо видел как капли пота, выступив на низком покатом лбу, скатываются вниз по заросшим шерстью щекам.

— Так вот... это... — пленник облизал губы. А язык у него был отвратительный — ярко-красный и даже на вид шершавый, как у собаки. Нет, не может у нормального человека быть такого языка. — Так вот... В конце августа, нашу дружину от Металлического завода Товарищ Троцкий дал в усилении Продовольственной бригаде с крейсера «Афродита».

Ну, мы с матросами завсегда вместе. Они ж, хоть и по большей части анархисты, но революционный дух в них... — тут пленник опять замялся, покосился на своего товарища по несчастью, и видя, что тот молчит, продолжал. — Так вот значит... Отправились мы изымать хлебные излишки...

И тут возмутились мужики.

— Какие излишки!

— Мы же два раза вам, дармоедам, все отдали.

— У нас у самих жрать нече...

— Вона, дети голодают!

Мужики возмущались бы еще очень долго, если б не Прохор, который громко цыкнул на них, заставив замолчать.

— Ну, так вот, сначала мы вокруг станции кружили. Хоть там уже все села были раскулачены, — при слова «раскулачены» мужики разом подались вперед, но Прохор остановил всех движением руки. — А тут Савелий Кузьмин, ну, тот что замкомиссара из разведки, предложил саму станцию осмотреть. Ну мы, конечно, сначала отмахнулись, а потом чего терять? Вагонов-то на подъездных много стояло. Бог знает, что от какого поезда... А вдруг там и взаправду есть чего... Может даже и хлеб. Начальник-то и смотритель расстреляны были еще зимой. А какие вагоны на те пути и откуда прибились, никому не ведомо было. Местные путейцы там, конечно, ужо пошукали. Ну, чем черт не шутит. Вот и стали мы те вагоны потрошить. Большинство порожняком стояло, несколько с вещами брошенными. Пассажиры, видно, покидали их быстро. Некоторые из наших поживились даже, но так, по мелочи... А вот один вагон странным был. Раньше он запечатан-

ным стоял, а потом кто-то вскрыл его, так что там толком ничего и не осталось. Так, бумаги с гербами царскими и сейф здоровущий. Видно, что было ценное, путейцы то растащили, а сейф не взяли, благо он дюже тяжелый был. Да и вагон, ежили его без охраны оставили, то и не вез, наверное, ценного ничего. Однако сейф закрытым стоял... — тут оборотень сделал паузу, вновь облизал губы, и обратился к Прохору. — Вы б лучше пить дали, а то говорить не в мочь, в горле пересохло.

— Я тебе сейчас шомполов раскаленных дам, — фыркнул Прохор, примериваясь.

— Хорошо... хорошо... — заверещал оборотень, а потом, выдержав небольшую паузу, словно надеясь, что кто-нибудь из присутствующих смилуется над ним и даст напиться, но, разочаровавшись в своих ожиданиях, продолжал. — В общем, хотели мы тоже этот сейф бросить. Только этот самый Кузьмин и говорит, что надобно его открыть. Тут выискался один умелец из моряков. Ну, они с Кронштадта в этом деле очень сноровисты, как стакан «балтийского пунша» всадыт, так все могут. Повозились морячки с сейфом, открыли, ну а там ничего интересно. Документы какие-то еще царские, да голова волка. Мы в документы тихо заглянули, а они еще там с пятого году лежат: переписка какого-то маньчжурского генерала. А Кузьмин тогда голову волка вытащил, крутил ее итак и этак, и бросить жалко, и чего с ней делать непонятно. А что само по себе чудно, голова ведь сколько времени в сейфе пролежала, а хоть бы подпортилась чуть-чуть! Ну, подгнила там, к примеру. Так нет. Свеженькой была, как огурчик, а ведь дай бог больше десяти лет в сейфе лежала. Крутил

он ее, пока пальцы себе все не разодрал о зубья. Нам правда врал, говорил, что голова сама его укусила. В общем, потом он голову ту в реку выбросил, а с тех пор стал сам не свой. И стало выходить так, что он часто вперед отряда в бой шел, а как мы подходили, так уж все кончено было. А вскоре он и «посвящать» наших начал. А кто откажется?

— Нормальный человек, — фыркнул Прохор.

— Так и где сейчас этот Кузьмин? — поинтересовался я.

Второй оборотень, тот который молчал, покосился на первого, зарычал было, но увидел, что Прохор вновь замахнулся шомполом.

— Он сказал, что у него есть два сына, нашей крестьянской крови...

Прохор со всего маху врезал обратную шомполом по ребрам, тот взвыл, изворачиваясь в тугих кольцах веревок. Когда же Прохор занес руку, чтобы еще раз ударить, я остановил его.

— Погоди, прибить мы его всегда успеем, пусть сначала расскажет, где это, Кузьмина и его команду искать.

— А если скажу, вы меня отпустите?

— Зачем? Чтобы ты новых мерзких тварей плодил?

Оборотень скривился.

— Значит так, — вновь встрял Прохор, — если не хочешь принять смерть лютую, ужасную, то говори, где нам найти этого Кузьмина и сколько тварей он уже наплодил?

— Сколько не знаю, — испуганно пробормотал оборотень. — Что же до Кузьмина, обещайте не убивать.

Пахом покачал головой...

(Несколько страницы рукописи отсутствуют)

Тогда, в первую ночь в своей старой усадьбе я долго думал. Я вымотался, смертельно устал, но не мог уснуть, потому что меня одолевали различные неприятные мысли.

Лежал на своей кровати в одной из комнат второго этажа, и предавался воспоминаниям. За окном ярко сверкали звезды, хотя из блеск невозможно было сравнить с блеском звезд в Белом городе. А когда взошла Луна и где-то далеко-далеко за рекой завыл волк, я вскочил с кровати и проверил оба посеребрённых клинка. И все же это было слабое оружие, хотя оба клинка искрясь в лунном свете и переливаясь словно, и в самом деле были волшебным оружием.

Я подошел к окну, глянул сверху на двор. Сейчас залитый лунным светом он выглядел настоящим волшебным уголком, и не верилось, что где-то рядом затаился оборотень-людоед, готовый в любой миг вонзить в зубы в твою плоть. Я тогда еще не знал о долгой борьбе. что мне предстоит, прежде чем все твари до одной будут уничтожены, и не знал о том, что мне придется не раз видеть целиком вырезанные деревни, и что придется стать «красным» ради того чтобы выследить бандитов. Я даже не подозревал, что Василий Кузьмин станет самым близким моим учеником, и, несмотря на «неверное», на мой взгляд мировоззрение, одним из лучших охотников за нечистью...

Однако самой большой моей головной болью

была мысль о том, что делать дальше. Оставить все как есть? Нет, на это пойти я никак не мог. Я много думал о том, чтобы рвануть и, перейдя фронт, вступить в армию белых. Но пока мы там воюем здесь, на моей родной земле будет царить смерть, ужас и самоуправство? Разве мог я позволить, чтобы случилось что-то подобное? Нет... нет... нет... Нужно было что-то делать, что-то предпринять прямо здесь и сейчас. Попытаться хоть как-то защитить людей от потусторонних тварей.

К тому же план действий был предельно ясен. К нему меня подтолкнули сами крестьяне. Они давно собирались показать красным, только вот не было у них предводителя. Я же поначалу отказывался, так как изначально понимал бесперспективность этой затеи. Что могли мы сделать? Ну, образуем отряд самообороны. Ну, отобьемся от пяти-шести продотрядов, а дальше то что? Дальше товарищу Троцкому, или кто у них там за главного, надоест и пришлет от солдат с пушками... Однако что-то делать надо было, тем более в те дни волновали меня больше оборотни, а не политика. В общем я поддался, и тогда Прохор и остальные крестьяне провозгласили меня батшкой Григорием.

Твари были казнены, после праведного людского суда, во дворе барского дома. Их хотели сжечь, но я настоял, чтобы просто их убили — удара одной из серебряных сабель было достаточно. После смерти твари сильно изменились: кожа у них потрескалась, тела стали словно бескостными и напоминали аморфный студень. Их облили керосином и сожгли. Горели они ярко, зеленоватым пламенем, распространяя вокруг неприятный запах. А то, что оста-

лось от чудовищ, закопали на заднем дворе в компостной яме.

После этого мы похоронили то что осталось от отца Филимона. Мы вырыли могилу рядом с пепелищем церкви. И все крестьяне прошли, бросая горсти земли в могилу. Господи, как рыдали женщины над могилой невинной убиенного батюшки, который принял смерть столь лютую. И в какой-то момент мне показалось, что плачут и скорбят они вовсе не по убиенному, а по своей старой жизни, по тому мирному существованию, что ушло и повторения которому никогда уж не будет.

На следующий день состоялся военный совет. Собрались старосты из нашей деревни, да из трех соседних. Все как один кричали, что жизни нет, что так продолжаться не может, что нужно что-то делать. Все были готовы взяться за оружие, и я — как я и боялся — оказался среди них единственным сведущим в военном деле, и хоть я отказывался и отбивался всеми силами, меня единодушно избрали главным.

Вот так, собственно, я и стал батюшкой Григорием, хоть это назначение было мне вовсе не по душе. После этого мне ничего не оставалось, как подобрать штаб, заняться инвентаризацией и перераспределением оружия. А потом, собравшись всем штабом, мы завели разговор о тактике и стратегии. Хотя, какая тут могла быть тактика и стратегия: нападать на продотряды и возвращать себе награбленное — вот все, на что мы были способны. Однако меня интересовало больше совершенно иное: меня интересовал лишь загадочный Кузьмин — человек, сеявший истинную смерть и ужас, однако гоняться

за ним вслепую по всей волости было дело нереальное и бесперспективное. Единственной зацепкой оставалась его семья. По словам оборотня, у него было два сына, а значит, рано или поздно Кузьмин придет к семье, чтобы обратить ее. Если он этого не сделал, то непременно попытается сделать. Тут его и можно будет поймать...

(На этом записки Григорий Арсеньевича Фредерикса о периоде 1917—1918 годов обрываются. Дальше же в них речь идет о других временах и других событиях.)

Эпилог или... Пролог? Руины Белого города на обратной стороне Луны. 2155 год.

*Я верю, друзья, что пройдет много лет,
И мир позабудет про наши труды.
Но в виде обломков различных ракет
Останутся наши следы...*

К. Беляев «На космодроме Байканур»

Сейфул Абдама перевернул последнюю страницу рукописи и отложил толстую тетрадь на походный столик. «Что это: истинное описание событий или чья-то фантазия?.. Нет, на фантазию не похоже, но как такое может быть? Что это за боги эти Древние и Старцы? Ведь всем отлично известно, что “нет бога, кроме Аллаха, и Мухамед пророк его”. Но ведь судя по этим запискам... Нет такого быть не может». Хотя с другой стороны, это все объясняет. И странных тварей, за которыми гвардейский десант охотился уже почти месяц, и само существование этого странного места, и странные вспышки, в 2012 году превратившую Плутон в огненный шар — второе Солнце нашей звездной системы.

Терзаясь в сомнениях Абдама потер ладони о пластико-керамическую броню боевого скафандра. Где-то далеко ахнули взрывы, и майор космических десантных сил Московского халифата поежился. «Вакуумные гранаты... Что ж... А может нужно отдать эти записки мулле нашего звездного челнока, преподобному Хусаму Лутфи? Пусть у него болит го-

лова. Мне-то что. Я этих лунатиков разгоню, будь они хоть живыми, хоть мертвыми... и все. А Хусам пусть голову ломает, что с этими тетрадками делать. Ведь, скорее всего, наложат на них гриф «совершенно секретно» и никто так правды и не узнает». Абдама вновь тяжело вздохнул.

Потом медленно поднялся, прихватив тяжелый лазерный АК-2100, вышел из палатки и на мгновение посмотрел на разоренный лагерь. «И все таки откуда взялись тут люди?»

Эти странные руины, раскинувшиеся под куполом на многие квадратные километры, обнаружили еще в конце двадцать первого века. Первые две экспедиции отправленные сюда, пропали, после чего были посланы бойцы спецназа, которые сделали странное открытие. Среди таинственных руин обитали странные существа: мертвые, но не умершие. Твари, питающиеся человеческой кровью, они казались бессмертными. По крайней мере, пули, уродуя их тела, оставляли их живыми, и только лазерные винтовки, разрезав тело пополам, могли остановить чудовищ. Остановить, но не убить.

Да, из-за этого погибло не мало славных парней. Абдалла со вздохом вспомнил Фуада, третьего сына Юсифа, мэра Васильевского острова в Питерстане, и покачал головой. Однако времени скорбеть о прошлом у него не было. Нужно было идти, проверить кордоны у доков, соединявших Белый город с внешним миром.

Теперь же, когда большая часть тварей оказалась уничтожена нужно будет организовать приезд ученых. Это они должны сказать, кто возвел этот странный город на обратной стороне Луны. Неужели ис-

тинными были теории о том, что неверные первыми вышли в космос? Все эти мысли кружились в голове Абдама, но самое ужасное было в том, что он прочел в дневниках этого самого барона Фредерикса. Потому что, если верить написанному, выходило так, что есть бог кроме Аллаха, более великий и могущественный, и имя ему Великий Спящий. и именно он вершит дела Земли из Р'альеха, скрытого в глубине Тихого океана...

Злата ЛИННИК

**УЖАС ИЗ
ГЛУБИН...
И
ХУДОЖНИКИ
ИЗ
СКВОТ-ТАУНА**

В крохотную, отрезанную от всего мира деревушку, спрятанную между темными гранитными скалами на берегу гигантского озера, вряд ли захотел бы заглянуть путешественник, имевший неосторожность очутиться в этих местах. Впрочем, многие из них ее бы попросту не заметили, как не видели ее пассажиры прогулочных теплоходов, со скуки разглядывающие проплывающий мимо берег. Самое большее, что они имели возможность лицезреть даже через стекла театральных биноклей — это скалы причудливых очертаний, местами поросшие мхом и низкими кривыми деревьями.

Население деревушки, название которой бесценен воспроизвести язык цивилизованного человека, было весьма примечательным. Большой частью оно состояло из представителей народа, обитавшего в этих землях на заре времен. Также прародителями многих из ныне живущих в этом затерянном месте был экипаж корабля викингов, разбившегося неподалеку во время одного из осенних штормов, и еще несколько находившихся на драккаре пленных, захваченных ими в дальнем походе.

Последние заслуживают особого упоминания. Вид их был настолько безобразен, что новые хозяева едва удерживались от желания прикончить омерзительные создания и выбросить их за борт, чтобы не оскверняли те своим видом честный корабль. Но после недавнего сражения, унесшего жизни едва ли не

половины воинов, пустовало слишком много мест на скамейках гребцов. Тот же, кто взялся за весло, согласно древнему освященному богами обычаю, становился свободным.

Таким образом, уроженцы далекой страны, где всегда жаркое солнце, а боги милостивы к тем, кто исправно приносит жертвы, оказались жителями неприветливой северной земли.

Черты низкорослых людей, чья кожа была черней непроглядного мрака, а глаза подобны щелочкам, причудливо перемешались с чертами могучих викингов, волосы которых были цвета северного солнца и тех, чьи изображения и сейчас можно обнаружить на стенах пещер.

Странная противоестественная внешность и образ жизни, на котором прошедшие столетия не оставили никакого отпечатка, не были единственным, что отличало жителей деревни от всех прочих людей.

Ужасные и кровожадные обычаи, свойственные древнему культу, сохранившемуся нетронутым до наших дней, способны были повергнуть в глубочайший ужас тех немногих, кто оказывался тому свидетелем. Впрочем, рассказать об этом несчастные уже не могли, пополнив собой печальный список людей, пропавших при невыясненных обстоятельствах.

Вряд ли кто-нибудь рассказал бы чужакам, что гибель их послужила славе мертвого бога, пришедшего со звезд. Он спит в своем городе под толщей воды, ожидая того часа, когда звезды сложатся определенным образом. И уж, тем более, вряд ли кто-нибудь поведал бы, что ждать осталось совсем недолго...

*Наши дни. Самозахваченное жильё
людей искусства*

— Вот блин, приснится же такая фигня! — воскликнул Аркадий, с грохотом упав с узенькой кушетки.

— Пить надо меньше! — ответили ему из-за картонной перегородки, представляющей собой задник панорамы к несостоявшемуся перформансу «Пена дней».

— Вам бы такое — простонал Аркадий, направляясь к импровизированному бару, располагавшемуся в корпусе от телевизора, водруженного на почти целый комод в стиле ампир.

— Нипочем не угадаете — добавил он, торопливо заглотив остатки коньяка, принесенного накануне догадливым заказчиком.

— Сейчас попробую — раздалось из вентиляционного канала — телепередача «Мелодии и ритмы эстрады». Или нет: тебя приковали к стулу и заставили смотреть «Золушку из Канзас-Сити».

— Это еще ничего, там музыка клевая, а тут ужас до самых пяток пробирает... Хуже чем в детстве, когда всем классом водили к зубному.

— Эй, а погромче нельзя? — слышалось откуда-то из-под пола. — Ни хрена не слышно.

— Вы что, озверели вконец?! — возопил кто-то с другой стороны двора-колодца. — Между прочим, три часа ночи! У меня процесс в самом разгаре.

Молодой человек, чье лицо украшали усы и борода а ля д'Артаньян, вышел на лестничную площад-

ку. Вскоре к нему присоединились и те, кто проявил живейший интерес к его сну. За ними последовали и остальные соседи по Сквот-тауну.

Так называлось здание, стоящее неподалеку от центральной улицы города. Будучи расселенным, оно пустовало совсем недолго. Сперва одну из квартир обжили бездомные бродяги, лишившиеся вместе с жильем и документами и права называться достойными членами общества. Почти сразу после этого художники, которым было отказано в благоволении властей, а также, что особенно неприятно, в праве пользоваться предоставленной мэрией мастерской, как обычным жилищем, самовольно заняли выселенный дом.

Попытки выставить их с помощью полиции обернулись настоящими военными действиями. За ними с интересом наблюдали как жители города, так и международные организации, к помощи которых успели прибегнуть расторопные приверженцы неформального искусства. И симпатии общественности были вовсе не на стороне властей.

После того, как мэрия оказалась заваленной всевозможными посланиями, а сотрудники ее оглохли от криков тех, кто пришел выразить свое отношение к происходящему, было решено пойти на попятный. Мэр самолично объявил, что город дарит это здание молодым талантам. Также здание становится одной из достопримечательностей со всеми вытекающими. А половина этажей остается зарезервирована для тех, кто с точки зрения властей, достоин здесь находиться...

В память о тех славных днях обиталище художников сохранило название Сквот-таун, проигно-

рировав предложенные мэрией «Храм искусства» и «Художественный Олимп». Жителей его отличали свободомыслие и широкий взгляд на множество предметов, в корне отличающийся от мнения благонамеренных обывателей. Кстати говоря, бродяги из страха быть выселенными, усердно занялись изобразительным искусством, что в большинстве случаев увенчалось значительным успехом.

— Так что, ты говорил, тебе приснилось? — переспросил Фабрицио — толстый весельчак, называющий себя «гражданином вселенной».

— А я так и не ложился — гордо сообщил с подоконника Юлий, не отрываясь от своего занятия. Он вырезал из глянцевого журнала очередную фигурку, чтобы присоединить ее к прочим, составляющим грандиозный коллаж в семи частях «Портрет эпохи».

Дверь соседней мастерской распахнулась, и на пороге появилась девушка в кислотно-желтых брюках и футболке, украшенной разноцветными пятнами. В руке ее, подобно весам Фемиды, покачивался загипсованный лифчик на вешалке, оклеенной ярко-синим скотчем.

— Так чего стряслось-то? — поинтересовалась она. — Нас опять выселяют или дебаты об искусстве?

— Хотите верьте, хотите нет — начал Аркадий. — Третью ночь уже такое снится, будто клип; только вспомню — до сих пор поджилки трясутся. Значит, так: сперва в джунглях дикари пляшут вокруг столба, а к нему привязан...

— Директор нашей галереи! — перебили его. — Хотя его даже жрать будет противно.

— А потом на передний план из контражура выдвигается такая дрянь... нет, я лучше нарисую, сами увидите.

Пошарив в кармане, Аркадий извлек огрызок желтого воскового мелка, и вскоре на стене возникла более чем устрашающая фигура. Существо ростом с крупного мужчину, с туловищем, покрытым чешуей, полураскрытыми кожаными крыльями и мощными задними лапами. Когти на них более всего походили на букет среднего размера мастихинов, которые кому-то понадобилось заточить до остроты бритвенного лезвия и немного согнуть. Но самое омерзительное впечатление производила голова, представляющая собой комок щупальцев, покрытых слизью. Они полностью скрывали лицо или что там еще было у кошмарного существа, отчего нарисованная фигура казалась еще более неприятной.

Ужас, который невольно испытали все присутствующие, не был сродни тому, который поднимается к горлу при виде несущегося на тебя автомобиля или банды агрессивных и явно неадекватных подростков. И даже не тот страх, который испытываешь при просмотре хоррор-фильма. Как будто из глубин сознания поднималось что-то полузабытое, воспринимаемое лишь инстинктом, но от этого не менее жуткое и омерзительное.

— А ведь и мне такое же снилось, один в один — раздалось несколько голосов.

На свет появились изрядно помятые наброски на тетрадном листе в клетку, клочке от упаковки «куры-гриль» и папиросной пачке. В общих чертах изображение совпадало. Причем на одном наброске «модель» стояла в классическом повороте «три чет-

верти», на другом — в профиль, подняв несколько щупалец, полулежа, расправив крылья.

Еще некоторые подтвердили, что и они имели удовольствие наблюдать чешуйчато-крылатый кошмар. Тут же заспорили о достоверности изображения — количестве щупалец, степени изогнутости когтей и наличии хвоста.

— А звуковое сопровождение там — продолжил Аркадий. — Послушаешь, и сразу мороз по коже. Слова — язык сломаешь, а все понятно. Мертвый бог спит в своем доме... Сейчас воспроизведу: Пх'нглауи мглавнафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн. И будто целый стадион бубнит вполголоса.

— А дом в древнем городе на дне какого-то водоема? — спросил Юлий, отложив в сторону наполовину изрезанный «Космополитен».

— Тебе тоже это снилось? — поинтересовался Фабрицио, затягиваясь «Примой». — А говоришь, не спал совсем.

— Спал, но без кошмариков. Просто у меня совершенно случайно сохранилась одна заметка. Но я ее уже приклеил. Пошли ко мне в мастерскую.

В студии, которую когда-то сделали из двухкомнатной квартиры, было буквально негде повернуться. Пачки «Домашнего очага», «Загородной недвижимости» и всевозможные изделия полиграфической промышленности громоздились во всех углах и образовывали настоящий лабиринт посреди помещения. Стены снизу доверху занимали громадные листы картона, частично заклеенные вырезками из журналов, кусками фольги и ткани, какими-то этикетками и обрывками газетных листов. Центром одного из коллажей был силуэт толстого кота, вы-

резанный из летнего городского пейзажа. Кот занес лапу над сбившимися в кучу полуодетыми красотками, вырезанными из мужского журнала. Здесь же красовалось фото навороченного унитаза, из которого виднелась голова известного певца.

— Где оно было? Ага, вот здесь!

Между расплющенной пачкой доперестроечного грузинского чая и осколком толстой виниловой пластинки обнаружилась страница из журнала «Вокруг света», рубрика «Листая старые страницы».

«В одном из районов Гонконга обнаружены представители неизвестного доньше культа. В помещении заброшенного склада найдены останки как минимум десяти человек, а также в большом количестве — собак и кошек. Они были выложены в виде круга, центром которого являлась статуэтка неизвестного создания, поставленная на бетонный блок, перемазанный красно-бурым веществом. «Это бог Ктулху, пришедший со звезд — сообщил один из арестованных. — Скоро звезды установятся определенным образом, и он проснется. Он и его народ поднимутся из морских глубин». Примечательно, что материал, из которого сделана статуэтка, так и не удалось идентифицировать. Также в указанный период времени в окрестностях были отмечены многочисленные групповые галлюцинации и случаи обострения в расположенной неподалеку психиатрической лечебнице».

— Они пришли со звезд и принесли свои изображения — торжественно произнес сюрреалист Марк, вылетевший со второго курса института киноинженеров.

— Чего-чего?

— Ну, раз они принесли их с собой, значит, изображения сделаны из тамошнего материала.

— С чего ты это взял, что они принесли их с собой?

— Не помню, само изо рта вылетело. Хотя мне под утро тоже что-то снилось: будто общая панорама, потом наплыв и голос за кадром произносит насчет звезд и еще много чего, не запомнил.

— Короче, ясно: перебаламутил ты всех, Юл, своей писулькой. А мне сегодня к тетке на день рождения; и как с такой невыспанной физиономией заявлюсь?

— Да ты у нас, оказывается, второй Кашпировский! Поаккуратнее, что ли, а то в следующий раз начитаешься чего не надо, а у народа крышку сорвет.

— Слушай, а может ты «Эммануэль» считаешь перед сном? А вся лестница кайф словит...

Все потихоньку разошлись, оставив творца коллажей наедине со своими произведениями.

— А все-таки у него было десять щупалец, и шевелились они одновременно — на прощание донеслось с лестницы.

Наши дни.

Тот же российский город

— Они пришли со звезд и принесли свои изображения — наставлял подчиненных Ясир, выдыхая дым, запах которого мог бы послужить причиной для тесного знакомства с органами охраны порядка. Обычно он не позволял себе такой неосторожности.

Но теперь, когда звезды вот-вот займут определенное положение и все станут, как Великие Старейшины, это не имело значения.

В дальнем углу бетонного лабиринта под зданием больницы, уже который год стоявшей на ремонте, собрались люди, в чьих жилах текла кровь нескольких древних наций. Они, не отрываясь, смотрели на крохотную каменную фигурку, стоявшую на стопке кирпичей и окруженную множеством тоненьких свечек. Фигурка была сделана из ярко-зеленого камня с черными прожилками и крохотными золотыми крупинками. Камня, названия которого не существовало ни в одной из земных языков.

— Что должны мы делать? — вопрошал Ясир, который не был сейчас бригадиром. Если попытаться перевести то, чем он являлся сейчас, с давно умершего языка, точнее всего оказались бы слова «жрец-колдун».

— Ждать его — ответствовали потомки приверженцев мертвого бога. — Встретить его.

— Звезды займут определенное положение, и жрецы смогут пробудить его к жизни. Город восстанет из морских глубин. Тогда все люди станут дикими и свободными, окажутся по ту сторону добра и зла, отбросят в сторону законы и мораль, будут кричать, убивать и веселиться. Повторяйте же за мной. В своем доме в Р'лехе мертвый Ктулху спит, ожидая своего часа..

— Пх'нглуи мглав'нафх Ктулху Р'лех вгах'нага фхтагн — старательно отвечал хор рабочих из затерянной в горах долины, бывшей когда-то дном давно высохшего моря.

Озеро в российской глубинке

Глубоко внизу на дне громадного озера под слоем ила ждал пробуждения от долгого сна тот, чье имя повторяли в полулегальных заведениях Амстердама и Кейптауна, в сердце джунглей, куда не ступала нога белого человека и на стоянке кочевников, доставляющих массу хлопот полиции города Дели.

Около двух столетий назад, он был пробужден людьми, случайно ступившими на крышу главного храма Рльеха, крохотным островком возвышающуюся над морской гладью. Тогда, не насытившись предложенными ему жертвами, он не смог долго оставаться в ставшим чужим для него мире. Уже погружаясь в сон, он плыл по улицам своего города, занесенным песком, превратившимся в подводные пещеры, заваленным предметами, которые принесли с собой последующие эпохи. Плыл, чтобы достигнуть развалин цитадели из звездного камня. Когда он окажется там, сила его, даже спящего, многократно возрастет, а зов тех, кто служит ему, достигнет слуха спящего бога, усиленный во множество раз.

... Глядя на поверхность озера, находящегося не более чем в паре часов езды от города, никто даже не мог подумать, что там внизу спит древний ужас. Ни рыбаки, неподвижно застывшие по берегам, ни развеселая компания на яхте, ни экипаж сухогруза «Старательный», ни парочка, прекрасно проводящая время в дачном домике — никто не догадывался, что он там. Спит и ждет, когда звезды займут определенное положение.

Снова Сквот-Таун,
Жилище людей искусства

— Звезды займут определенное положение — в который раз промурлыкала Лиана, нашивая ключ от пивной банки на плюшевую скатерть, кое-как укрепленную на подрамнике. Загипсованный лифчик и колготки, набитые поролоном и разрисованные смайликами, висели на стенке, готовые к выставке нонконформистского искусства. Оставалась главная композиция, для которой наконец-то удалось насобирать достаточное количество материала. Все сквоттеры будто сговорившись из вредности, дружно перешли на бутылочное пиво...

— Когда звезды займут определенное положение...

— О Элберет, Гинтониэль, достала уже своими звездами! — с отчаянием выкрикнул из соседней мансарды подающий надежды график. — У меня тут иллюстрации к «Мечу без лезвия и рукояти», мозги уже кельтским узором заворачиваются, а ты... Постой, ты тоже про эту хрень, которая всем снится?

— Ну да, жаль, что как следует не рассмотреть. Вот бы сшить из тряпок и поставить у входа в галерею.

— Мне почему-то кажется, что лучше его не рассматривать. Можно войти?

В окне появился молодой человек в темной одежде. Волосы его были заплетены сзади в самую настоящую косу. Он без особых трудностей пролез внутрь, как будто путешествовать по стене на высоте пятого этажа было для него самым обычным делом. Протис-

нувшись через длинную узкую форточку, он уселся на подоконнике, болтая ногами.

— Ты хоть сама понимаешь, что выдала гениальную мысль? Звезды, вот в чем дело! Если сравнить положение звезд тогда, когда обнаружили этих, из Гонконга и сейчас, можно понять, что происходит — групповой психоз или кое-что посерьезнее.

— У меня и без этого есть о чем думать. Если звезды займут определенное положение, я займу место в художественном альманахе. Вот, последний штрих. Смотри, правда, круто?

— Ой, это что? Так: рыба из пивных железок, перчатка резиновая, надутая, химический знак из блестящего металла. И что сие означает?

— Неужели не догадался? Композиция «Ерш твою медь»! Рыба — ерш, перчатка символизирует чувство собственника, знак «купрум» мы еще в школе проходили.

— Умственно... Знаешь, я лучше выясню насчет положения звезд. Может и ерунда все, а только не успокоюсь, пока не буду знать наверняка.

Посетитель удалился тем же способом, а Лиана вернулась к своему занятию, хрустя сырными чипсами и напевая фразу на непонятном языке, которую когда-то где-то слышала....

*Дача персонального пенсионера
Ленинградская
или какая-то другая область*

В особняке на берегу громадного озера за резным письменным столом восседал сотрудник некоего военного ведомства, вышедший на заслуженный отдых. То есть, если быть до конца откровенным, не совсем заслуженный и не совсем добровольный. Зато все волнения позади, а денег столько, что при желании детям и внукам хватит. Да что там внукам, сам еще мужчина хоть куда; на пенсии, говорят, жизнь только начинается.

Взгляд его снова и снова возвращался к стоящей перед ним фигурке из зеленого камня с черными прожилками и еле видными золотыми искорками. Ну, местные, ну артисты! Не успели просечь, что человек состоятельный поселился, чего только не предлагают! И фамильные портреты из графской усадьбы, и «Победу» послевоенного выпуска с пробегом всего-то в сотню километров, и щенков психоделического терьера...

Каменного уродца приперли какие-то пацаны — не то нашли в заброшенном доме, не то выловили из речки. И попросили за него всего ничего. Отчего не взять, пусть стоит для уюта. Умели же раньше делать: каждую чешуйку видать, и щупальцами, кажется, вот-вот пошевелит. Хорош, паршивец!

Толстые короткие пальцы в который раз погладили каменную чешуйчатую спину с полураскрытыми крыльями.

...В глубине озера в развалинах цитадели пошевелилось нечто большое и очень опасное...

В нескольких часах езды отсюда в пещере подавал голос барабан из ствола дерева, которые давно не растут и обтянутый кожей, не принадлежащей ни одному из животных. Жрец-колдун — низенький мужчина с несоразмерно широкими плечами и руками, почти достигающими земли — ударял в него похожими на подгоревшие оладьи ладонями, постепенно убыстряя ритм. И в такт ему несколько десятков мужчин и женщин столь же отталкивающей внешности принялись беспорядочно передвигаться по залу, потолок которого нависал над самыми их головами. Потом, внезапно остановившись, они замерли перед стеной, на которой виднелись остатки грубо высеченного барельефа. Мощная фигура, казалось, готова шагнуть на утоптаный земляной пол пещеры. Щупальца, полностью закрывающие голову, были устремлены к танцующим подобно клубку змей, замороженных пением тростниковой дудочки бродячего музыканта, посвященного в древние тайны. Грубая примитивная музыка оборвалась, и тишину нарушали лишь звуки дыхания множества людей. Вслед за этим послышались слова, смысл которых был понятен каждому из присутствующих едва ли не с самого появления на свет. Слова, которые пели им перед сном вместо колыбельной, слова, без которых не обходился ни один колдовской ритуал.

— Пх'нгуи мгла'нафх Ктулху Р'льех вгах'нага фхтагн — произнес жрец-колдун, старательно выговаривая каждое слово точно так же, как учили его и как учили других, давно ушедших в Серые Топи.

— Пх'нгуи мгла'нафх Ктулху Р'льех вгах'нага фхтагн — повторило множество голосов — он придет и все мы станем, как Великие Старейшины...

Город в России, где находится Сквот-Таун

Эвенгар, в паспорте которого значилось скучное и цивильное имя Игорь, выскочил из дверей астрологического салона, вполголоса ругаясь на смеси старонормандского и древнеэльфийского. Этих снобов следовало бы кинуть в Ородруин или, лучше, заставить делать генеральную уборку в логове Саурона!

Самым простым было бы позвонить Ксении и заявиться к ней с тортиком и пачкой этнического чая. Она бы за компьютером за полчаса изложила необходимую информацию. В доступной и деловой форме, без всякого выпердрежа. Но по закону всемирного свинства ей именно сейчас понадобилось уехать на семинар по тантрической йоге. Вот через две недели — это, пожалуйста, заодно поболтаем и посмотрим фото. Спасибо, конечно, но за две недели не понятно что может произойти. Тем более если учесть, что сны про мертвого бога, поднимающегося из морских глубин, стали повторяться с пугающей регулярностью... И в «Криминальной хронике», которую он видел случайно, мелькнул сюжет, похожий на ту заметку из старого «Вокруг света». Вдруг и в самом деле пахнет мировой катастрофой, а власти и спецслужбы даже не чешутся?

Сперва его просто не хотели записывать на прием. Юная особа, вся обвешанная стразами и благоухающая приторно-сладкими духами, прозрачно намекнула, что здесь заведение высокого уровня, услуги которого ему не по карману. А, услышав от него парочку цитат из «Черной книги Арды» и вовсе заподозрила в нем шпиона конкурирующей организации. И его следовало немедленно выкинуть вон.

Разбираться с, «шкафом платяным трехстворчатым» как-то не хотелось, тем более что виноватым в таких случаях все равно оказывается чужак.

Но именно в то мгновение, когда гоблин, затянутый в комбинезон из черной блестящей ткани, уже навис над ним, раздалась пронзительная трель звонка. Насколько молодой человек смог понять, какой-то солидный клиент отменял визит, и у госпожи Матильды образовалось окно в расписании. Эвенгару милостиво сообщили, что у него в распоряжении сорок минут, и подсунули контракт на оказание астрологических и магических услуг.

Госпожа Матильда ему сразу активно не понравилась. Если уж ей так необходимо косить под ведьму, то хоть бы своим внешним видом занялась. Вот в передаче «удивительное и непознанное» ведущая смотрится вполне в стиле, а тут за круглым столом, заваленным хрустальными шарами, пирамидками и свечными огарками, восседало нечто пятьдесят-какого-то размера в неряшливой вязаной кофте. Причем нечто, принципиально не признающее косметику, краску для волос и туалетное мыло.

— Наверно, это уборщица — наивно предположил молодой человек. — Воспользовалась паузой, чтобы навести порядок.

— Ну, так что у вас за дело? — ворчливо бросила женщина. — Вы что, молчать сюда пришли?

Стараясь ничем не выдать своих чувств, он изложил суть вопроса. В ответ же услышал пространную лекцию о том, что к посещению специалиста такого уровня необходимо тщательно готовиться. Неужели он ожидает достоверной информации на основе более чем отрывочных сведений? Вычислить положе-

ние звезд на основании клочка бумаги? Странички из журнала семьдесят третьего года? К тому же там приводится заметка из более старого издания. Это же детский лепет! Но так как у него еще двадцать минут, а деньги, согласно подписанному им договору, все равно не возвращаются, она может посмотреть его ауру и продиагностировать ее на предмет проклятий, сглаза и прочего.

Взяв со стола изогнутую блестящую железку, она встала и направилась к нему, кряхтя и отдуваясь на каждом шагу. Поводив перед ним предметом, подозрительно похожим на деталь часового механизма, украшающую один из Юловых коллажей, госпожа Матильда выдала целую кучу «полезной» информации. В пятилетнем возрасте его качественно прокляла сорокалетняя женщина с крашеными рыжими волосами, а сейчас на него имеет изрядный зуб какая-то блондинка. Сглаза и прочего в его ауре столько, что не увезти и на десяти самосвалах, но за отдельную плату она берется это исправить...

Денег за сеанс взяли больше чем за целый месяц тренировок, недвусмысленно добавив, что ссоры между клиентом и заведением разбираются исключительно в судебном порядке, а сотрудники районного суда почти поголовно являются их клиентами...

Что же, обидно, но главное сейчас далеко не это. Необходимо срочно выяснить, является ли надвигающийся кошмар мощным групповым глюком или ... И к кому в таком случае следует обращаться, чтобы с ходу не упрятали в закрытое лечебное учреждение. В любом случае, начать надо с того, что установить точную дату событий, о которых говорится в заметке. В этом кулема неумытая правда: без точной даты

невозможно воспроизвести положение звезд. А если тогда они встали как раз определенным образом, то легко можно увидеть, насколько это похоже на сегодняшнюю карту звездного неба. Ежику понятно!

*Затерянная деревня
где-то в глубинке*

— Уже скоро! — жрец-колдун издал торжествующий вопль, более похожий на звериное рычание. — Солнце поднимется над Большой водой не больше раз, чем пальцев на обеих руках, и он проснется.

От фигурки из зеленого камня, стоявшей посреди убогого жилища, волнами распространялся необычный запах. Любой из цивилизованных людей счел бы его омерзительным, но тому, чье слово было законом для поклонников мертвого бога, оно представлялось великолепным благоуханием. Запах застоявшейся воды, сохнувших на солнцепеке водорослей и еще чего-то незнакомого, чему нет места в обыденном мире.

В глубокой яме дожидались своего часа жертвы, которые должны были подкрепить силы вернувшегося бога. Двое мужчин еще недавно считали, что после недавно пережитого вряд ли что-то способно повергнуть их в ужас. Теперь они искренне сожалели, что так неблагоразумно покинули места заключения. Там, конечно, не сахар, но зато и не скормят неизвестно кому.

Снова Сквот-Таун

К счастью, Юлий оказался дома. Усевшись на полу посреди комнаты, он с наслаждением кромсал портновскими ножницами страницы старого школьного учебника. Рядом какие-то непонятные личности таким же образом расправлялись с контурными картами и толстым математическим справочником. Картину дополняло около десятка банок «Золотого фазана» — полных, открытых и уже опустошенных.

— Не поверишь — задумчиво протянул мастер коллажей, как будто продолжая разговор, прерванный секунду назад. — Десять лет об этом мечтал. «Родная речь», самый нелюбимый учебник.

— Это все классно, а где коллаж с заметкой? Вон там, у окна, висел.

— Чуть не забыл, пива хочешь? Кстати, это Славик, вселили в каморку под лестницей, а это Мишель, звезда панк-граффити. Коллаж? Так вот, прикинь, купили его! Мы же типа туристская достопримечательность, стало быть, здесь теперь можно шататься и в гости заглядывать. Хорошо хоть заранее предупреждают, а то мало ли... Короче, заваливают две тетки под семьдесят, в спортивном прикиде, с рюкзачками и по-русски ни в зуб ногой, только по-своему шпрехают.

— И что же?...

— Так я как раз об этом! Прикольные такие, между собой щебечут, за руки держатся. Увидели коллажи и принялись ахать, одна, с седыми косичками, даже подпрыгнула. В блокнотике что-то написала, листочек вырвала и мне протягивает. Смотрю, а там написано «двести долларов» то есть цифра и

знак доллара. Я прибалдел, а они не поняли и переправили на триста. Ну, я им «йес, о кей», потом думаю, некрасиво получается, приглашаю: «тиа, вайн плиз» а они увидели бутылку из-под «Балтики» и на нее пальчиками тычут, едва из адидасовских штанов не выпрыгнули. Пришлось за пивом сгонять, а они тем временем прошлогоднюю серию смотрели, помнишь, на коробках из продуктового магазина? Тоже половину уволокли, а я думал, какой придурок на такое поведется?

— Вот блин! И где их теперь искать? Да я не то имел в виду: журнал за какое число?

— Не помню, мне их целую стопку приперли. Хотя вот визитка; сказали, чтобы дал знать, когда забацию что-нибудь новенькое. Пиво точно не хочешь? Ну, как знаешь, в пустыне пицца не залеживается.

*Апартаменты
Нетипичного обитателя
Сквот-Тауна*

Валерий, в отличие от всех прочих обитателей Сквот-тауна, твердо придерживающийся позиций уверенного конформизма, пребывал в прекрасном расположении духа. Наконец-то он оказался вдали от бдительного отцовского взора. Если посмотреть на дело с практической стороны — его просто-напросто выкинули из папочкиной мастерской. Он мало того, что посмел отступить от канонов, раз и навсегда принятых в семье потомственных масте-

ров парадного портрета, так ведь, сам того не желая, составил отцу конкуренцию. Оперная прима постбальзаковского возраста, не удостоив и взгляда лучшие работы главы семейного клана, обратила благосклонное внимание на слабенькую студенческую акварель Валерия-младшего, по чистой случайности оказавшуюся на виду.

И вот результат — его, как какого-нибудь незаконного гастарбайтера буквально в двадцать четыре часа выставили вон. Позвонил фазер кому надо и вот он уже в Сквот-тауне. Апартаменты, правда, нехилые — бывший танцевальный зал с чем-то вроде открытой галереи, проходящей по одной из стен помещения. На галерее оказалось несколько разномастных книжных шкафов, широкая низкая тахта и даже мини-кухня. При желании можно зависать здесь хоть круглые сутки, и никто не будет изводить замечаниями, как будто он первокурсник, только вчера взявший в руки кисточку.

Нет, он не собирается совершать революцию и ставить мир на уши — вполне хватит работы над заказами, которые иногда переппадают по папиным связям или добыты самостоятельно. А уж как из голимого крокодила сделать что-нибудь вполне презентабельное и при этом не особенно погрешить против истины, он знает едва ли не с дошкольного возраста.

Дело сразу заладилось. Вон, прямо напротив входа парадный портрет банкира в виде римского патриция. Стоит, гордо облокотившись на обломок античной колонны и важно указывает на учредительные документы, которые держит перед ним целый штат амуров и купидонов. И размер работы впе-

чатляет — пять на три метра, не то, что у некоторых, где картину в лупу разглядывать нужно. Портреты владельца сети супермаркетов и президента какого-то там благотворительного фонда тоже вполне впечатляют. А то, что некоторые втихомолку называют его яппи, конъюктуристиком и прочими нехорошими словами, так это они от зависти. Не умеют договориться с выгодным заказчиком и в результате гордо чахнут по своим мансардам. Он-то сразу понял, что в жизни самое важное — уметь заработать!

А здесь все тратят драгоценные годы жизни на какие-то детсадовские развлекашки — то часть подвальных помещений попытались приспособить под галерею, то на курительной площадке какую-то гадость со щупальцами нарисовали. Вроде ничего особенного, в любом ужастике покруче можно увидеть, да и пропорции не соблюдены, а мимо проходить как-то неуютно.

Настроение стремительно портилось. Даже воспоминание о бывшей однокурснице, которая почти согласилась сходить с ним в итальянскую кафешку, после чего взглянуть на работы, а возможно даже и попозировать в качестве шамаханской царицы, не особенно поправило дело. А еще предстоит спуститься по лестнице мимо нарисованного монстра, и к тому же лампочки еле светят. Решено: он останется ночевать в мастерской, как всякий уважающий себя деятель искусства. Родители пускай привыкают, что он давно не маленький!

...Проснулся он неожиданно, как будто кто-то толкнул в бок или ни с того ни с сего сработал «внутренний будильник». Сперва Валерий некоторое время не мог понять, где находится и почему он не в

своей комнате, которую до сих пор иногда называют «детской». Лунный свет проникал в комнату через высокие от пола до потолка окна, освещая портрет банкира. Но вместо упитанного мужчины там уютно расположился тот самый монстр, которого зачем-то нарисовали на лестнице.

Медленно, очень медленно жуткая тварь подняла лапу, указывая прямо на него острым когтем величиной с кавказский кинжал, подаренный когда-то отцу дальними родственниками.

— Ты! — раздалось в голове перепуганного конформиста — Ты будешь служить мне.

Отведя глаза немного в сторону, молодой человек заметил, что остальная часть картины также претерпела существенные изменения. Вместо учредительных документов, изображенных в виде внушительного фолианта, там красовалась каменная плита с выбитыми на ней письменами. Симпатичные пупсы с крылышками исчезли, уступив место омерзительным подобиям осьминогов, истекающих мутной и явно скверно пахнущей жидкостью.

Буквы не были похожи ни на знакомую и родную кириллицу, ни на латынь, ни даже на арабскую вязь. У значков, выцарапанных на зеленом с черными прожилками камне, не просматривалось ни малейшего сходства даже с рунами или древнеегипетскими символами. При этом сам вид их вызывал тот безотчетный страх, который иногда посещает людей в особенно кошмарных сновидениях. Хочешь бежать со всех ног, ощущая при этом, что не в силах даже сдвинуться с места. А волосы на затылке уже шевелятся от холодного дыхания чего-то за пределами ужасного...

И в то же время смысла написанного как-то сам собой дошел до парадного портретиста в третьем поколении. Мертвый бог спит в своих подводных владениях, и скоро весь мир будет опять принадлежать ему. Как бы в подтверждение этих слов голова, представляющая собой клубок щупалец, медленно кивнула.

...Когда на следующий день Валерий-старший зашел в мастерскую, то застал сына в порыве необычайного вдохновения. Тот усердно трудился над портретом банкира. Только почему-то голова господина Сартмана обрела сходство с клубком змей, а за спиной были намечены громадные крылья, украшенные на всех суставах острыми шипами.

Опять Сквот-Таун

Назначенный час приближался, и кошмарные видения, изредка смущавшие ночной покой обитателей Сквот-тауна, приняли постоянный характер.

Впрочем, странные явления коснулись не только их. Концерт группы «Мясокрутка», который планировался как мирный сейшен, неожиданно завершился грандиозной дракой, в которой приняли участие даже те, кто никогда не испытывал тяги к такого рода развлечениям. Более того, почти все участники были абсолютно трезвыми и успешно прошли тест на отсутствие наркотических веществ. Никто из участников драки не смог впоследствии объяснить, что на них нашло. Ни с того ни с сего все разом ощутили бешеное желание крушить все во-

круг и уничтожать всех, оказавшихся в поле зрения. И все ловили от этого дикий кайф. Музыканты же, вместо того чтобы остановиться, продолжали играть самые агрессивные из композиций, упиваясь жутким зрелищем.

Дача персонального пенсионера

Бывший сотрудник некоего военного ведомства испытывал необычайный душевный подъем. При других обстоятельствах он бы с удивлением констатировал, что на старости лет взял да и влюбился. Но ничего подобного даже не наблюдалось. Все те же привычные отношения с домоправительницей, к которым он относился как к разновидности физзарядки, да и вообще организм еще не старого мужчины выдвигает определенные требования. На соседних дачах и в близлежащем поселке никаких симпатичных гражданок противоположного пола; до начала дачного сезона, когда всех как магнитом потянет на природу, оставалось еще около месяца. Видеокассеты, где шаловливые красотки вытворяли такое, за один пересказ раньше можно было бы запросто вылететь с работы и не только, давно уже стоят на полке без употребления.

И все же в его жизни появилось нечто. Статуэтка непонятого существа странным образом приковывала его внимание и, можно сказать, грела душу. Разумеется, в сугубо материалистическом смысле этого слова. Ему не хотелось расставаться с этой штуковиной, как в детстве с любимой игрушкой. Со стеклянной полки серванта изделие народных про-

мыслов каждый вечер перекочевывало на тумбочку у кровати, а каждое утро неизменно оказывалось на круглом столе, за которым завтракал хозяин дома. И еще мужчина более чем зрелого возраста, поймал себя на желании положить в блюдце чего-нибудь вкусненького и поставить перед каменным монстром. Уж больно вид у него голодный, пусть хоть молочка попьет. Хотя нет, такому молоко и прочие диетические продукты как слону лимонад — ему, верно, мяса подавай...

А когда прохладным ненастным вечером Василию Сергеевичу вздумалось согреть душу золотистым греческим коньяком, то после первой стопки он пригласил и каменное существо посидеть с ним. Поставил его на стол, а рядом — ликерную рюмочку коньяка и мелко порезанный бутерброд с красной икрой. Когда несколько часов спустя в голове начало проясняться, рюмочка и блюдце от чайного сервиза оказались пусты. А может, он сам за разговором увлекся, и того?

Хорошо с ним — всю свою жизнь рассказываешь, а он слушает и даже щупальцем не пошевеливает, не то чтобы перебить или вылезти со своим глупым советом как, например, Надежда. Спит и видит, как бы его окрутить. Нет уж, шалишь! И не такие пытались в загс затащить.

Вот только к фамильярности и панибратству каменный собеседник тоже не особенно располагает. Иногда так и хочется вытянуться в струнку, как в добрые старые времена, и отдать рапорт по всей форме. Будто перед ним не сувенир, а начальник или даже.... Ощущение такое, что его опять на службу зовут, и не просто так, а с повышением в долж-

ности.

Он эту фигурку уже и на рыбалку брал, и на мощи-он по окрестностям. Личное имущество, где хочет — там и таскает! Хотя назвать такое имуществом как-то язык не поворачивается...

*Сквот-Таун
Мастерская художника*

Следуя неписанным традициям Сквот-тауна, Аркадий устроил у себя в мастерской нечто вроде вечеринки. Не то чтобы застолье, просто посиделки с пивом и легкими закусками вроде чипсов, кальмаров и жареных куриных крылышек. Повод имелся более чем значительный: в ежегодном городском альманахе вышла большая статья про выставку в галерее «Термитник». Причем серия работ Аркадия, объединенная темой «Праздник непослушания», удостоилась хвалебного отзыва в целых двух абзацах.

— Мне, конечно, глубоко начихать на мнение всякого там плебса — величественно произнес Аркадий, отхлебывая прямо из бутылки «Рыбалка крепкое» — но мнение основоположника, сами понимаете... А он недвусмысленно выразился, что у нашего направления большое будущее.

— Но это же классно — засветился в таком издании! — с энтузиазмом подхватила Лиана, — Я так хотела туда просочиться, а кого ни поймаю — говорит, тематика статей от него не зависит.

— Ну, это раньше был прикольный журнал — глубокомысленно протянул Фабрицио — Как стали

официальным изданием — зазвездели со страшной силой. Гламур какой-то попер, смотреть противно. Фу, конформисты!

— Кстати о конформистах — хихикнул Юлий, даже сейчас не расставшийся с любимым занятием. Аккуратно отклеив несколько этикеток «Великопольского барана», он старательно вырезал рогатого представителя фауны. — Вы ничего особенного не заметили?

— В костюмчике перестал ходить — выпалила натурщица Маргарита, которую за крайнюю истощенность особенно ценили те, кто работал в жанре экспрессивного рисунка. — А галстук у него на балконе уже неделю висит, сама видела.

— С ним и в самом деле не того — согласился Аркадий. — Не знаю что, но какая-то шиза, точно, проглядывает. Ходит как будто прислушивается. Я думал, он как нормальный человек в плеере или гарнитура от радио в ушах, так ведь нет! И взгляд ...

— Ну, тогда суду все ясно — ответил Мишель, энергично обгрызая куриное крылышко. — Меня, когда от предков свинтил, еще и не так колбасило.

— «Едет, едет доктор сквозь снежную равнину, порошок целебный людям он везет...» — пропел кто-то.

Некоторое время спустя все на удивление дружно пришли к следующему выводу: перебесившись, Валерий имеет все шансы стать нормальной творческой личностью и достойным обитателем Сквоттауна.

Поведение недавнего яппи от искусства не имело ничего общего с наркотическими веществами и сладким воздухом свободы, ударившим в голову.

Существование его обрело глубокий смысл, такой, который не снился даже Валерию-старшему и даже дедушке, рисовавшему парадные портреты тех, чьи фото можно увидеть в учебнике отечественной истории. Правда, не современном, а семьдесят затертого года издания, занимавшем почетное место на книжной полке в парадной комнате.

Теперь Валерий знал, что взят на службу настолько могущественным лицом, что перед ним все банкиры и директора фирм — не более чем мелкие сошки. И даже те, о которых в семье говорили с почтительным придыханием... Еще немного времени — и от всего нынешнего миропорядка не останется и следа. Скоро хозяин проснется, и весь мир будет принадлежать ему. А он, Валерий, станет его слугой и придворным живописцем.

Парадный портрет хозяина написан за несколько суток непрерывной работы. Нельзя терять время: скоро звезды сложатся определенным образом и тогда кто не успел — тот опоздал. Те, кто воздавал почести спящему богу, будут есть, пить и веселиться, а все прочие... Ничего не попишешь: Киев отдельно — котлеты отдельно.

Если бы все ограничилось его собственными ощущениями, он, может, и усомнился бы в том, что все это — не игра воображения. Например, как в детстве, когда после очередного отцовского разноса он воображал себя сержантом американской армии, а всех родственников — новобранцами, которых гоняет по плацу, как сидоровых коз по бане.

Нет, его избранность ощущалась и другими людьми. Стоило Валерию выйти на улицу, как он неизменно оказывался в зоне почтительного внимания каких-то непонятных личностей. Прежде, стоило бы ему столкнуться с кем-то из них, пришлось бы удирать во все лопатки, проверяя, на месте ли деньги и мобильник. Но теперь совсем другое дело, с той самой ночи его не пугало ничего. Даже когда молодые люди среднеазиатской внешности, встречаясь с ним взглядом, тихо сияли, будто к ним приехал добрый дядюшка-миллионер. Даже когда жутковатого вида старуха в пестрых лохмотьях, присев в подобии реверанса, попыталась поцеловать край его куртки. Даже когда дяденька с бородой, ростом едваходящий ему до плеча, целый час тащился следом, вполголоса бубня о том, что не все, что кажется мертвым, на самом деле им является, и наоборот. Теперь тот, кто еще недавно именовался Валерием-младшим, принимал это как должное.

Своей работой он полностью удовлетворен — выложится полностью. Если бы даже от этого зависела его жизнь — вряд ли бы сделал лучше, хотя почему «если бы»? Именно от того, насколько получится угодить новому хозяину, его жизнь и зависит.

Они пришли со звезд и принесли свои изображения. Интересно, насколько они отличаются от портрета, над которым он столько трудился? Что же получается — ему одному позволено? Дед рассказывал, что в его время портреты некоторых государственных деятелей можно было писать лишь по особому разрешению и строго по установленным правилам... Но одного портрета мертвому богу будет недостаточно, он ясно ощущает это. Как бы еще за-

служить его расположение?

Очнувшись однажды утром от тревожного беспокойного сна, Валерий вдруг понял, что обладает необходимой информацией. Будущий придворный живописец теперь знал, где должен находиться, чтобы встретить Ктулху после того, как тот восстанет из своего подводного небытия. И воздать ему необходимые почести. Это совсем не далеко — три часа на электричке, а затем часа три пешком. Причем, отправиться в путь нужно не позднее чем через неделю. Но ждать было выше его сил, тем более, вдруг кто-то еще отмечен особым вниманием. Он поедет немедленно, как только соберется. Опять же, лучше на час раньше, чем на пять минут опоздать.

Хотя почести одного человеческого существа слишком ничтожны для древнего создания, способного единым движением обратить в пыль целые города и государства. Он приведет ему новых почитателей и тех, кто будет счастлив расстаться со своей жалкой жизнью во славу его. Тех, кто совершит это добровольно и с великой радостью. И тех, кто будет возносить хвалу проснувшемуся богу. Вот тогда его, Валерия, старание, точно будет замечено. Отец всегда говорил, что лучше перекланяться, чем недокланяться. А в таком деле, особенно.

С кого же начать? Среди обитателей самозаселенного дома он ни с кем особенно не контактирует. Да и честно говоря, не стремится. Из академии тоже друзей не осталось, отец не одобрял общения с потенциальными конкурентами. Отчего бы не начать с тех, кто легче всего поведется?

— Лидусик, привет, ты завтра что делаешь? Как насчет подзаработать немного в отечественной ва-

люте? Не, ну ты что, как ты могла подумать, что я мог такое подумать? По прямой специальности. А Василиса с Гулей завтра свободны? Мне троих сразу и надо — заказали портрет хозяек фитнес-клуба в виде трех граций. А у них фигуры с вашими, девчонки, ни в какое сравнение. Ужин с меня, не пожалеете.

Снова затерянная деревушка

В более чем сутках езды, в деревушке, отрезанной от всего мира, с заката до утра в пещере, уходившей к самому центру земли, звучал барабан, заботливо сохранявшийся на протяжении многих столетий. Мужчина, в лице которого даже самый внимательный наблюдатель не нашел бы следов умственной деятельности, без устали выбивал странный неровный ритм. Жрец-колдун, подкинув в костер ароматических кореньев, дым которых поддерживал силы и помогал посвященным прозревать будущее, удалился в один из подземных коридоров. Там находилось нечто, о чем было позволено знать лишь ему.

Если бы современный человек смог увидеть громадную скалу из темно-красного камня в разрезе, ему было бы чему удивиться. Скала, которая казалась цельной, на самом деле была прорезана снизу доверху множеством узких извилистых ходов. В большинство из них с трудом протиснулся бы даже ребенок, одолеть другие было бы под силу разве что кошке. Еще более странным показалось бы то, что почти все ходы никуда не вели. Начинаясь в укром-

ных местах на поверхности, они соединялись в одну каменную трубу, которая заканчивалась причудливой ступенчатой нишей в одном из залов, куда запрещено было входить остальным обитателям деревни.

Когда боги прилетели со звезд и принесли свои изображения, тогда и появилась поющая труба. Труба, звук которой должен приветствовать Ктулху, поднявшегося из своего подводного обиталища. Подобные странные сооружения были на берегу каждого моря и океана, каждого большого озера или достаточно полноводной реки. Но некоторые из них пострадали от природных катаклизмов, другие — от человеческих рук, третьи — оттого, что некому стало поддерживать их в должном состоянии. Поэтому не могли они выполнить свое предназначение, когда звезды сойдутся определенным образом и мир станет другим. Труба, находящаяся на берегу озера, оставалась едва ли не последней, готовой подать голос в честь мертвого бога Ктхлху. А для того, чтобы новый мир не погиб, едва возродившись, нужно заботиться о произведении древних мастеров, которые, судя по всему, вряд ли были людьми.

Это было совсем не легким делом. Сперва следовало обойти все отверстия, выходящие на поверхность, в каких бы неприступных местах они ни находились. В каждое из них нужно было бросить небольшой камень, завернутый в кусок шкуры, обильно смазанной жиром. Камни тоже годились не абы какие, а лишь те, что россыпью лежали на крохотном островке, который показывался посреди реки, когда она мелела в начале осени. Только они, преодолев все изгибы и повороты, прочно прилипа-

ли к плите, лежавшей перед входом в ступенчатую нишу. После этого в нише, посредине выбитого на полу круга, разводился костер из тщательно высушенных веток сосны и кустарника, который растет лишь на болоте, в самой гиблой его части.

Дым медленно втягивался в каменную трубу, поднимался по извилистым ходам и слабыми, еле видимыми, струйками выходил на поверхность. После дождя и особенно, когда холода уступали место нежаркому северному лету, недостаточно оказывалось и столько охапок хвороста, сколько пальцев на руках и ногах. Нередко вместе с хворостом заживо сгорали птицы и мелкие зверюшки, которых удавалось поймать в силки из конского волоса, какими пользовались охотники на заре времен. Точно так же новый жрец-колдун поступит с телом прежнего, когда тот удалится в Серые Топи...

С каждым годом поддерживать жизнь в каменном инструменте становилось все труднее, но, показав свою немощность, он станет не нужен племени, и тогда судьба его будет поистине ужасна.

Не в силах больше томиться мучительным ожиданием, Валерий покинул город и направился туда, где скоро бог Ктулху явит миру свой устрашающий лик.

Ранним субботним утром он оставил Сквот-таун, держа под мышкой тщательно упакованный портрет мертвого бога. Компанию будущему придворному живописцу составили натурщицы Лидуся и Василиса, на удивление легко согласившиеся вот так неожиданно сорваться с места и отправить-

ся непонятно куда. Впрочем, так же они устремились бы на любую тусовку, пикник или семинар на заушную тему. Главное, чтобы было весело, а бытовые проблемы как по волшебству решались для них сами собой. Везде и всегда находились те, кто брал на себя заботу о юных незащитных и наивных созданиях. Для них сама собой появлялась еда, ночлег, даже одежда, если девушек, например, угораздило увязаться с кем-нибудь в туристский поход как есть — в цивильном прикиде с рюкзачками, куда помещается только сотовый телефон и носовой платок. А тут настоящее приключение — поездка за город с эзотерическим уклоном. Тем более что Валерий понравился им обеим и подружки решили не ссориться, а предоставить все на волю случая. Да и вообще прикольно!

Стоило им выйти на улицу и пройти буквально несколько шагов, как перед ними нарисовалась кошмарного вида старуха очень южной национальности. Она как будто специально ждала их появления, заранее зная, где и когда надо быть. Поднявшись с ободранного кресла, стоявшего возле мусорных бачков, она бодро двинулась навстречу, как будто только ее здесь и не хватало. Но не успел Валерий послать нахапку так далеко, как только позволяет интеллигентное воспитание, как старуха глянула ему в глаза, сделала странный жест, будто рисовала у себя на лице какой-то узор и произнесла фразу, которая за последнее время намертво впечаталась в его память.

— Пх'нгуи мгла'нафх Ктулху Р'льех вгах'нага фхтагн.

— Пх'нгуи мгла'нафх Ктулху Р'льех вгах'нага

фхтагн — ответил ей, внезапно успокоившись, молодой человек и добавил, обращаясь к девушкам. — Все в порядке, это своя... из нашей тусы.

Лидусик и Василиса даже и не думали тревожиться; чем больше разного интересного народа, тем прикольнее.

На следующей улице, когда они проходили мимо здания, обнесенного лесами, из-за ярко-зеленой сетки начали вылезать молодые мужчины, по всей вероятности, соотечественники странной старухи. Ни слова не говоря, они снимали с себя яркие жилетки с надписью «Стройпроект» и, бросив их прямо на тротуар, направились вслед за Валерием и его спутниками. Седой мужчина, по всей вероятности их начальник, бережно прижимал к себе что-то небольшое, завернутое в яркую восточную ткань.

Чуть позже к ним присоединилась парочка бродяг неопределенного пола и возраста, неформальный подросток с лихорадочно горящими глазами и благообразного вида старик с продуктовой авоськой. Их появление никого не удивило, будто все происходило само собой... или как было когда-то предначертано.

Не глядя друг на друга, они целеустремленно двигались к цели своего путешествия, подобно толпе, идущей от остановки к проходной крупного завода или муравьям, следующим своими тропами.

Поначалу Валерий испытывал разные прямо противоположные чувства, буквально раздражающие его. Разумеется, он был избранным, и это ощущение приятно грело душу. Наличие свиты тоже оказалось непривычным и таким замечательным ощущением. Но одно дело, когда тебя сопровождают две симпа-

тичные девушки, с обожанием взирающие на тебя и, открыв рот, ловят каждое твое слово, а совсем другое — толпа непонятно откуда взявшихся странноватых личностей, которыми вот-вот заинтересуется милиция. И тогда все его труды последних дней накроются большим медным тазом. Не оказаться в нужном месте в нужное время всегда считалось большим промахом вне зависимости от места действия и состава участников.

Но потом все организовалось само собой. Сопровождающие без лишних хлопот взяли билеты на электричку и закупили продовольствия. При этом начальник бригады строителей одним жестом пресекает попытки Валерия заплатить за себя. Впрочем, художник все понял и без слов. Он — особенный и для всех них большая честь сопровождать его и обеспечивать всем, что ему может потребоваться.

— Ну, ты суперкласс! — почему-то шепотом произнесли девушки. — А с виду и не подумаешь.

Восторженные спутники толпились на почти-тельном, но достаточно близком расстоянии. Они не посмели разделить с Валерием одну скамейку, и все «купе» занимал он, парадный портрет мертвого бога и девушки, тихо попискивающие от восторга. Таких приключений у них еще не было.

Когда в вагоне стали появляться торговцы всякой всячиной, то один, то другой из последователей Ктхулку приближался едва ли не на четвереньках, согнувшись в три погибели, чтобы преподнести избраннику пакет чипсов, арахиса или рожок самого дорогого мороженого. Старуха, достав из своих лохмотьев веер, достойный оперной дивы, пристроилась в качестве добровольного опахальщика. Не-

формальный подросток уселся по-турецки прямо на полу и на протяжении всего пути совершал поклоны и другие ритуальные телодвижения в сторону немного ошалевшего живописца. Старик с авоськой просто не спускал с него восторженного взгляда.

А стоило Валерию подняться с места и похлопать себя по карманам в поисках сигарет, как к его услугам оказались несколько пачек самых разных марок, фирменная зажигалка, а также почетный и, кажется, вооруженный эскорт.

Художник, уверенно стоящий на позициях конформизма, даже немного расстроился, когда объявили конечную остановку. Дальше предстояло идти пешком.

Впрочем, путешествие от этого стало не менее комфортным. Несмотря на то, что погода, довольно прохладная для начала мая, не очень-то располагала к загородным прогулкам. Валерий прекрасно помнил, что у его «свиты» не было при себе никакого багажа, кроме пакетов из продуктового магазина. Но в нужный момент, как из воздуха, сгустились свитер, коврик с лебедями «ядерной» расцветки и все необходимое, чтобы приготовить достойный обед на природе.

Еду себе они брали в последнюю очередь, да и ели ли они вообще? Попытки девушек развести необычных спутников на более непринужденное общение ни к чему не привели. Даже когда они принялись строить глазки восточным парням, те проявили удивительную моральную устойчивость. Разочаровавшись, Лидусик и Василиса переключили внимание на неформального подростка, который оказался гораздо более разговорчивым. Один раз открыв

рот, он уже не умолкал. Пересказав все про мертвого бога, он принялся за жизнеописание индийского принца, которому вдруг приспичило вести праведный образ жизни, затем переключился на тибетских мудрецов и средневековых суффистов. Около трех часов спустя девушки уже жалели, что пробудили к жизни этот словесный фонтан. Потихоньку удрав от проповедника всех культов вместе, они были «взяты на абордаж» интеллигентным стариком. Тот принялся рассказывать об экспедиции в одну из среднеазиатских республик, из которой он вернулся совсем другим человеком. Самое удивительное в его жизни произошло, когда они навестили крохотную деревушку, стоявшую на дне давно высохшего озера...

Они шли целый день, и все время внутренний компас подсказывал Валерию, куда следует идти. Сперва двигались по шоссе, затем неожиданно свернули на полузаброшенную грунтовую дорогу, обошли по большой дуге какой-то поселок и дачное садоводство, пересекли заброшенную автобазу и углубились в совершенно необитаемую местность.

Путешественники шли до позднего вечера. Расположившись на ночлег на площадке, окруженной громадными валунами, они разожгли костер. Валерий, который в студенческие годы сходил в несколько загородных походов, удивился необычной форме очага. Посреди стандартного круга из камней был зачем-то поставлен еще один. Он был продолговатый, вкопанный вертикально вроде памятной стелы героям-летчикам, стоящей в сквере неподалеку от места прописки потомственного парадного портретиста.

Перед тем как разжечь костер, восточный муж-

чина, который был старше остальных, развернул и торжественно водрузил на центральный камень небольшую темно-зеленую статуэтку. Огонь вспыхнул, разом охватив кучу хвороста, смешанную с сухой травой и сухими зонтиками как у укропа только во много раз крупнее. Как по волшебству вокруг центрального камня, служащего постаментом для изваяния великого Ктхулку, оставалось пустое пространство, куда огонь не посмел распространиться.

От костра шел резковатый запах; сперва он казался неприятным, но потом кружил голову, будя воображение. Хотелось сидеть и любоваться, как сверкают крохотные золотые искорки на каменной поверхности, тщательно обработанной неведомыми мастерами, как сворачиваются в кулак, сгорая, листья, напоминающие ладошки. Казалось, еще немного, мертвый бог пошевелится и поднимет голову, чтобы одарить взглядом своих верных последователей.

Окружающая местность также воспринималась искаженной, перекошенной под несколькими совершенно немислимыми углами одновременно. Сквозь темноту начала проглядывать панорама какого-то диковинного города. Башни, непонятным образом наклоненные в нескольких направлениях сразу, дома, предназначенные явно не для людей...

— Лесной дурман — прошептала Василиса, устраиваясь рядом с молодым человеком. — Бабушка всегда клала его в подушки, говорила, от него сон хороший. А когда я бросила немного в печку, очень ругалась, ворчала, что угорим с него.

Бывшие строители расположились по другую сторону костра, сбившись в кучу подобно стае волков; в свете огня глаза их поблескивали: подобно глазам

хищных зверей. Лицо интеллигентного старика, еще недавно такое располагающее и благообразное, приобрело выражение фанатичного восторга, на старуху, которая время от времени подкладывала в костер травинки и веточки, невозможно было взглянуть без внутренней дрожи. Неформальный подросток, который наконец-то назвал себя, представившись Асмодеем, плавно раскачивался взад и вперед, сидя в позе лотоса. Судя по затуманенному взгляду, мысли его бродили где-то далеко.

Наутро, едва попив вместо закончившегося чая горьковатый травяной отвар, они так же целеустремленно тронулись в путь.

Время от времени в глубине сознания молодого художника вспыхивал огонек страха и сомнения. Что он творит? Зачем он забрался в эту жуткую глушь в компании каких-то проходимцев? Не лучше ли бросить все и бежать отсюда пока цел? Тут ведь если что и милиция не найдет... Но картина в его руках всякий раз будто оживала, точнее просыпалась, посылая ему телепатический сигнал. Да и молчаливые восточные мужчины почувствовав минутную слабость своего кумира, теснее смыкались вокруг него, у прочих же, включая благообразного старика, выражение глаз становилось уж вовсе жутковатым. То ли почетная охрана, то ли... От таких и захочешь — не убежишь..

Да и чего он вообще переполошился: все идет как надо, согласно утвержденному плану. Скоро великий Ктхулку вернется и весь мир будет принадлежать ему.

Валерий-старший, даже не догадываясь о внезапных переменах в судьбе сына, собирался в небольшую релаксационно-творческую поездку. Если быть совсем точным, целью путешествия была дача одного из бывших однокурсников с традиционным набором развлечений.

Он категорически запретил жене вызванивать и тем более разыскивать блудное чадо. Перебесится — сам приползет, хватит сидеть на родительской шее, давно пора самостоятельно ориентироваться в этой жизни. И понимать, что определенные правила соблюдать следует неукоснительно.

Дав руководящие указания, он уселся в серый фольксваген и направился на фазенду, находящуюся практически на самом берегу громадного озера. Помимо дачи-шашлыков-девочек, ожидалась импровизированная выставка картин и беседы об искусстве за бутылочкой горькой домашней наливки.

И опять Сквот-Таун

— Хреново дело, господа художники! — подытожил Эвенгар, старательно гася окурков в банке из под растворимого кофе. — Кажется, мы стоим на пороге нового Агмагеддона.

— Ты имеешь в виду всю эту ерунду со снами? — поинтересовался Аркадий, непроизвольно бросая взгляд на стену лестничной площадки. Рисунок древнего бога давно стерли, но даже сейчас, в виде бесформенного пятна, он производил по-прежнему гнетущее впечатление.

— Вообще-то он прав! — отозвался Юлий, терзая

очередной журнал. — Криминальную хронику хоть вовсе не читай: сплошные убийства, расчлененка, даже несколько случаев людоедства. В «Криминальных новостях» говорится, что весной у всех маньяков крышу срывает. Типа сезонного обострения. Но то, что творится сейчас — просто ни в какие ворота. Причем не только у нас, а по всему миру. Вот хотя бы последние новости...

— Но дело-то не в этом! — перебила Лиана, выдохнув клуб ментолового дыма. — Если произойдет все, что мы видим в ночных кошмарах, так ведь не будет и выставки и, тем более, ежегодного альманаха! И вообще ничего не будет!

— Ага, все будем пить, танцевать и жрать друг друга!

— Короче, кто как, а я направляюсь туда, на озеро! — решительно заявил Эвенгар. — Нельзя же сидеть сложа руки и ждать, когда вот это выползет наружу — добавил он, кивнув в сторону наполовину стертого рисунка.

— И что ты думаешь сделать, герой-одиночка?

— Ну не знаю, в фильмах на такую тему все меняет случайность. В принципе, у меня есть парочка армейских осветительных ракет. Хотел к Новому году заначить, но раз такое дело...

— Я с тобой — поднялся с места Фабрицио — герою-одиночке необходим спутник. А у меня, между прочим, по каратэ коричневый пояс. Когда выдвигаемся?

— В принципе, мне все равно, что произойдет с этим тупым мещанским миром — произнес Аркадий. — Но я очень не люблю, когда кто бы то ни было покушается на мою независимость... А после можно будет заняться этюдами. Как я успел запомнить из

последнего сна, пейзажи вокруг этого водоема очень даже клевые.

— А я уж лучше здесь. Если произойдет что-нибудь экстраординарное или администрация заявится с очередной внеплановой проверкой — навешаю им лапши на уши и сразу отэсэмэсю.

Заброшенная деревушка

Жрец-колдун, более полувека одним взглядом наводящий страх на соплеменников, не мог и предположить, что его жизнь изменится настолько внезапно. Оказавшийся на его месте современный человек сказал бы, что все пошло прахом или что жизнь стремительно понеслась под откос.

В тот день он совершил все необходимые ритуалы, чтобы древний каменный инструмент оставался в надлежащем состоянии, проверил, насколько хорошо содержатся те, кого в ближайшем будущем принесут в жертву мертвому Ктхулку. Оставалось лишь дожидаться ночной темноты и еще раз взглянуть на расположение звезд. Скоро, очень скоро они установятся надлежащим образом...

Все разрушило появление чужака. Само по себе это не было большой редкостью; люди из внешнего мира иногда забредали сюда. Одиночкам уже не суждено было вернуться, большие группы по разным неожиданно возникшим причинам обходили затерянную деревушку стороной.

Молодой мужчина в городской одежде повел себя, как хозяин, вернувшийся в свои владения по-

сле недолгого отсутствия. Ни слова не говоря и не обращая ни на кого внимания, он прошел деревню насквозь. При этом чужак ни разу не сбился с пути, как будто уже бывал здесь много раз. Более того, его сопровождало больше людей, чем пальцев на обеих руках. Людей, которые, подобно ему ждали явления великого Ктулху, спящего в своем подводном городе. Людей, от которых так и веяло звериной жестокостью и силой, на пути которой лучше не становиться...

В сопровождении толпы перепуганных жителей и ни на шутку озадаченного жреца колдуна, он направился напрямик в пещеру обрядов. Так же молча, пришелец развернул свою ношу и явил потрясенным взорам собравшихся красочный портрет великого Ктулху. Жителям деревни, не поддерживающей почти никаких отношений с цивилизованным миром, не случалось видеть ничего подобного. Застонав в благоговейном экстазе, толпа дружно рухнула на колени. Прислонив портрет к стене рядом с грубо выбитым в камне барельефом, Валерий, наконец, соизволил обратиться к ним.

— Внемлите мне! — торжественно заявил он, в глубине души удивляясь, как легко и естественно все у него выходит. — Они прилетели со звезд и принесли свои изображения. И только мне, осененному особенной благодатью и удостоенному высокого доверия, позволено изображать его величественный облик. Мы дождемся его возвращения и тогда все будут как верховные старейшины, все будут безудержно предаваться радостям жизни. Пх'нглауи мгав'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн.

— Пх'нглауи мгав'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл

фхтагн — хором пропели ему в ответ.

Если откровенно, Валерий не собирался особенно афишировать свое присутствие на берегу и уж тем более баллотироваться на должность местного пророка. Более того, заметив на горизонте нечто, отдаленно напоминающее человеческое жилье, он ощутил сильнейшее желание развернуться и бежать, куда глаза глядят.

Казалось бы, что может быть здесь страшного: поселок как поселок, вроде тех, где селятся не самые благополучные граждане или разочаровавшиеся во всем городские жители, принципиально отвергают достижения цивилизации. Как раз перед всеми этими событиями Валерий видел по телику передачу про таких вот чудаков, которые в начале двадцать первого века перешли на натуральное хозяйство и родоплеменной строй...

Вряд ли молодой человек смог бы объяснить, почему от нескольких сляпанных кое-как домишек на него внезапно повеяло такой жутью. Как будто деревушка, притаившаяся в небольшом пространстве между гранитными скалами, находилась одновременно близко и непостижимо далеко. Причем Валерию тут же почудилось, что, безо всякого сомнения, горизонтальная поверхность, на которой стояли жалкие строения, в любой момент готова опрокинуться, крутануться вокруг своей оси как крышка люка или полянка-ловушка из «Тайны третьей планеты». Будь открывшийся перед ним вид нарисованным, дипломированный портретист сразу бы сказал, что автор нарушил все мыслимые законы перспективы. И более того, явно переборщил с экспрессивностью в передаче цветовой гаммы.

Озеро, виднеющееся на заднем плане, не манило,

что было бы гораздо более естественным в весенний солнечный день после длинного утомительного пути, а, наоборот, властно притягивало взгляд, вызывая безотчетный страх. Сам вид сверкающей на солнце воды побуждал смотрящего против своей воли приблизиться на шаг, потом еще. Как удав, который, парализовав взглядом невезучего кролика, заставляет того самостоятельно залезть к нему в пасть... Или что-то большое и могущественное дремлет на дне озера, подзывая того, кто принадлежит ему и никуда не денется от своего хозяина.

Валерий, было, дернулся, чтобы полусерьезно спросить своих молчаливых спутников: «а может ну его нафиг, найдем себе другое местечко на берегу?» как старуха, все время пути держащаяся на заднем плане, приблизилась и зачем-то провела рукой по его спине и плечам, будто смахивая пыль с одежды. Последняя мысль о побеге исчезла, даже и не оформившись толком.

К тому же, у молодого конформиста едва ли не с самого начала пути присутствовало стойкое ощущение, что его ласково, но твердо ведут куда следует, как опытные милиционеры присмирившего хулигана. Вроде никакого насилия над личностью, наоборот, стелятся едва не ковриками, а вот только дернись в сторону... Хотя и эта догадка недолго отравляла ему настроение. Попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй, как говаривал когда-то Валерий-старейшина.

К деревне, которая оказалась даже ближе, чем представлялось вначале, он подошел твердым шагом. В любом случае, если продолжать аналогию со стаей, здесь он вожак, хоть, по сути дела и номинальный. А номинальная власть запросто может стать вполне ре-

альной.

*Дача
в Ленинградской
или какой-то другой области*

Праздник души и тела удался на славу. Рыбалка, которая принесла большое удовольствие и практически пользу соседскому Мурзику. Русская баня с нырянием в специально выкопанный прудик и мужскими беседами за «Выборгом» с соответствующей легкой закуской. Кстати появившиеся и вовремя исчезнувшие цыпочки из obsługi соседнего пансионата — все оказалось вполне на уровне.

Хозяин дома, сочетающий преподавание в художественной школе для взрослых с деятельностью свободного художника, знал толк в простых радостях жизни. Особенно тех, которые совершаются вдали от бдительного ока законной половины.

Творческая часть встречи также порадовала. На чердаке, оборудованном под мастерскую и личную мини-галерею, взорам гостей предстали пейзажи с местным колоритом, натюрморты, состоящие то из аппетитных плотвичек рядом с рыбацкими принадлежностями, то из крепеньких подберезовиков и брусники во всевозможных глиняных и плетеных емкостях.

— Да, недурственно! — подвел итог Кирилл Перинный — низенький толстячок, сам чем-то похожий на подберезовик, выглядывающий из мягкого лесного мха. — А эти сосенки ты чем прописывал? На плоскую кисть вроде не похоже.

— Берите проще — пальцами — довольно рассмеялся Геннадий Курилов, манерно сделав ударение на

последнем слоге. — А чего? Задача вполне решена, выразительность, как видите, достигнута.

— Дурют нашего брата, ох, дурют — процитировал классика разговорного жанра Юрий Ишкевич, внешне похожий на Перинного настолько, что на творческих тусовках их частенько принимали за близнецов и регулярно путали.

— Ну и подумаешь — обиделся хозяин дома. Вон, Айвазовский, думаете, чем писал морскую пену? Тряпкой об холст лупил и все дела! Ему можно, а мы что, лаптем щи хлебаем и ноздрями мух ловим?!

Когда творческий спор, грозящий перейти в вульгарное выяснение отношений, был погашен, наступила очередь хвастаться и для гостей. Разумеется, они привезли с собой не работы «живьем», что было бы трудновато, учитывая габариты произведений, а фото и почти готовый макет персонального каталога.

Ишкевич, который начинал в качестве декоратора, развернулся во всю ширь своей театральной души. Издали и в мелком формате его творения смотрелись очень даже ничего, особенно «Экстибиционист, поражающий дракона». Ярко-малиновый дракон, и в самом деле пораженный открывшимся перед ним зрелищем, издыхал буквально на глазах. Победитель гордо демонстрировал миру лучшее, что у него есть.

Валерий-старший хитро переглядывался с Геннадием: посетив знаменитую персональную выставку в музее лифтового оборудования, они как следует разглядели, чем пользуется Юрий в качестве материала для своих шедевров. Основой одного из них служил коврик производства Белоруссии, вытертый

буквально до белых ниток. На него были прикреплены скрученные жгутом и завязанные невероятными узлами женские колголки, треники, судя по всему, принадлежавшие самому живописцу и обрывки тюлевой занавески. Поверх всего этого наносился рисунок, причем, скорее всего, большой малярной кистью или даже шваброй.

У Перинного оказалась целая кипа фотографий размером в печатный лист. Каждая из этих неприязнительных с виду картинок таила в себе глубокий смысл, который расшифровывался в названии. Оно было старательно выписано в правом нижнем углу каждой из работ. Например, пара березок на пригорке именовалась «Явление бога Перуна в виде летнего пейзажа». Здесь же присутствовали «Явление бога Перуна в виде натюрморта из двух чайников», «Явление бога Перуна в виде цветка репейника»

— Эгоцентризм так и прет — не упустил случая поквитаться Курилов. — Извини, старик, но в твоей серии не хватает только «Явления бога Перуна в виде деревенского сортира жарким летом». — А как твои успехи, Валерыч? Все малюешь олигархов?

— А что остается делать — с шутивым огорчением развел руками представитель клана парадных портретистов. — Жена, если ее колготки употреблю на эпическое полотно, голову отъест. А теща за кухонную занавеску веником будет гнать до канадской границы.

— Кстати, как сынок? Радует?

— Да что вам сказать — трудный возраст. Когда все его ровесники влюблялись и открывали для себя несовершенство мира, он сидел спокойненько под маминой юбкой, а теперь, когда положено бы уже

перебеситься, его, видите ли, потянуло бунтовать.

— Да, хлопот с этой молодежью! И что же, в хиппи или панки подался?

— Да нет, на святое, поганец, замахнулся! Ну, вот скажите, разве так нас учили, чтобы тень на лице была зеленая? Нет и еще раз нет! — постепенно распаялся Валерий — А он, сосунок эдакий, еще вякает, что так выразительнее. Я его и выкинул коленом под зад из семейной мастерской, чтобы не позорил...

— Ну, это уж ты чересчур круто!

— Вы дальше послушайте. Он, видите ли, разобиделся и решил вовсе в свою мастерскую переселиться. Верно; сам ему и место подыскал, а вы что думали, этот себе самостоятельно даже билетов на концерт не закажет, ждет, чтобы родители все сделали. Приезжаю, чтобы пропесочить как следует: неделю дома не показывается, совсем от рук парень отбился и что, думаете, вижу?

— Как что — понимающе хмыкнул Перинный — Он у тебя молодой, кровь играет...

— Если бы! Это бы я понял, сам такие номера выкидывал, до сих пор вспомнить приятно. Одним словом, сам обо всем договорился; думал, надо ему на ноги становиться, связями обрастать. Короче, Герман Михайлович, вы знаете, кто он. Со своими, конечно, тараканами, но денег на удовольствия не жалеет. Сам этому щенку концепцию разработал, основную идею расписал, только возьми и сделай. И начал вроде неплохо...

— Ну и чего? И у него зеленую тень изобразил, где не надо?

— Коньяк у нас остался? Плесните кто рядом, про

такое на трезвую голову и не скажешь. Захожу, одним словом, а он почти законченную работу портит! Из господина Сартмана какую-то Медузу Горгону соорил. Ремня бы ему хорошего прописать, так ведь здоровый вымахал, еще сдачи даст. Вот и пусть теперь выкручивается, как знает, я его покрывать не стану. Тоже мне, революционер выискался!

Окрестности затерянной деревушки

Низкорослый старик, которого трудно было бы испугаться, встретив на темной улице, быстрым шагом удалялся от деревни. Жрец-колдун спешил покинуть родные места, пока соплеменники, которые столько лет трепетали от малейшего его взгляда, не расправились с ним в угоду новому. Точно так же он когда-то поступил с тем, кто посвятил его во все тонкости колдовского ремесла.

Он и сам пропустил то краткое мгновение, за которое из самого влиятельного человека деревни превратился в ненужного и даже опасного. Просто за всю свою долгую жизнь ему тоже не довелось видеть настолько красочного изображения божества. Даже изваяния, принесенные со звезд, не обладали такой завораживающей силой. Кроме того, люди, которые сопровождали избранного, были головы на две выше самого рослого из мужчин деревни и сложены настолько гармонично, что вызвали наивное восхищение у тех, кто почти не видел никого, кроме соплеменников. Те немногие, которые закончили свои дни, отправившись к духам предков во славу мертвого бога, не шли

ни в какое сравнение с незванными гостями. Жертвы имели жалкий вид, эти же не произнося ни слова, давали понять, что являются существами высшего порядка.

Зато он, много лет привыкший ходить по скользкому краю бездонной пропасти, вовремя почувствовал перемену в настроении деревни. Промедли он хотя бы на несколько ударов сердца, без сомнения, живым бы не выбрался. Впрочем, сила, помогающая завладеть мыслями и чувствами покорных и привыкших повиноваться, оставалась с ним. Значит, еще не все кончено. Без него им не видать благосклонности великого Кхтулку: никто не знает, где находится поющая труба, которая должна подать голос и придать сил вернувшемуся божеству. Он, жрец-колдун, единственный, кто владеет древней тайной. Он еще вернется сюда, вернется во главе еще большей толпы, готовой умереть за него и за великого Ктулху. И это будет еще до возвращения мертвого бога...

Покидая деревню, он не удержался от маленькой мести. Проходя мимо ямы, где сидели, дожидаясь своего часа, жертвы, он сдвинул тяжелую каменную крышку и спустил вниз одно из бревен, прислоненное к стенке ближайшего дома. Сидевшие в яме не заставили себя долго ждать. Они вскарабкались по сухому сосновому стволу с ловкостью серых лесных векш и устремились прочь от ужасного места. Впрочем, один из них задержался, чтобы ловким движением обшарить одежду своего спасителя. Найдя нож, с которым старик не расставался даже во время сна, тот довольно ощерился и исчез, бросив на прощание не-

сколько непонятных слов.

Но, как сверженный колдун смог увидеть из своего укрытия, далеко уйти им не удалось. Зайдя в несколько домов и наскоро насытившись найденным там, они оказались возле пещеры обрядов и заглянули туда. Стоило им увидеть принесенное чужаком изображение, как с одним из них случился припадок, подобный тому, какой скручивает тех, с кем пожелают говорить духи. Тело мужчины выгнулось дугой, а затем он рухнул на землю, плача и завывая, как раненая рысь, которая тщетно старается выбраться из ловушки. Вскоре изо рта его послышались непонятные слова. Судя по страсти, с которой повторялась одна и та же фраза, это была заклинание людей из внешнего мира.

— Век воли не видать! Век воли не видать! — выкрикивал несчастный, в то время как руки и ноги его скребли по жесткой земле.

Второй был не в силах придти на помощь своему товарищу. Осев на землю, он пребывал в полной неподвижности. Лицо его с полуоткрытым ртом и выпученными глазами напоминало изваяние, которые встречаются иногда в глухих местах, не посещаемых даже местными жителями.

Но, вдохнув дым болотного мха, который радует глаз легковерных путешественников крохотными белыми цветочками, оба успокоились и вскоре принялись вместе с остальными раскачиваться под звук барабана, повторяя фразу про мертвого бога, готового восстать из своего подводного города.

... Все равно, они не обойдутся без меня! — злобно думал жрец-колдун, старательно кружа и заматавая следы. — Только я могу обращаться с по-

ющей трубой, без меня она не издаст ни звука. И священный текст эти пришлые произносят из рук вон плохо. Растягивать слова нужно совсем не так и спешат, будто на пожар. Никакого толка от этих нынешних!

Дача персонального пенсионера

Бывший сотрудник одного военного ведомства, солидный мужчина, давно вышедший из юношеских лет, пребывал в несвойственном ему состоянии воодушевления и небывалого морального подъема. Нет, дело было вовсе не в появившейся на его горизонте симпатичной гражданке и не в многообещающем звонке с недавнего места работы. Все оказалось гораздо загадочнее. Если бы еще недавно кто-нибудь предположил, что с ним, убежденным материалистом, может произойти нечто подобное, шутник был бы послан по мужски кратко и конкретно.

Но тем не менее... Сперва ему казалось, что осталось несделанным что-то исключительно важное, вот только он отчего-то забыл, что именно. Перерыв все имеющиеся блокноты, он не нашел ничего достаточно важного без плюсика, означающего «исполнено». Внутри как будто загорелась тревожная красная лампочка. Где-то и какого-то числа он обязательно должен быть... Это не заседание и не встреча со значительным лицом. Что же в таком случае? Может быть, семейное? Но отношения с родственниками давно сведены к минимуму, поэтому о свадьбе или похоронах он бы не-

пременно помнил.

С течением времени беспокойство нарастало, как будто приближалось нечто грандиозное, почти неральное, вроде одновременной смены всего руководящего состава или... Нет, о таком он не позволял себе высказываться даже мысленно.

И все же что-то упорно не давало покоя. Василию Сергеевичу начало временами казаться, что статуэтка, без которой он ходил теперь разве что в уборную, раскалилась и готова прожечь в кармане порядочную дыру.

Режим дня, который тщательно соблюдался на протяжении почти сорока лет, трещал по всем швам. С наступлением темноты возникала непонятная бодрость, будто он провел день, валяясь на диване. Не помогали ни длительные пешие прогулки, ни колка дров для камина, ни даже импортные таблетки. Более того, бродя по берегу озера, Василий Сергеевич неожиданно ощутил сильнейшее желание идти прямо, в чахлый лесочек, через болота и дальше вперед, не сворачивая. Он уже начал всерьез беспокоиться, как вдруг настроение изменилось так же неожиданно, как и возникло.

Во время вынужденных ночных бдений он пытался писать мемуары, читать, смотреть передачи ночного канала, даже слушать музыку по почти антикварному радиоприемнику. Внутренний зуд даже и не думал утихать. Удивившись этому обстоятельству вслух, Василий Сергеевич обратился к своему единственному собеседнику за последнее время.

— Это что же получается, даже на пенсии человеку не отдохнуть! Судами не достали, так теперь мозги просвечивают. Ну, я им этого так не спущу, я позволю самому...

Не dokonчив фразы, он внезапно замолк. С каменным изделием неведомых мастеров не происходило ровным счетом ничего. Оно не ожило, не увеличилось в размерах, даже не начало фосфоресцировать, как это обычно происходит в фантастических фильмах. И, тем не менее, бывший сотрудник военного ведомства понял, что предстоящее мероприятие напрямую связано со статуэткой. О месте и времени проведения ему сообщат.

Дача Валерия-старшего

Уговорив одну за другой несколько бутылок рябиновой настойки, собратья по кисти принялись за коньяк «Семь звездочек». Сперва как водится, вспоминали студенческую молодость, затем речь пошла о свободе творчества и самовыражения. Хозяин дома доказывал, что даже в застойные годы можно было самовыражаться сколько душе угодно. Разумеется, не выходя за определенные рамки. Ишкевич и Перинный дружно вспоминали о худсоветах и разносах за идеологическую, а точнее, безыдейную направленность.

— Ты просто всегда умел хорошо устроиться — неожиданно для себя произнес Валерий-отец. — Твои караси с брусникой даже при культе личности бы прокатили. Чисто, гладко и придраться не к чему.

— Молчал бы со своими олигархами — вспыхнул Курилов, едва не рассыпав пепельницу. — Да у вас с тех самых времен семейный подряд. Не искусство,

а конвейерное производство.

— Сейчас я встану и дам тебе по морде — вяло прокомментировал представитель династии парадных портретистов, делая попытки подняться. Но сила земного тяготения, умноженная на количество выпитого, упорно не давали ему осуществить эту затею.

— Все, брек! Ну, правда, харе ругаться. Миритесь и давайте выпьем за это! — спешно вмешался Ишкевич.

— А чего он... — хором промычали спорщики.

— Старики, у меня родилась гениальная идея! — Перинный вскочил на ноги, в восторге потрясая вилкой с нанизанным на нее соленым грибом. — Вместо того, чтобы чистить друг другу фейсы, давайте решим проблему мирным путем. Устроим вечер набросков как в добрые старые времена.

— А кого рисовать? Не друг друга же! Модели еще вчера свалили.

— Ну, может тогда.... Бутыль из-под настойки, а рядом поставим...

— Нет уж, натюрмортами еще в академии наелись!

— И не пейзажи: хватит на сегодня бога Перуна во всех его проявлениях!

— Давайте что-нибудь нетипичное для всех, что-нибудь такое...

— Соседского барбоса у будки! А что: жизненно, а какая выразительность, особенно при виде кошки.

— Господа художники, предлагаю выйти проветриться и совместно поискать сюжет для наших будущих шедевров.

...Модель нашлась, едва они вышли на улицу.

Собственно, улицы никакой не было. Когда-то здесь располагался финский хутор со всеми полагающимися хозяйственными постройками, которые пришли к логическому финалу, превратившись в дрова для камина. Курилов особенно ценил отсутствие соседей как факт, положительно сказывающийся на творческом процессе. До ближайшего населенного пункта добрых двадцать минут пешком. Никаких назойливых посетителей, никаких случайных гостей, от которых в мастерской в городе просто житья не было.

Впрочем, человек, который ожидал их, вряд ли был случайным. Низкорослый старик, одетый как персонаж славянского фэнтези, будто заранее знал, куда и зачем явился. При виде изрядно подогретой компании он поднялся с пенька и сделал несколько шагов навстречу художникам. Компания на удивление дружно пришла к выводу, что перед ними самая подходящая модель, какую только можно вообразить.

Впрочем, старика не пришлось даже уговаривать. Улыбнувшись, отчего глаза его приобрели почти васильковую окраску, а кожа собралась в добрые морщины, он засеменял едва ли не впереди художников.

— Какой типаж! — восторженно прошептал Ишкевич. Был у нас один примадонн, играл царя Берендея, так перед этим он просто ноль без палочки.

— Брось ты, это же настоящий персонаж Толстого — так же тихо возразил ему Перинный. — Мужик от сохи, раздольная душа русского народа.

Валерий-старший ответил на эти восторги только ироническим хмыканьем, отметив про себя, что,

если старичка нарядить в дорогой костюм, умыть и причесать, смотреться он будет представительнее многих олигархов.

Не обменявшись больше ни одним словом, все поднялись в мастерскую. Хозяин дома, протрезвевший до нормального рабочего состояния, отодвинул к задней стене стол с остатками «банкета» и достал все необходимое для рисования. Мольберт здесь был только один, поэтому устроились все с фанерками на коленях, как ученики художественной школы во время летней практики.

Непонятный посетитель удивил и на этот раз. Войдя, он сразу уселся в резном кресле, которое хозяин дома обменял у одного местного умельца на ящик «Флагмана». Откинувшись на спинку и положив руки на подлокотники в виде сказочных львов, старик замер и, казалось, даже перестал дышать.

Художники, не теряя времени, принялись за дело. Как выяснилось, было уже далеко за полночь и через пару часов дневное освещение должно превратиться в вечернее со всеми его особенностями. Чем больше они старались передать на бумаге черты нежданного гостя, тем больше это занятие увлекало их. Весь мир будто исчез, все вместе они словно провалились в другое измерение, где не существовало ничего, кроме того, кто сидел перед ними, и листка бумаги.

Валерию отчего-то пришло в голову, что в молодости он мысленно делил своих моделей на тех, с кем хочется работать и на тех, где основным мотивом являлась более чем щедрая оплата. Потом ему, конечно, удалось достигнуть внутреннего компромисса... Перинному неожиданно вспомнилось, как

в самом начале обучения ему впервые пришлось рисовать обнаженную модель. Охватившее его при этом чувство стыда удивило его самого. Ведь он даже не думает о ней как о сексуальном объекте; если честно, эта толстушка ему даже и не нравилась. И все же вода, кусочком угля по ватману, он не мог отделаться от ощущения, что между ним и этой девушкой возникает очень тесная и совершенно ненужная близость. Как в вагоне метро в час пик, да еще летом, когда одежды на всех самый минимум.

Нет, ощущение, которое появилось сейчас, было совсем другим. Не произнеся ни одного слова и вообще никак не проявив себя, непонятный старик завладел их мыслями, как будто превратившись в некую призму, преломлявшую по своей воле их мироощущение.

Ишкевич едва ли не с самого начала чувствовал неодолимое желание пририсовать этому неприятзательному с виду дедушке не то нимб вокруг головы, не то внутреннее свечение, как на кришнаитских рисунках. Валерий помимо воли и приобретенного с годами цинизма ощущал, как его буквально распирает безграничное восхищение, переходящее в щенячий восторг. Перед его внутренним взором прошли пионерские линейки в школе и вожатая, которая звенящим от истерического напряжения голосом читала патриотические стихи. Перинный по привычке подумал, что явление вездесущего бога Перуна было бы самым достоверным в образе этого человека, посланного самим провидением. А потом у взрослых людей с солидным жизненным опытом синхронно возникло нечто вроде видения: они вернулись в раннее детство, кто-то большой, сильный

и невероятно мудрый взял их за руку и ведет туда, где им будет лучше всего. А им только и остается, что радостно перебирать ногами, стараясь поспеть за взрослым...

Завершив портрет, художники не сговариваясь, взяли еще по одному листу и принялись рисовать то, что им хотелось изобразить больше всего на свете. Казалось, руки сами выводят все на бумаге, в то время как разум с некоторым удивлением наблюдает за процессом со стороны.

Постепенно на половинках ватмана появилась фигура, как будто позаимствованная из кошмаров Босха. Силуэт, отдаленно похожий на человеческий, с мощными задними лапами и крыльями, украшенными длинными острыми когтями. Голова, представляет собой клубок перепутанных щупальцев, с которых капает мутная жидкость.

...Жрец-колдун был очень доволен. Чутье не подвело его; он нашел тех, кто способен сделать больше изображений великого Ктхулку, причем таких, которые подействуют на односельчан получше настойки из пятнистого гриба. А самозванец пусть убирается с позором! Или нет, его следует принести в жертву проснувшемуся богу. Пусть его предсмертные мучения насытят того, кто мертв и в то же время скоро вернется в этот мир. И никто никогда больше не посягнет на его власть над соплеменниками.

*Ленинградская
или какая-то другая область*

— Ты уверен, что мы движемся в правильном направлении? — в который раз спрашивал Юлий, забегая вперед и заглядывая в лицо важно шагающему Аркадию.

— Если сомневаешься — чего вообще с нами поехал! — не выдержал Фабрицио, изнемогавший под тяжестью громадного рюкзака.

Миссия спутника героев обязывает ко многому. А поэтому и речи не было о том, чтобы отправиться в путь без палатки, спальников и туристского котелка. Аркадий, высказав обычное презрение ко всякому мешанскому комфорту, ограничился покрывалом с дивана и запасом продуктов, состоящим из нескольких пакетиков чая и пачки овсяного печенья. Эвенгар как опытный путешественник, довольствовался набором самых необходимых предметов, уместившихся в небольшом рюкзаке с изображением волчьей морды.

— В конце концов, нам снилось одно и то же озеро, а другого, подходящего под описание, в окрестностях нет.

— Чего-то долго идем — продолжал нить мастер коллажей. — С утра все тащимся и тащимся, а никакого озера и в помине нет.

— Будет, уймись — попытался утихомирить его Эвенгар. — Сам же говорил, что вся городская печатная продукция тебе известна как стены собственного сортира. А представь себе, что мы набредем на заброшенную деревню, а там в домах полным-полно послевоенных журналов или плакатов про социалистическое соревнование. Твоим же коллажам цены не будет,

а точнее будет. В свободно вконвертируемой валюте.

— А заодно мир спасешь — язвительно добавил Аркадий. — Слушайте, а может, нам и правда, стоит задуматься о ночлеге? Не попремся же мы по темноте.

— Точно, только найдем местечко поуютнее. И, знаете, мне почему-то кажется, что кому-то одному по очереди нужно следить за обстановкой. Такое, знаете, пакостное ощущение, будто кто в спину смотрит.

— Ты бы еще больше ужастиков смотрел и особенно под водку! Подождите, у меня с собой туристская карта, правда, восемьдесят второго года. Думал сделать из нее основу для коллажа, но не нашел ничего подходящего... Короче, здесь должна быть турбаза, буквально в паре километров отсюда. Не исключено, что эту ночь проведем под крышей и даже на кроватях.

— Ага, с железными такими сетками, растянутыми наподобие гамака. Мне папахен рассказывал, как его в пионерлагерь отправляли...

— Кому не нравится, может считать звезды, хотя лично я предпочел бы спать за крепкими стенами и надежно запертой дверью. Нечего ржать, а то некоторые наслушались «русского шансона», а потом в каждом обычном слове видят невесть что.

Спустя примерно полчаса быстрой ходьбы перед подуставшими путешественниками и в самом деле предстало нечто вроде дачного домика. Для заброшенного строения он выглядел очень даже прилично. Даже часть окон оказалась застекленной, а не темнела черными провалами. Но, приблизившись, художники с трудом подавили желание развернуться и бежать отсюда как можно дальше и с максимальной скоростью.

Поляна перед домиком была вытоптана, будто здесь резвилось стадо быков или большая компания,

не испытывающая недостатка в дурмящих веществах. Посредине чернели остатки кострища. Судя по жалобно торчащим вокруг остаткам построек и спортивных сооружений, утруждать себя заготовлением дров участники веселья тоже не стали. Особенно сюрреалистически смотрелась почти целая скамейка, выглядывающая из кучи головешек. Из-под нее виднелся наполовину обугленный баскетбольный щит, из кольца которого торчали грабли.

Аркадий подошел, чтобы сфотографировать необычный натюрморт, но, приглядевшись повнимательнее, отпрыгнул, издав хриплый вопль.

— Ты чего? Змея что ли?

— Эти козлы... Вот уроды-то! Младенцев!

В самом деле, на отломанной крышке полированного журнального столика лежало нечто, более всего похожее на кадры криминальной хроники. Юлий, едва взглянув, бросился в кусты, где его буквально вывернуло наизнанку. Фабрицио трясся как под током, изо всех сил пытаясь что-то произнести. Наконец, сбросив рюкзак на землю, он развернулся и со всей силы ударил ногой по непонятно зачем торчащему здесь телеграфному столбу. Тот легко, как спичка, переломился.

Эвенгар подошел к ужасным предметам и вдруг... поднял за ногу один из трупиков.

— Ты что, совсем охренел?! — хором воскликнули все трое.

— Народ, это не настоящее убийство, это по игровому! Да расслабьтесь вы, здесь куклы. А вместо крови перемазаны чем-то, не то вином не то еще чем... Ну ни фига ж себе, оно было внутрь налито. Интересно, кто так развлекался? На сатанистов не похоже: у них другие приколы...

Осторожно приблизившись, остальные убедились в правоте его слов. Пупсы, которых даже вблизи запросто можно принять за настоящего ребенка, были просто разделаны под орех. Один полностью расчленен, другого раскромсали наподобие батона колбасы. Изобла еще одного торчало орудие преступления — впечатляющих размеров кухонный нож. Кукла продолжала беззаботно улыбаться, глядя в небо светло-голубыми глазами, до странности похожими на настоящие. Аркадий потянулся, было, за фотоаппаратом, заметив, что такой сюр украсит любую выставку фотоандеграунда. Но на полпути остановился и скорчил брезгливую гримасу.

— Нет, это уже чересчур. Всему должна быть граница, даже беспределу.

— И все же, кто тут так красиво отдыхал? — спросил Фабрицио, высматривая, что бы еще такое сломать, чтобы окончательно восстановить душевное равновесие.

— А вот и разгадка — заявил Эвенгар неожиданно серьезно. — Значит, мы не напрасно со всем этим заморочились, вот что я вам скажу.

На корпусе старого лампового радиоприемника, содержимое которого, зачем-то выдрали и разбросали вокруг, стояла небольшая фигурка, сделанная не то из пластилина, не то из оконной замазки. Взорам путешественников предстал старый знакомый, в последнее время постоянно фигурировавший в кошмарных снах обитателей Сквот-тауна и, судя по всему, не только его.

— Знаете что, пошли отсюда — снова вступил в разговор Аркадий. — Эти маньяки могут оказаться где-то поблизости. А в моем сне они такое вытворяли совсем

не с куклами.

— Процесс пошел.

— Ага, очертания все зримее, а контуры все отчетливее.

— Тогда и вправду следует поторопиться, пока всему миру не настал... решительный момент.

На следующее утро, едва проснувшись, они совершили марш-бросок, достойный солдат самого специального подразделения.

Опять дача персонального пенсионера

Ожидание становилось невыносимым. Где-то идет подготовка к важнейшему мероприятию, а про него как будто забыли. И ведь нет номера телефона, чтобы позвонить и деликатно напомнить о себе, нет адреса, куда можно послать открыточку, поздравить с каким-нибудь наступающим праздником.

И все же назначенная дата приближалась: в этом не было никаких сомнений. Анализировать обстановку его в свое время научили неплохо, а сейчас факты настолько очевидны, что прямо бросаются в глаза. Удивительно, что какой-нибудь умник из общественной организации не догадался сложить два плюс два. К тому же с некоторых пор в окружающей обстановке возникло напряжение, различимое лишь на уровне интуиции. Напряжение, которое не может пройти само собой.

Теперь он, несмотря на воспитанную годами выдержку, не мог заниматься ничем другим. Едва проснувшись, он отправлялся бродить по окрестностям. Возможно те, кто должен его известить, тогда быстрее найдут его. Поэтому, когда вдали показалась процессия из старика, похожего на резидента, вынужденного скрываться в медвежьем углу и четырех мужчин, явно находящихся под гипнотическим воздействием, он с первого взгляда все понял. Догнав их, пошел рядом со стариком. Все же субординацию никто не отменял, а он хоть и на пенсии, а человек в системе далеко не последний.

Никто из целеустремленно бредущих за страшноватым предводителем не спросил, кто он такой и чего ради пристроился к ним; никто даже не покосился в его сторону. Но привычка, за десятилетия службы въевшаяся в плоть и кровь, взяла свое. Вынув из внутреннего кармана пиджака фигурку, он предъявил ее главному тем жестом, каким раскрывают красную книжечку или произносят: «Это со мной». Тот кивнул, чуть заметно усмехнувшись. Так же без слов Василий Сергеевич понял, что следует поторопиться и что по пути к ним присоединятся остальные участники мероприятия.

*Ленинградская
или какая-то другая область*

— Я вот чего не понимаю — произнес Эвенгар, отхлебнув из котелка чай с плавающими на поверхности сосновыми иголками. — Сущность, которая вот-вот должна заявиться в наше измерение, спит в своем доме в городе Рльехе. Знаете, я в свое время неплохо изучил историю родного края, все что касается легенд и преданий. Не было здесь никаких древних цивилизаций, Атлантида и то в другом регионе.

— Погодите, а как насчет подземных ходов, то есть подводных? Может город где-нибудь у берегов Америки, а этому со щупальцами для чего-то загорелось приплыть сюда. — рассудительно заметил Фабрицио, безуспешно пытаясь принять позу «собака смотрит вверх».

— Ты еще скажи, что у него здесь дача — хихикнул Юлий, разглаживая на коленях старый «Огонек», подобранный среди остатков турбазы.

— Но Атлантиды же вообще не было, это легенда! — не выдержал кто-то.

— Между прочим, по официальной, то есть мифологической версии Ктулху тоже не существует, а вот, пожалуйста, не сегодня-завтра заявит о себе и перевернет мир с ног на голову.

— Заявит, если ему не помешать. Насколько я понимаю, договориться здесь будет нереально — коллективное помешательство, жертвоприношения и все такое — продолжил Аркадий, старательно вылавливая бамбуковыми палочками остатки макарон из своей миски. — А я не потерплю, чтобы

кто-нибудь накладывал на меня свои щупальца. В отличие от всяких обывателей, я слишком ценю независимость личности...

— Тогда что же остается — уничтожить его? Он вроде и такдохлый...

— Ну, насколько я понял из последнего сна, это далеко не первая попытка его явиться в наш мир. Удавалось же как-то раньше с ним справиться. Кстати, никому об этом ничего не приснилось? Придется импровизировать на ходу. Ладно, не впервой.

*Озеро
в окрестностях
затерянной деревушки*

На озеро, к которому приближалась компания обитателей Сквот-Тауна, приехали любители дайвинга. Ничего не подозревая о событиях, которые вот-вот должны до неузнаваемости изменить лицо мира, четверо менеджеров среднего звена радовались возможности на пару дней сменить обстановку и целиком посвятить себя любимому занятию.

Собственно, для рыбалки было еще рановато: рыба толком не пробудилась от зимних холодов, да и температура воды не располагала к погружениям. Но для тех, у кого есть сильное желание во что бы то ни стало открыть сезон, плюс имеется качественный гидрокостюм и снаряжение, приобретенное не на блошином рынке, дело обстоит намного проще.

Игорь Василевский, старший по должности, а заодно лидер в группе дайверов-любителей, по тра-

диции совершил первое погружение. Остальные ожидали его на берегу, в который раз проверяя снаряжение и обмениваясь шутивными замечаниями.

В отличие от них, Игорь до недавнего времени каждое лето проводил у этого озера и знал в этих краях каждую тропинку и каждое дерево. Позже, когда родители, несмотря на все его просьбы все же продали бабушкин дом, регулярно приезжал сюда с палаткой на неделю-другую. Что же касается самого озера, то он мог бы, при желании составить подробное описание его течений, рельефа дна, поведения рыбы в зависимости от погоды и разновидности растущих на дне водорослей. Да что там течения; за многие годы он до тонкостей узнал все, что касается каждой из лежащих на его дне «достопримечательностей». Видеть своими глазами довелось далеко не все: от одного берега до другого более десятка километров, зато историй, связанных с этим, он знал предостаточно.

Неподалеку от закрытого пляжа, на приличной глубине, лежит остов грузовика, утопленного в пятьдесят каком-то году, когда пытались наладить паромную переправу. В паре километров от него — катер директора рыболовецкого хозяйства. Когда-то он на полном ходу врезался в одну из опор бывшего моста, еле видную над водой. Недавно присланному из города начальнику как-то позабыли о них сообщить... Незадолго до рождения Игоря над опорами в целях безопасности установили буйки, но металлические шары регулярно срывались со своих мест и к радости окрестных ребятишек, оказывались на берегу в самых неожиданных местах. Поговаривали, что таким образом мстит всем неуспокоенная душа

директора рыбсовхоза, которого так и не смогли поднять на поверхность.

А неподалеку от другого поселка, ныне практически заброшенного, на дне должен быть спрятан самый настоящий клад. Еще во время революции богатый купец Терентьев утопил на самом глубоком месте сундук с золотыми царскими червонцами. Несколько раз, уже на памяти Игоря, приезжали водолазы, но всякий раз возвращались ни с чем. Наверное, сундук за это время успело затянуть илом. Требуется специальное оборудование, а доставить его сюда будет стоить едва ли не дороже содержимого сундука ...

В северной части озера есть три крохотных островка, куда они с мальчишками частенько плавали сначала играть в потерпевших кораблекрушение, а потом, сидя у костра, пугать друг друга жуткими историями. Рассказывали, что был еще и четвертый остров, на котором стояла церковь. Построил ее на свои средства отставной ротмистр Вахрамеев — жуткий пьяница и дебошир. Получив богатое наследство, он внезапно ощутил склонность к праведному образу жизни.

Но когда на реке, впадающей в озеро, построили электростанцию, уровень воды резко повысился, размыло песчаную почву, и церковь оказалась на дне. Согласно рассказам старожилов, здание опустилось в целостности-сохранности, а если этому краю будет грозить большая беда, колокол на ней должен сам собой зазвонить. Но, сколько они ни ныряли, ни церкви, ни колокольни найти не удалось. А тихий звон, которым мальчишки пугали друг друга, мог раздаваться откуда угодно: по воде любой звук слышен на очень большом расстоянии.

Игорь натянул гидрокостюм, еще раз все проверил и плавно вошел в воду. Всякий раз он чувствовал, что попал в совершенно другой мир — тихо, спокойно, никто не достает срочными и важными звонками, никто вокруг не толпится. Разве что рыбешки стремительно проплывают, поблескивая серебристыми боками.

Сначала он, как всегда наведается к затопленному мосту, а затем — к подводной пещерке, где они когда-то мечтали найти клад, а потом уже в студенческие времена сложили в ржавый железный бак целую кучу ракушек и зеленых винных бутылок. Получился вполне себе клад.

Как хорошо: вода еще чистая, не взбаламученная купальщиками и любителями устраивать гонки на катерах, к которым в последнее время добавились и аквабайкеры...

Это еще что за ерунда? Мощные бетонные опоры, столько лет остававшиеся целыми и невредимыми, представляли собой жалкое зрелище. Мох и водоросли, которыми они поросли, были частично содраны и болтались вокруг зелеными лохмотьями. Бетон покрылся сетью глубоких трещин, некоторые куски вывалились, открыв взгляду ржавые перекрученные железяки. Значит, все-таки дошли руки у господина мэра ликвидировать постоянный источник аварий. Хоть один не забыл о предвыборных обещаниях. А то и в самом деле, забудешь да и врежешься не хуже покойного директора рыбсовхоза.

Но перемены на этом не закончились. Проплыв немного вперед, Игорь с удивлением заметил, что отмели, которую он помнил едва ли не с тех времен, как научился плавать, больше не существовало.

Вместо нее зияла глубокая подводная яма. Посветив внутрь фонариком, он не смог хотя бы приблизительно определить, ее глубину. Неужели кому-то снова стрельнуло в пятку искать сундук купца Терентьева?

Продолжая недоумевать, Игорь направился в сторону островков, стараясь держаться подальше от омута с очень дурной славой. Обитающие здесь русалки только и ждут, кого бы затащить к себе, а потом требовать по всей форме алиментов... Но и здесь тоже все теперь по-другому. Не стало водорослей, коричневыми нитками тянущихся вверх, затопленного парома, даже громадного бетонного куба, который всегда служил ему ориентиром.

Сколько Игорь не вглядывался в открывшуюся перед ним картину, он не мог подобрать слов, которые бы верно передавали увиденное. Вода гораздо больше, обычного искажала перспективу и все очертания. Как будто во сне он видел это совсем близко и в то же время как в бинокль, перевернутый другой стороной. К тому же, все разламывалось на множество плоскостей и углов, направленных в разные стороны как на картине безумного и агрессивно настроенного художника.

Из илистого дна торчали обломки стен, сложенных из громадных темных камней. Причем тщательно обтесанные глыбы обтекаемой формы выглядели как новенькие — к ним не пристало ни одной ракушки, ни одной ниточки водорослей. Более того, несмотря на то, что на странные подводные развалины не падал ни один солнечный луч, внутри каждого камня поблескивало что-то похожее на солнечный зайчик, заблудившийся в его толще.

Прямо перед изумленным очевидцем возвышался кусок арки из странного материала, похожего на темное стекло. Чуть дальше находилось то, что Игорь видел одновременно и как циклопических размеров каменное яйцо, и как развалины цитадели.

Сделав небольшой круг и вернувшись на то же самое место, пловец с изумлением обнаружил, что теперь взгляду открыты не два ряда удивительной кладки, как было еще недавно, а четыре с небольшим. Башня, в которую запросто мог бы поместиться целый стадион, прямо на его глазах поднималась из глубины.

Что здесь может происходить? Вода, очертания дна — все стало совсем другим. К тому же плотва, которую раньше здесь хоть руками лови, куда-то разом подевалась. Неужели землетрясение? Нет, все совершенно спокойно, никаких подземных толчков. Ничего, кроме этого непонятного строения, которое лезет на поверхность, как будто обладая своей собственной волей.

За состояние здоровья Игорь был абсолютно спокоен: последний глоток виски сделал больше недели тому назад. Вообще, перед выездом на озеро он старался вести максимально трезвый образ жизни. Без таблеток от головной боли и прочей химии тоже старался обходиться.

— Неужели у меня крыша поехала? — пронеслась непрощенная мысль. — Переутомление, несколько совершенно безумных заседаний подряд, да еще развод этот...

Но тут он почувствовал нечто, пронизавшее каждую клеточку его тела. Наверно, больше всего это было похоже на ультразвук или психотропное из-

лучение, которым охотно пользуются спецслужбы. Что-то большое и сильное, дремлющее там, под слоем песка и ила, властно звало его. Нечто подобное Игорь испытал, когда его в третьем классе вызвали к директору и два года назад, направляясь «на ковер» к президенту фирмы.

Но ни директор школы, ни президент фирмы не могли сделать так, чтобы он, Игорь Василевский, двадцать семь лет, образование высшее экономическое, перестал существовать. Его, чемпиона курса по подводному ориентированию и победителя в конкурсе на лучший бизнес-план, намеревались попросту стереть, оставив безвольную оболочку, пригодную лишь для исполнения простейших функций. Или вовсе не оставить...

Вскоре он с ужасом понял, что, несмотря на все старания покинуть опасное место, он медленно, по сужающейся спирали движется прямо к центру подводной крепости. Непонятно откуда возникшее течение мягко, но неотвратно тащило его туда. Может быть, ему снова показалось, но дно внутри каменных стен зашевелилось как кусок теста, который месит невидимая рука. Вскоре кроме зова, он явственно услышал слова, звучащие со всех сторон одновременно, будто на дне озера установили множество мощных динамиков.

— Пх'нгуи мгла'нафх Ктулху Р'льех вгах'нага фхтагн — без конца повторяло множество голосов: мужских и женских, надтреснутых стариковских и совсем детских. — Мертвый Ктулху спит, ожидая своего часа. Скоро весь мир будет принадлежать ему.

Игорь уже начал думать, каким способом если не спастись, то хотя бы дать знать остальным, чтобы

не лезли в воду, когда неожиданно появился шанс на спасение. Насквозь проржавевший корпус рыболовного суденышка поднялся со дна и, увлекаемый тем же потоком, врезался в стену непонятно откуда возникшего здесь громадного строения. Игорь готов был поклясться, что увидел нечто похожее на щупальце осьминога, только увеличенное в сотню раз, если не больше. Щупальце мелькнуло, как пушинку смахнуло то, что когда-то называлось «Бродягой», и снова исчезло в илистом дне.

На какое-то мгновение зов перестал звучать, а подводное течение исчезло, будто его никогда и не было. Игорь изо всех сил заработал руками и ногами и вскоре как пробка из бутылки вылетел на поверхность.

Погружения пришлось отменить. Из путанных эмоциональных объяснений Игоря, друзья сделали вывод, что какой-то из располагающихся неподалеку заводиков спустил в озеро галлюциногенные химические отходы.

По всему миру

Звезды и прочие ночные светила, двигаясь по своим небесным дорогам, все же приняли положение, как в том году, когда обнаружили почитателей странного и страшного культа и как во множестве других раз, отмеченных не менее ужасными событиями.

Как будто разом лишившись рассудка, люди совершали поступки, которые всю последующую жизнь безуспешно пытались стереть из памяти. Полиция

многих городов сбивалась с ног, стараясь предотвратить вспышки нечеловеческой жестокости, возникающие беспричинно и там, где это менее всего ожидалось. Лучшие умы, посвятившие себя расследованию загадочных преступлений, совершенных теми, кому, должно быть, чужда всякая логика и доводы разума, оказывались бессильны разрешить эту загадку. Те же, кого извлекали из подвалов заброшенных зданий, куда не отваживались заходить люди, окончательно не лишённые благоразумия, не могли дать связного объяснения своим немислимым поступкам. Подобно неразумным созданиям они повторяли несколько заученных наизусть фраз о мертвом боге, спящем в своем доме. Те же, кто руководил отправлением ужасного культа, не попадались в руки хранителей порядка или по непонятной причине умирали, едва сев в полицейскую карету.

За несколько минут до полудня звезды заняли определенное положение. Если бы кто-нибудь догадался изобразить их на бумаге и соединить линиями, получилась бы фигура, отдаленно напоминающая ту, что столько ночей подряд тревожила сон многих тонко организованных натур.

Опять затерянная деревушка

Жрец-колдун вступил в свою деревню в сопровождении целой свиты. Четверо шедших сразу за ним мужчин, на лицах которых застыло выражение фанатичного восторга, несли изображения великого Ктулху, сделанные с не меньшим искусством чем

первое, так поразившее всех. Пятый же, преисполненный важности, нес статуэтку, одну из немногих, которые принесли с собой прибывшие со звезд. Десяток следовавших за ними людей, случайно встреченных по дороге, не испытывал, никаких чувств, кроме желания во всем повиноваться служителю спящего бога.

Жрец-колдун был доволен собой. Теперь он готов изгнать чужака и привести соплеменников к полному повиновению. Он и никто другой проведет обряд встречи проснувшегося бога.

Но на главной площади деревни, у входа в пещеру для ритуалов, никто и не думал сожалеть об его отсутствии. Соплеменники, не спросив позволения, разожгли священный костер и кружились в танце, который может исполняться лишь в тот день, когда глаз дневного бога начинает взирать на людей дольше, чем длится ночная тьма.

Что они творят, неразумные! — ужаснулся жрец-колдун.

День, предшествующий появлению великого Ктулху, должен был пройти вовсе не так. Но никому кроме него, старейшего из служителей мертвого бога, не были ведомы обряды и некому было, кроме него, сказать правильные слова. Слова, которые надлежало повторять, пока волнение на озере не известит о возвращении того, кого ждало не одно поколение жителей деревни.

Молодой чужак, захвативший место главного жреца и не имевший никакого понятия о том, что следует делать в такой великий день, восседал на подобии трона, грубо вытесанном из цельного ствола старой ели. На лице его ликование и торжество

временами сменялись выражением полной растерянности. Казалось, лишь он один среди всех не попал под власть священного экстаза. Значит, чужак и в самом деле не лишен колдовской силы, раз сохраняет ясность рассудка. Это даже хорошо — кивнул сам себе свергнутый глава деревни. — Вот рассудок сейчас и обернется против него.

Жрец-колдун остановился напротив дерзкого и вперил в него взгляд, который обычно заставлял сильнейших мужчин деревни ползать на четвереньках и пожирать землю. Прошло несколько мгновений, потом еще несколько. Усилия, которых, казалось, было достаточно, чтобы обратить чужака в пылающий факел, как будто проваливались в пустоту.

Более того, упрямый юнец даже не смотрел в его сторону. С изумлением, злостью и некоторым испугом он взирал на одного из его недавно обретенных последователей. Тот же, будто очнувшись от глубокого сна, в ответ пожирал его презрительным взглядом. Глядя на них по очереди, жрец-колдун поразился сходству одного и другого.

Неожиданно старый колдун понял, что означал ответ духов, данный ему во время гадания: «каменем, о который ты споткнешься, станет целое, считающее себя разделенным». Отец и сын, полагающие себя более чужими, чем берега бурной реки. Ничего, у него хватит сил победить их!

Но не успел он произнести и слова, как его окружило несколько странного вида мужчин, прибывших с чужаком. Напрасно жрец-колдун старался подчинить их своей воле; с таким же успехом он мог бы попытаться заставить плясать каменных истуканов. Те же, кто пришел вместе с ним, стояли,

безучастно взирая на происходящее.

Тем временем отец и сын, позабыв обо всем на свете, набросились друг на друга:

— Бездарность! Возомнившее о себе ничтожество! Ты на что замахиваешься, сопляк?!

— Мастоодонт, заплесневелый формалист! Я избранный, а ты способен лишь малевать всяких почетных маразматиков, удостоенных прижизненной мумификации. Тебе никогда не добиться его милости! И не тычь мне в лицо своим черновиком! Тьфу мне на него!

— Как ты посмел плюнуть на изображение великого Ктулху?!

— Скоро весь мир будет принадлежать ему, и тебе, жалкому ремесленнику, не будет там места. Пх'нглауи мгав'нафх Ктулху Р'льех вгах'наг фхтагн. — неожиданно произнесли оба одновременно, испепеляя друг друга взглядами.

Воспользовавшись тем, что все отвлеклись, слушая перепалку избранного и его отца, жрец-колдун схватил ближайшего стража и впился ему в шею крепкими острыми зубами. Тот пронзительно заверещал подобно попавшему в капкан зверьку. Остальные попытались освободить жертву, но безуспешно.

Жрец-колдун наконец отбросил от себя полуживого мужчину. Довольно облизываясь, он чуть отступил и встал во главе своих спутников. Те же, сгрудившись за его спиной, принялись что-то выкрикивать, потрясая рисунками и выказывая желание, во что бы то ни стало ворваться в пещеру обрядов. Но путь им преграждали те, кто пришел первыми.

Пожилой мужчина в строгом костюме вытащил

из кармана тускло поблескивающий пистолет и выстрелил. Один из стражей упал. Растрепанная старуха, завывая подобно взбесившейся гиене, прыгнула вперед, выставив руки с длинными ногтями, выкрашенными в ядовито-розовый цвет. Но жрец-колдун лишь покосился, в ее сторону и злобная фурия отлетела как сухой лист под порывом осеннего ветра.

Один из тех, кто еще недавно сидел в яме, ожидая ужасной смерти, выхватил нож и кинул его в стрелявшего. Мужчина уклонился с ловкостью, неожиданной для его возраста и комплекции и оружие глубоко вошло в стену дома. Благообразного вида старик с неожиданной яростью разбросал в разные стороны черноволосых стражей, рухнул на четвереньки и попытался укунить за «пятую точку» оказавшегося перед ним Перинного. Но тот отскочил, едва не сбив с ног остальных, а старик с жалобным воем принялся шарить по земле в поисках вставной челюсти.

Жители деревни изумленно взирали на происходящее, не спеша принимать чью-либо сторону. На их безобразных лицах, где причудливо смешались черты жителей Черного континента и тех, кто надеется после смерти вступить в чертоги одноглазого бога, отражалась непривычная работа мысли.

Одному из противоборствующих они привыкли безусловно подчиняться с первых дней жизни, точно так же как подчинялись их предки. Другой тоже был избранным, отмеченным милостью того, кому скоро будет принадлежать весь мир. Но постепенно каждый, будто подталкиваемый чем-то изнутри, присоединялся к той или другой группе. Обряд в честь возвращения проснувшегося бога грозил обер-

нуться всеобщим побоищем...

Внезапно раздался звук, похожий на стон гигантского, бесконечно страдающего, существа. Забыв о недавних распрях, все бросились на берег озера.

— Он просыпается! Надо встретить его!

— Поющая труба! Она должна подать голос! Скорее! — запоздало вспомнил жрецколдун. Он рванулся, было, туда, где находился вход в тайную пещеру, но толпа бегущих сбила его с ног. Последнее, что уловило его угасающее сознание, был звук ритуального барабана. Хотя бы это не забыли...

*На дне озера
рядом с затерянной деревней*

В своих подводных владениях медленно пробуждалось ото сна создание настолько древнее, что помнило мир, когда моря и континенты имели совсем другие очертания, когда самые древние из известных ныне государств еще не были основаны, а Атлантида не погрузилась в морскую пучину.

Много столетий назад он и подобные ему пустились в далекий путь. Тот, кто теперь именовался богом Ктулху, вряд ли смог бы вспомнить планету, бывшую ему домом, и причину поспешного бегства. Они летели с далеких звезд, взяв свои изображения, содержащие частицу силы и мудрости их цивилизации, чтобы не забывать, кто они.

Одни из сородичей не перенесли тягот путешествия и были выброшены в холодное бесконечное пространство. Другие, лишившись рассудка от тес-

ноты и недостатка пищи, набрасывались друг на друга в коротких, но яростных стычках. Превзойдя всех прочих по силе и кровожадности, без колебания пожрав последнего из спутников, он стал единственным, кто достиг цели путешествия.

Увидев обитателей планеты, прилетевший со звезд испытал нечто похожее на радость: те были во многом подобны низшим созданиям, служившим пищей его расе на далекой родине. Ментальной силой, которой щедро были наделены звездные странники, смог он пробудить в их душах невероятную жестокость, безудержное желание получать удовольствие всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Тот, кому они теперь поклонялись, принося обильные и кровавые жертвы, внушил своим последователям, что отныне им даруется право удовлетворять любые свои низменные желания во славу его.

В городе, построенном руками множества человеческих созданий, счастливых оттого, что труд их угоден великому Ктхутку, казалось, сами камни пропитались кровью жертв, а торжествующие вопли тех, кто творил жертвоприношения и звуки, сопровождающие самое разнузданное празднество, не смолкали ни днем, ни ночью.

Все больше людей начинали исповедовать культ бога, упавшего со звезд, пребывая в наивной уверенности, что делают это добровольно, без малейшего принуждения. Во многих уголках мира в храмах и на площадях стояли теперь изображения, прибывшие вместе с ним. Были они притягательны для многих людей, пробуждая в их душах все, что было в них темного и греховного с точки зрения любого из цивилизованных верований. Ничего не хотелось

им отныне, кроме как веселиться и истреблять друг друга, угождая своему кумиру. Он же в своем городе, именуемом Рльехом, торжествовал, пожирая их кровь и плоть, ужас и похоть, поклонение и безумие. Так будет всегда, и весь мир станет принадлежать ему...

Но однажды планета, которую он считал своей, вздрогнула, сойдя со своего пути. Глубокие трещины раскололи земную твердь, целые континенты ушли под воду, а там, где плескались морские волны, возникли новые земли. Всей силы нового божества, способной подчинить множество человеческих созданий, оказалось недостаточно, чтобы остановить это бедствие. Над Рльехом сомкнулись морские волны, а сам он, погруженный в глубокий сон, не мог его покинуть. Последователи великого Ктхулку, рассеянные по всему миру, гонимые и преследуемые, затаились в ожидании, когда порядок вещей вернется на первоначальный путь.

Все, что смог он внушить своим последователям, хранившим принесенные со звезд изображения — следует ждать, когда небесные светила сложатся определенным образом. Тогда сможет он восстать во всей ужасающей славе и величии. Весь мир будет снова принадлежать ему, а тех, кто ожидал его, он достойно вознаградит. А пока что он спал в своих подводных владениях, и силы его подкрепляли жертвы, которые приносили верные последователи втайне от непосвященных. Он слышал звук своего имени, многократно повторяемый в самых глухих и недоступных уголках мира. Творили это потомки тех, кто поклонялся ему когда-то, а также те, кто, встретившись однажды с исповедующими культ

мертвого бога, навсегда присоединились к нему.

И вот теперь, после многих столетий ожидания, звезды снова сошлись определенным образом. Он готов был откликнуться на зов, он чувствовал ожидание тех, кто знал, что скоро мир снова изменится. Но слишком крепким и долгим был его сон, слишком много времени понадобится ему в этот раз, чтобы восстановить силы. После мгновения досады, пришло воспоминание о диковинных инструментах, изготовленных ждущими его. Звук поющей трубы будет приветствовать вернувшегося бога и придаст ему сил. Вот-вот он должен зазвучать...

Но время шло, а зов, который был так ему нужен, все не раздавался. Более того, проснувшийся бог не ощущал присутствия жертв, которые должны быть принесены, стоит ему лишь показаться над водой. Он мог бы утолить голод теми, кто неразумно оказался поблизости, но не пристало подобному ему добывать пищу. К тому же, будто почувствовав опасность, человеческие существа не показывались в пределах досягаемости.

Полный гнева и недоумения, мучась от голода, тот, кого называли мертвым богом, покинул подводную цитадель из звездного камня. Сперва из-под песка и ила показался клубок щупалец, затем медленно вытянулась покрытая чешуей фигура, стоявшая на двух мощных лапах. Громадные крылья чуть раскрылись, унося их обладателя на поверхность.

Его не встречают как должно — что же, тем хуже для тех, кто пренебрег своими обязанностями. Он воздаст всем по заслугам, а потом весь мир будет принадлежать ему.

С другой стороны озера

— Ну, вот мы и на месте, даже почти не опоздали!

— А ты уверен, что имело смысл обходить эту деревушку? Такое ощущение, что она как раз должна оказаться в центре событий. Да и в барабан там колотят не просто так — заметил Фабрицио, машинально разминая руки.

— Ты что, считаешь себя настолько крутым, чтобы справиться одновременно и с inferнальной сущностью, и с озверевшей толпой? — поинтересовался Эвенгар, дотрагиваясь до висевшей на шее руны.

— Гм, даже не знаю, что противнее. Никогда не понимал, какой кайф в том, чтобы ощущать себя частью толпы — отвечив Аркадий тоном утомленного аристократа. Присев на вывороченную давним ураганом сосну и вооружившись зеркальцем и старомодной опасной бритвой, он тщательно обихаживал свои усики и остроконечную бородку.

— Смотрите, начинается!

Поверхность озера, гладкая и спокойная, как и положено в безветренный день, внезапно забурлила, вспучилась посредине гигантским пузырем, который лопнул с оглушительным треском. Затем вверх ударила струя воды наподобие фонтана. Вскоре показалось нечто похожее на гигантского осьминога серо-зеленого цвета. Щупальца, длиной не меньше мультяшного питона, тянулись из воды, колотя по ее поверхности и поднимая волны величиной с двухэтажный дом.

Несколько аквабайкеров, которых угораздило именно сегодня устроить гонки, выжимали все воз-

можно из своих машин, торопясь к спасительному берегу. Пловец, который только что рассекал воду неторопливым «кролем», теперь, казалось, вообразил себя живым электромотором.

Самоходная баржа со щелчком, отчаянно сигналив, пыталась свернуть как можно дальше от опасного места. Даже без бинокля можно было видеть, как пожилой дядька в тельняшке изо всех сил крутит рулевое колесо, что-то крича в переговорное устройство. Несколько рыбаков вплавь направлялись к берегу, бросив свои надувные лодки, беспомощно болтающиеся кверху дном.

— Ну и дела! Да он еще крупнее, чем я думал. Ох, блин, если это только голова, то какого размера все остальное?

— Нашел время философствовать. Ой, вот это чудище! Еще страшнее, чем во сне!

— И где эта твоя случайность, которая должна ему помешать? Самое время предпринять что-нибудь кардинальное.

— Народ, да это вылитый кракен! Дэви Джонса бы сюда с его «Летучим Голландцем»!

— Без паники! Вот, смотрите!

В руках Эвенгара оказалось два картонных цилиндра длиной с руку до локтя. С каждого свешивалось по куску «суровой» нити.

— Осветительные ракеты, настоящие армейские. Черт, зажигалку не могу найти. У кого спички?

Несколько томительных секунд все сосредоточенно рылись в карманах. Наконец Юлий с торжеством извлек антикварный коробок спичек. Таких давно уже не делают: из тоненьких деревянных пластинок, оклеенный синей бумагой и с цветной этикет-

кой «Общество юных пожарников».

— Из заброшенной сторожки, на печке лежали. Я подумал, что это если приклеить на обложку «Огонька» а рядом присобачить... Мамочки, это что, щупальце?! Сейчас до нас достанет!

Толстая спичка с непривычно темной головкой упорно не хотела зажигаться, но с четвертой попытки как бы нехотя исторгла из себя крохотный язычок пламени. Наконец огонек медленно, будто нехотя лизнул сперва один, затем другой нитяной хвостик. Немного подождав, чтобы дать им разгореться, Эвенгар подбросил картонные цилиндрики вверх. Один за другим они устремились вверх, рассыпая по дороге гроздь разноцветных ослепительных искр. Где-то на высоте двенадцатизэтажного дома раздалось нечто похожее на удар грома, только усиленный во много раз. Сразу же на том месте возник светящийся ярко-зеленый шар, прекрасно различимый даже при дневном свете. Не успел шар потускнеть и рассыпаться, как раздалось втрое «бум», и ясное майское небо украсилось кроваво-красным облаком, подозрительно напоминавшим атомный гриб.

Но существо, прибывшее в незапамятные времена из другой галактики, даже не замедлило своего движения. Скорее всего, тот, кого называли теперь богом Ктулху, подумал, что неразумные последователи, спохватившись, решили заменить этим фейерверком звук Поющей Трубы. Медленно и неотвратимо являло оно замершим от ужаса очевидцам свой ужасающий облик.

— Безполезняк! Оно еще хуже разозлилось.

— Эх, сюда бы банального динамита, которым браконьеры рыбу глушат.

— Ему это как слону лимонад, лучше подводную лодку с ракетами земля-воздух!

— А больше у тебя ничего нет из армейского арсенала? Ну, хоть баллончик «черемухи»!

— Идея! Если вылить в озеро паленой водки литров под сто, точно, должно подействовать. Только времени катастрофически не хватает. Да и денег нет на такое количество спиртного... Смотрите, какое потрясающее освещение! И блики на воде; ну почему, когда надо, фотоаппарата никогда не бывает под рукой!

Случайность, которая неизменно спасает главных героев в любом фильме-катастрофе, на этот раз выступила в виде самоходной баржи «Трезвый». Он следовал к железнодорожной станции с грузом промышленных отходов, которые привели бы в ужас любого специалиста-эколога.

Несмотря на возмущение общественности, многочисленные письма в различные влиятельные организации и клятвенные заверения очередного кандидата в депутаты, на северном берегу озера продолжал функционировать заводик, известный под названием «Грампластинка». Если придерживаться фактов, то пластинки на нем давно уже не выпускали. Основной его продукцией являлись полиэтиленовые пакеты, разнообразные контейнеры и цветочные горшки, по цвету похожие на керамические.

Почти каждые два-три года на заводе случался несанкционированный выброс химических отходов или утечка сырья. Тогда ближайший пляж объявлялся закрытым, рыбалка на прилегающей территории строго запрещалась, а для пущей убедительности не-

сколько дней берега патрулировали милиционеры с собаками. Но каждый раз все возвращалось «на круги своя» — завод снова производил разного рода ширпотреб, детишки играли валяющимися повсюду кусками разноцветной пластмассы, а экологическая обстановка каждый раз выправлялась сама собой. Или почти выправлялась... Во всяком случае, рыба оставалась вполне съедобной, несмотря на то, что после каждого выброса претерпевала внешние изменения. А что кошки ее упорно отказываются, есть — так забаловались, наверно, привыкли к сухим кормам...

Но на этот раз прозвучало «последнее китайское предупреждение» — если хоть одна капля отходов окажется в озере — завод будет окончательно закрыт, а ответственные лица отправятся улучшать экологическую обстановку в зоне вечной мерзлоты. Поэтому химически активный порошок с труднопроизносимым названием засыпали в трюм сухогруза и благонамеренно отправили к месту утилизации. Упаковать в герметически закрытые мешки? Ой, я вас умоляю! И так работать некому, еле-еле заказ выполняем.

Посудина, загруженная значительно больше, чем полагалось по всем инструкциям и нормативам, не спеша направлялась к месту назначения. А куда торопиться? Если бы за срочность премию пообещали, тогда другое дело. И зачем делать два рейса, когда можно обойтись одним. По радио обещали ясную безветренную погоду, а инженер по технике безопасности все равно уже который день не просыхает, дорвавшись до запасов халявного спирта.

До середины пути добрались без особых сложностей. Но, стоило кому-то из команды облегченно

вздохнуть, как ни с того, ни с сего, разразилось самое что ни на есть стихийное бедствие. На совершенно спокойной акватории появились волны величиной не менее четырех баллов, потом раздался гром с ясного неба. Мало того: оглушительный звук сопровождался не менее впечатляющим видеоэффектом.

Рулевой Икошкин в ужасе отпрянул назад с пронзительным визгом:

— Марс атакует! Все, сейчас нас будут завоевывать! Пришел конец земной цивилизации!

Оставив свое рабочее место, он упал на четвереньки и, добравшись до двери каюты, принялся отчаянно дергать ее, причем не в ту сторону.

— На место, балда! — раздался усиленный микрофоном голос. — В армии, что ли, не служил? Это всего навсего...

Но любителю сериала про звездные войны не суждено было в этот раз узнать, что же он на самом деле увидел. Никем не управляемый водный транспорт развернуло перпендикулярно курсу, а затем понесло туда, где из воды выросло такое, чего не случалось видеть ни в одном ужастике. Хуже всего оказалось то, что вокруг гибрида Лох-Несского чудовища с гидротурбиной крутился настоящий водоворот, увлекающий за собой все, что оказывалось в пределах досягаемости.

В довершение всех неприятностей руль намертво заклинило, и оставалось либо дожидаться печальной развязки, либо спешно покинуть терпящее бедствие судно. Не сговариваясь, команда в полном составе предпочла второй вариант. Аварийная шлюпка с поистине рекордной скоростью понеслась к ближай-

шему берегу.

Никем не управляемая баржа медленно, а затем все быстрее направлялась прямо к эпицентру катаклизма. Волны захлестывали, швыряли тяжело груженое судно из стороны в сторону. Казалось, еще немного, и «Трезвый» перевернется подобно пластмассовому кораблику, с которым играет ребенок, пытаясь воспроизвести в ванне океанский шторм.

Внезапно одно из щупалец поднялось во всю длину над бурлящей водой и подобно гигантскому хлысту ударило по корпусу судна. Металлическая обшивка лопнула, как резиновый мячик под колесом автомобиля. Разломившись на две части, водный транспорт начал погружаться в воду. Ярко-желтый порошок, которым был доверху набит трюм, высыпался наружу. Оставшись на поверхности воды, опасный груз превратился в подобие острова, который увеличивался с каждым мгновением. Слой химически активного вещества становился все толще и, наконец, покрыл значительное пространство воды пленкой цвета генетически модифицированного одуванчика. Вскоре над ним показался белесый дымок, а кое-где — даже язычки розовато-лилового пламени. До спрятавшихся между прибрежными валунами путешественников донесся явственный запах сероводорода, которым сопровождалась эта масштабная химическая реакция.

Существо, поднимающееся из глубины озера, ожидал более чем неприятный сюрприз. Впрочем, подобное случалось с ним не впервые. Время от времени человеческие существа пытались оказать ему сопротивление и даже наивно полагали, что смогут его уничтожить. Когда-то давно горстка безумцев встретила его дождем стрел, в более поздние вре-

мена — чугунными ядрами с нескольких кораблей. Кости этих гупцов, скорее всего, до сих пор лежат на дне теплого моря, служа убежищем для разнообразных подводных тварей...

Пленка, которая с каждым мгновением становилась все прочнее, облепила клубок беспорядочно держащихся щупалец, сковывая движения и не позволяя держаться на поверхности. Более того, ее прикосновение обжигало кожу древнего существа, разъедало крылья и чешую. Мощные когти напрасно пытались разодрать эти непонятно откуда взявшиеся путы; вместо этого только увязали еще больше. Если бы мертвый Ктхулку нуждался в воздухе для дыхания — он бы сейчас испытывал сильнейший его недостаток. Но самого ощущения едкого кокона, неумолимо сжимающегося вокруг, оказалось достаточно.

Издав пронзительный вопль, от которого листва разом облетела с прибрежных деревьев, а птицы в радиусе нескольких километров замертво попадали на землю, прибывший со звезд устремился в спасительную глубину.

— Иесс! Получилось! — радостно завопил Юлий, прыгая не хуже горного козла.

— Что не нравится? Добро пожаловать в двадцать первый век!

Но это был еще не конец злоключений проснувшегося бога. Одна из половинок «Трезвого», тяжело опустившись на илистое дно, потревожила снаряд, который больше пятидесяти лет ожидал своего часа. И как вскоре выяснилось, не один, а в обществе себе подобных.

На поверхности озера выросло сразу несколько водяных столбов высотой примерно до третьего этажа.

Волна, которую породил взрыв, едва не слизнула с берега компанию художников, снесла ветхую пристань в паре километрах и утащила за собой несколько лодочных сараев со всем содержимым.

Далеко отсюда на шоссе Игорь Василевский резко затормозил и остановил свой «ауди» у обочины.

— Послушайте, а ведь это на нашем озере. Как чувствовал, что открывать сезон пока рановато.

— А говорил, что все боеприпасы подняли еще в пятидесятые.

— Значит, не все, а, может, течением принесло. Там подводных течений и всяких ходов видимо-невидимо. Приезжал как-то индивидуй, думал книжку обо всем этом написать, а покрутился недельку, плюнул и назад свалил.

Между тем, волнение на озере постепенно успокаивалось. Всюду плавали расщепленные доски, какие-то непонятные обломки. Вверх дном покачивалась совершенно целая резиновая лодка в окружении стаи рыб, плавающих брюхом кверху.

К берегу прибило несколько полупрозрачных зеленоватых чешуек; каждая по величине могла бы быть использована в качестве блюда для «наполеона». Аркадий нагнулся и поднял одну из пластинок, отливающих на свету серебристо-черным. Покрутив в руках, он протянул ее Юлию.

— Возьми, для коллажа пригодятся.

— Да ну, не хочется чего-то. Лучше на обратном пути поищем старой полиграфической продукции.

— Кажется, мы убили Кенни... Но мы не сволочи.

— Понятненько, некоторые «Южного парка» пересмотрели.

Тот, кого называли мертвым богом, удирал с не-свойственной ему прытью. Под водой ему, наконец, удалось освободиться от ядовитой пленки. Но не успел он возобновить свою попытку всплыть, как раздался ужасный грохот, будто целая планета разлетелась на мелкие осколки. Вода рядом с ним забурлила, устремляясь наверх. Мощной волной древнее существо, прибывшее со звезд, отбросило далеко за пределы подводной цитадели.

Тем временем звезды и прочие небесные светила медленно расходились, не составляя более фигуры, благоприятной для возвращения великого Ктулху. Ускорил дело некий искусственный спутник, который, выполняя свою задачу, прошел таким образом, что мистическая фигура оказалась перечеркнутой.

Первым это почувствовал мертвый бог. Ктулху не ожидал, что что-нибудь здесь в состоянии удивить его. Пока он спал в своем подводном городе, здесь все изменилось, а люди стали другими. Что же, он сумеет дождаться, когда все вернется на свои места. Люди опять станут покорны и весь мир снова будет принадлежать ему. Он дождетя, а ждать он умеет.

Сложив крылья, он нырнул в одну из тех подводных пещер, в которые опасались заплывать даже местные мальчишки. Один из ходов, петляющих и разветвляющихся на невероятной глубине, должен привести к озеру еще больших размеров, с удивительно чистой водой. Там, в подводном гроте, ничто не потревожит его сна, кроме того, неподалеку в непроходимой лесной чаще живут верные последователи. Они смогут встретить его как должно. К тому же, во многих уголках мира его имя по-прежнему

будуповторять, и в честь его будут приносить жертвы. А эти глупцы пусть не надеются занять место среди избранных. Во время грандиозного пира, который устроят в его честь, они будут присутствовать исключительно в качестве угощения.

Снова затерянная деревушка

Толпа, собравшаяся у самой кромки воды в маленькой бухте, которую невозможно разглядеть даже вблизи, постепенно разбредалась.

Жители затерянной деревушки, на лицах которых причудливо смешались черты жителей Черного континента и северной страны, возвращались к своим домам. Они снова будут ждать его; ожидание испокон века составляло смысл их существования. Может, все даже и к лучшему: если бы он вернулся — кого бы они тогда ждали?

Изрядно помятый жрец-колдун, проводив их взглядом, направился в пещеру, откуда можно было привести в действие поющую трубу. Когда мертвый бог вернется в следующий раз — все должно быть исполнено, как следует. Пройдя несколько шагов, он обернулся и мысленно окликнул одного из подростков. Просияв, тот устремился вслед за ним. Теперь, он станет служить самому Ктулху и никто не сможет запретить ему купаться сколько захочется и поедать незрелые ягоды.

Главный человек деревни снова обрел своих подданных а что касается чужаков, то они ему были больше не нужны. Волноваться о том, что тайна по-

селка окажется раскрыта, было нечего. Пришельцы из внешнего мира раз и навсегда забудут то, чему были свидетелями. Скоро им захочется уйти отсюда, а дорогу еще раз они вряд ли сыщут, даже если очень захотят.

Те, кого жрец-колдун привел с собой, как флейтист замороженных музыкой крыс, стояли посреди площади, предоставленные сами себе. Пожилой мужчина, в облике которого угадывалась военная выправка, четко развернулся и ни на кого не глядя, направился прочь. Важная и секретная миссия выполнена, иначе он не стоял бы здесь живой и здоровый. Что же касается того факта, что он не может вспомнить, в чем она заключалась — значит, на то имеется соответствующее распоряжение. В своем ведомстве, название которого даже самые благонамеренные граждане опасаются произнести вслух, Василий Сергеевич насмотрелся на тех, кто пытался вспомнить, что не положено. Нет уж: головная боль и сильное расстройство желудка ему не нужны. Какой-то предмет, который он нес с собой, тоже исчез: значит, так было нужно. А теперь должно вернуться по месту жительства и ожидать нового задания.

Перинный с Ишкевичем изумленно глядели по сторонам. Интересно, куда это их занесло. Кажется, они собирались на этюды, как в добрые старые времена. Только вот что здесь делает Валерий-младший и почему он смотрит на отца таким зверем? Ладно, пусть они выяснят отношения, а тем временем можно поделаться наброски. Вокруг столько интересной природы. Вот, к примеру, кривая сосенка, торчащая из узкой щели между двумя гранитными валунами.

Чем не явление бога Перуна в виде кривой сосны?

Ишкевич же увидел перед собой совершенно потрясающую фигуру для новой композиции. Это была старуха, с которой не шли ни в какое сравнение все киношные ведьмы и даже Баба-Яга, которой он боялся в детстве. Она грациозно полулежала у входа в жутковатого вида халупу, из двери которой шел дым, и обмахивалась шелковым веером. Чем не аллегория кокетства? А если выполнить ее в виде тряпичного барельефа да еще пустить в дело кружевную комбинацию жены...

Геннадий Курилов уже давно был погружен в работу. Обменяв на зажигалку у кого-то из местных жителей почти не мятый лист оберточной бумаги, он торопливо намечал панораму деревни. Какой потрясающий рельеф местности! И что творится из-за него с перспективой: она буквально разламывается в нескольких местах. Все новоявленные экспрессионисты, сиюминуталисты и им подобные сгрызут от зависти свои кисточки. А цветовая гамма при этом должна быть максимально реалистичной. Как говорили на лекциях по психологии изображения: противоречие не должно сразу бросаться в глаза, иначе зритель не окажется перед необходимостью разгадывать тайну...

Валерий-старший и Валерий-сын неожиданно оказались одни возле парадного портрета спящего бога, прислоненного к камню у входа в пещеру ритуалов. Оба одновременно почувствовали некоторую неловкость, как человек, которого застают за постыдным занятием.

— А мальчик, кажется, повзрослел — поймал себя на мысли Валерий-старший — и чувство собствен-

ного достоинства прорезалось. А я уже опасался, что так и останется размазней, плывущим по течению.

— А папахен-то способен на человеческие чувства, — поразился Валерий-сын — вон как своим наброском размахивал, не хуже чем футбольный фанат флагом. Никогда бы не подумал, что у него в голове что-нибудь кроме заказов и выгодных клиентов.

Нечаянно глянув друг другу в глаза, оба смутились еще больше. Каждый увидел что-то неожиданное и достойное симпатии в человеке, которого, казалось, знал как облупленного. Неловкое молчание грозило затянуться. Первым нашелся старший:

— Дай-ка еще раз взгляну. Знаешь: внутреннюю сущность господина Сартмана тебе вполне удалось передать. Именно так он выглядит с точки зрения конкурентов и бывшей жены. Только, согласишься, вряд ли ему захочется платить за такой портрет... А что, это идея: предложи-ка его госпоже Сартман-первой. Только на меня не ссылайся, сам понимаешь. А вообще перспектива и цветовая гамма соответствуют, концепция также хорошо продумана. Молодец, скажу искрененно: порадовал. Неужели сам до всего дошел?

— Спасибо, пап. Да просто вдруг понял, что меня с детства тошнит от парадных портретов и захотелось создать что-нибудь такое...

— Думаешь, я тебя не понимаю? Не такой уж твой отец и заплесневелый мастодонт. Самому сколько раз хотелось пририсовать какому-нибудь богатому идиоту рога или что-нибудь в таком духе. Вот просто до дрожи в щупальцах. А та оперная знаменитость, которой приглянулся твой этюд — самой

под семьдесят, а все молоденькую из себя корчит! Я придал ей некоторое сходство с одной из татушек, той, темненькой. Только это не сразу видно, надо присмотреться, как следует. Сам минут пять не мог разогнуться от смеха. Может, присоединишься к нам, и твои друзья тоже?

— Спасибо, но мы пешком до Кузнечного, а дальше на электричке. У одних начинается сессия, другим на работу.

...Возвращаться Валерию-младшему пришлось в обществе Лидусика и Василисы. Строители из какой-то южной республики по просьбе местного населения задержались на пару дней. Как объяснил их начальник на плохом русском языке, но зато, не стесняясь в выражениях — выполнять миссию по улучшению генофонда. А то его подчиненные совсем сбесятся без женского общества, а здешним обитателям, которые много поколений подряд женятся друг на друге, грозит полное вырождение. Старинный освященный веками обычай, выполняемый с незапамятных времен... Кстати, а не хочет ли он сам принять участие в полезном и приятном мероприятии и подарить кому-нибудь из местных женщин красивого ребенка?

Неформальный подросток, называющий себя Ас-модеем, ушел в гордом одиночестве, даже не оглянувшись. Переговорив с кем-то по сотовому, он выяснил, что неподалеку — километрах в пяти отсюда на северо-восток — тусуются его друзья, повернутые на индейской культуре. Так что он направляется прямо туда, где племя Серого Бизона поставило свои вигвамы.

Старик, который так и не расстался с продук-

товой авоськой, застенчиво попросил у Курилова показать ему дорогу до ближайшего населенного пункта и одолжить небольшую сумму на проезд до города. Жутковатая старуха, одернув свои лохмотья с таким видом, будто на ней был наряд из последней коллекции крутого бутика, решительно направилась в сторону дачного поселка. За ней последовали присоединившиеся позднее, чьих имен никто не удосужился спросить.

— Валерик, спасибочки — радостно верещала Лидуся, вешаясь на шею юному конформисту и чмокая его в обе щеки. — Классная тусовка, а что это было — инсталляция или экспериментальный перфоманс?

— Обалдежненько! — вторила ей Василиса. — Мы так здорово повеселились и все благодаря тебе. А салют и водное шоу были просто чудо! Жаль только, что концерт не состоялся. А кто должен был приехать?

— «Светик-семицветик» — с трудом выдавил из себя Валерий — совместно с «Тролями».

Молодой человек смутно помнил, что притащил сюда этих трещоток не просто так. Вроде бы, он собирался подстроить наивным созданиям какую-то пакость, чуть ли не скормить кому-то... Нет, скорее всего, не собирался, а просто мечтал об этом когда они доводили его до белого каления своей болтовней, пока он делал с них наброски. Но все равно он не переставал ощущать какой-то дискомфорт, поэтому безропотно слушал их болтовню, угощал шавермой и мороженым.

Парадный, то есть сатирический, портрет банкира Сартмана остался у отца. Таковую удачную работу он доставит в город на своей машине. А потом лич-

но договорится с бывшей госпожой Сартман. В который раз прокручивая в памяти разговор с отцом, Валерий вдруг пришел к выводу, что иногда очень даже полезно отказаться от роли конформиста. А может даже и не иногда... Решено: вернувшись в Сквот-Таун, он примкнет к самой антигламурной художественной группе.

На обратном пути

Компания спасителей мира добралась назад без особых приключений. Точнее, приключения приняли совершенно иной характер. После того, как мертвый бог то ли впал в очередную спячку на несколько веков, то ли вовсе раздумал являться в наше измерение, все вокруг стало восприниматься как-то беззаботнее, во всяком случае, ощущение тяжелого взгляда, уставившегося тебе в спину, бесследно исчезло.

Поэтому художники без страха полезли в заброшенный бункер и, смастерив самодельные факелы, обследовали полузатопленные коридоры и помещения, заваленные бетонными обломками. Юлий разжился неплохо сохранившимися обрывками газеты времен культа личности, а Фабрицио выковырял откуда-то работающий амперметр.

— Недурное местечко! — заметил Аркадий, когда они поднялись на поверхность и, расположившись на поляне, принялись готовить варево из последних оставшихся бомж-пакетов и заячьей капусты. — Когда все меня окончательно достанут — вот здесь и поселюсь.

— Это поначалу кайфово, а через недельку-другую соскучишься — возразил Эвенгар. — У нас в тусовке одна дева на спор целый месяц прожила в лесу; доказывала, что она настоящая дриада. Подружка ей таскала еду, на сотовый деньги кидала. Так ее потом целый год за город было не вытащить. Нет, здесь было бы классно устроить игру по какому-нибудь героическому фентези. То ли готовое подземелье чародея, то ли застенки инквизиции.

Так же без особого волнения они пересекли заброшенный поселок, где все оставшиеся дома выглядели настолько аварийными, что не вызывали никакого желания проникнуть внутрь. Потом, пройдя несколько километров по заросшей грунтовке, которая на карте восемьдесят третьего года именовалась дорогой районного значения, оказались на шоссе, а затем — в салоне автобуса, следующего в город.

...Сквот-Таун встретил их целой лавиной новостей. Первую порцию обрушила на вернувшихся путешественников Лиана, которую они встретили в холле, возле недавно открывшейся «лавки художника», соседствующей с ларьком одноразовой посуды. Оказывается, за время их отсутствия много чего произошло.

Ходила комиссия, проверяла жилищные условия работников художественного труда. Хитрая авангардистка на всякий пожарный заглянула в их мастерские чтобы спрятать запрещенные кипятильники и электроплитки. А то вдруг конфискуют как в тот раз, когда они все вместе снимали мансарду в виде нежилого фонда. А в нежилом фонде, как известно, можно только работать, а пить кофе, готовить еду и спать категорически запрещается.

Только все получилось наоборот: узнав, что ни чай-

ников, ни электроплиток ни у кого нет, в каждую мастерскую выделили по фирменному чайнику и кухонному мини-комбайну. Заодно попросили как следует подготовиться к посещению иностранных туристов — сделать интерьер мастерских более декоративным и продумать костюмы, которые соответствовали бы представлению широкой публики о внешнем облике художника.

В пустующий этаж, который мэрия объявила находящимся под своей юрисдикцией, заселили целую кучу жильцов. Далеко не все имеют отношение к изобразительному искусству, зато появилось много прикольного народа. Например, в дальней части коридора напротив курительной площадки соседствуют штаб-квартира художественной группы «Колорадские жуки» и редакция журнала-обозрения «Керосин». Это покруче, чем магазин «Титаник» рядом с «Айсбергом».

— И вообще, в новой галерее «Конюшня» скоро открытие выставки — тараторила Лиана — а у вас всех, настолько я знаю, еще конь не валялся. Ой, ребята, я же такое создала, по-моему, на это должны обратить внимание! К тому же, говорят, на открытии будут представители художественного альманаха... Ну, если звезды займут определенное положение.

Одним словом, как написали бы в титрах старого фильма, жизнь покатила дальше.

У двери в подвальный этаж Сквот-Тауна собралась целая толпа. Около месяца назад было решено устроить здесь почти некоммерческое арт-кафе. Собственно, сама идея принадлежала господам из

мэрии, но ведь это только идея, по чистой случайности совпавшая с настроением масс.

На стихийно возникшем субботнике из подземных помещений вынесли кучу самого разнообразного хлама. Впрочем, на помойку отправилось меньше половины: большинство предметов так и просилось стать частью натюрморта, коллажа, инсталляции или украшением мастерской.

— Ничего вы не понимаете, это же винтаж — важно объяснял Аркадий, бережно прижимая к себе заросший пылью репродуктор-тарелку — это вам аромат эпохи, а не современная попса. Апчхи!!!

— Ой, вот это сюр! — радостно верещала Лиана, вытаскивая из разломанного ящика бархатную гардину, украшенную потеками и пятнами ржавчины. — Это же такое!

— Что, правда, круто? — интересовался кто-то из новеньких. — Тогда беру себе этого фарфорового зайца. А ничего, что это у него одно ухо отбито?

— Так еще трансцендентальнее! — импровизировали в ответ. — Это особая порода одноухих зайцев с повышенным художественным вкусом.

— А здесь крысиная мумия в мышеловке! И еще одна! С ними-то что делать, тоже в инсталляцию?

— Нет, крыс мы похороним во дворе, они станут добрыми призраками, охраняющими этот дом.

...Пустое помещение со сводчатым потолком и крохотными окошками под потолком выглядело еще более впечатляюще. Как-то само собой выяснилось, где лучше всего расположить эстраду, где — посадочные места, а где мини-кухню для приготовления салатов и горячих бутербродов. Но кирпичные стены с остатками синей краски, осыпающейся, как

драконья чешуя во время линьки, и кусками сырой штукатурки, отваливающимися, стоит чуть дотронуться, выглядели недостаточно концептуально. Их требовалось очистить от поздних наслоений и расписать таким образом, чтобы каждому входящему стало ясно — перед ним настоящий рассадник свободных художников.

Не успел никто заявить о своем желании участвовать в оформлении, как вперед выскочил... Валерий, известный под негласным прозвищем «яппи от искусства». У него прямо сейчас родилась концепция, как сделать помещение кафе не похожим буквально ни на что.

— А ты в курсе, что это без денег? — недоверчиво произнес кто-то.

— А мне это фиолетово, параллельно и по барабану! — беззаботно ответил бывший уверенный конформист. — Не все измеряется деньгами, втыкайтесь, чуваки?

Несколько последующих дней Валерий, в компании с недавними спутницами, а также некоторыми студентами младшего курса, буквально дневали и ночевали в подвальном помещении. Позже к ним присоединилась авангардистка Лиана. При чем оформление будущего кафе происходило при закрытых дверях, что было объявлено неотъемлемой частью концепции. Попытки разглядеть, что творится, неизменно терпели неудачу. Увидеть можно будет только в готовом виде и только целиком, а то пропадет весь эффект.

Наконец тяжелая, обитая ржавым железом, дверь распахнулась перед сгорающими от любопытства соседями. Зрелище и в самом деле оказалось

не для слабонервных. Всю противоположную стену занимало изображение спящего бога, прибывшего со звезд. Только фигура, наводящая раньше на всех ужас, теперь выглядела как нечто гротескное и мрачно-веселое вроде комикса для подростков.

Великий и кошмарный Ктулху полулежал на пухлой подушке с кружевной наволочкой. В одном из его щупалец был зажат сотовый телефон, другим он держал зажженную сигарету, третьим — нажимал кнопки на пульте от телевизора, где шла трансляция футбольного матча. На каждом из когтей, украшающих полураскрытое крыло, было нанизано по хотдогу, другим крылом он тянулся к стоящему рядом ящику пива. Причем ближайший коготь заметно мутировал в открывалшку. Особую жуть изображению придавал готический интерьер, на фоне которого происходило все это безобразие.

Здесь же красовались персонажи популярных мультов — Масяня, поедающая эскимо, сидя на мусорном бачке, заяц Бо, изобретающий очередную космическую пакость, устроившись на унитазе с юридическим журналом и персонажи Южного парка, что-то оживленно обсуждающие у входа в «альма матер» большинства из обитателей Сквот-Тауна.

Остальное пространство будущего кафе впечатляло не меньше. Стены были затянуты холстом с чем-то безумно авангардным, намалеванным яркими красками. Именно сплошным холстом, на котором одна картина плавно переходила в другую.

— Это мое собственное изобретение — гордо вещала Лиана — я решила, что совершенно незачем возиться с подрамниками и прочими условностями. Незачем связывать себя определенным размером,

когда можно просто отмотать, сколько нужно от рулона, а потом замотать обратно. Заодно и проблема хранения решена. Или если уж понадобится — нарезать в любом порядке.

Никого ни капельки не удивило, что новое кафе было названо Рльехом. Про тех же, кто перебрал там алкогольных напитков, впоследствии начали говорить, что они спят, ожидая, когда звезды сойдутся определенным образом.

*Соединенные Штаты
несколько месяцев спустя*

Перепуганный ребенок изо всех сил бежал по ночной улице на окраине Детройта. За несколько месяцев бездомного существования умение быстро бегать не раз спасало его от больших неприятностей. Хрупкому на вид мальчику случалось видеть много такого, что привело бы в ужас любого взрослого. Но то, что едва не произошло с ним полчаса назад, переходило все мыслимые границы.

Сначала он думал, что ему невероятно повезло. Для него, лишь недавно взятого в приют, нашлись приемные родители. У них двухэтажный коттедж с бассейном и парком, где в вольерах живут разные животные, а по дорожкам можно кататься на настоящем пони... А для начала они приглашают его на уикенд, просто чтобы как следует познакомиться друг с другом.

Но по дороге возникла срочная необходимость заехать к родственникам будущей приемной мамы.

У нее заболела двоюродная сестра, и вся община будет молиться о ее выздоровлении. Это совсем ненадолго, к тому же не хочет ли Джонни помочь своей новой семье?

Но вместо этого они подъехали к поселку рядом с заброшенной фабрикой. Туда не решались забрести даже старшие ребята, которых не страшило ничего кроме полиции. Машину остановили возле давно закрытого банка. Там уже стояло много автомобилей — и шикарных, и откровенных развалюх, глядя на которые, оставалось лишь удивляться, что они способны хотя бы стронуться с места.

Крепко взяв его за руки, будущие приемные родители направились по тропинке, ведущей между мусорных куч и каких-то непонятных строений. Впереди виднелся один из полуразрушенных фабричных корпусов. По всей вероятности, к нему они и направлялись.

Мальчик спросил, зачем они туда идут, ведь его будущая двоюродная тетя не может жить в таком ужасном месте. Но его, должно быть, не услышали. Попытки вырваться тоже ни к чему не привели — милые доброжелательные люди как будто превратились в двух андроидов, не понимающих человеческой речи.

Когда они, наконец, вошли, уже почти стемнело. Они спустились по лестнице и оказались в большом помещении без окон. Горели факелы, как в компьютерной игре, где на героя из-за каждого поворота выскакивал монстр или суперсолдат. Пахло чем-то сладковатым вроде травки, которую обычно курят нечестливого вида бродяги на задворках круглосуточного кино, где показывают фильмы для взрослых.

Посреди пустого пространства стоял массивный сейф с оторванной дверцей. На нем в кольце из зажженных свечей виднелась небольшая статуэтка, изображающая существо, которое мальчик не видел ни в одном из мультиков или хорор-фильмов. Особенно жуткое впечатление производила голова, вся состоящая из перепутанных щупалец. Интересно, есть ли у него лицо — подумал ребенок — а если нет, то где же в таком случае глаза и рот?

Вокруг постамента стояло еще несколько железных контейнеров, на которых ничего не было. Целая толпа народа молча стояла, пожирая глазами статую и, как будто дожидаясь чего-то. Никто из присутствующих не поздоровался с вновь прибывшими хотя бы кивком головы, все просто расступились, пропуская их вперед.

Вперед вышел мужчина в одежде, похожей на пасторскую. Он негромко произнес непонятную фразу, которую начали за ним повторять все присутствующие. Вскоре мальчику начало казаться, что стены и потолок кружатся, сперва медленно, а затем все быстрее и быстрее.

Как будто сквозь сон до него донеслись слова.

— А этого поить? — спросил неприятный женский голос.

— И так никуда не денется, а то еще ласты склеит раньше времени — ответил тот, кто за час до этого расписывал, что Джонни заменит им с женой сына, который умер совсем маленьким.

Чуть приоткрыв глаза, мальчик увидел, что стоит перед одним из железных ящиков. Возле других тоже стояло по человеку, разительно отличавшемуся от остальных. Все собравшиеся пребывали в состоя-

нии радостного нетерпения как на концерте перед выходом крутой знаменитости. Эти же четверо будто дремали на ходу, время от времени хлопая глазами и растерянно оглядываясь. Как люди, которые тщетно пытаются сообразить, где они находятся и зачем.

Когда напряжение толпы достигло наивысшего предела, человек в пасторском одеянии, надетом наизнанку и задом наперед, поднял руки, призывая к тишине.

— А теперь принесем наш дар мертвому богу, тому, кто спит в своем городе под водой и ждет нужного часа. Порадуем же его!

Шагнув в сторону, он взял за руку одного из четверых — высокого мулата с волосами, заплетенными во множество косичек — и подтолкнул его к ближайшему ящику. Тот безвольно опустился на него, а затем лег на спину, глядя в потолок неподвижным взглядом. Мужчина протянул руку в сторону, кто-то вложил в нее длинный нож вроде того, с которым не расставался герой семейного сериала, который решил стать поваром. При виде блестящего железа, расцвеченного кровавыми отблесками факелов, толпа издала радостный рев.

Лежащий на жестком неудобном ложе даже не пошевелился. Приблизившись к нему, мужчина нагнулся и сделал что-то такое, отчего тот пронзительно взвизгнул, а затем закашлялся и снова затих. По железной стенке потекла кровь; настоящая, это Джон сразу понял. Остальные, которым, судя по всему, предстояла та же страшная участь, по-прежнему спали с открытыми глазами, будто все происходящее их совершенно не касалось.

По знаку главного из толпы вышло еще несколько человек, которые прижали руки и ноги несчастного. Но самым ужасным во всем была даже не кровавая лужа, растекшаяся на бетонном полу, а та радость, с которой остальные восприняли творящееся перед ними. Раскачиваясь и прыгая в экстазе, все как безумные повторяли ту же самую фразу на непонятном языке:

— Пх'нглау мглав'нафх Ктулху Р'льех вгах'нага фхтагн. Пх'нглау мглав'нафх Ктулху Р'льех вгах'нага фхтагн.

Тот, в чьи планы явно не входило стать приемным отцом, испустил ликующий вопль и, вскинув руки наверх, отпустил мальчика. Ребенок, чувствуя, как страх удесятерил его силы, протиснулся между толкающимися извивающимися телами и выскользнул наружу.

...Очнулся он уже в полицейском участке. Напротив него за столом сидел полицейский инспектор, чем-то похожий на Неустрашимого Стива в любимом сериале всех мальчишек из приюта.

— А теперь, малыш, еще раз и по порядку. Что с тобой произошло? Ты хоть понимаешь, что еще немного, и оказался бы под грузовиком, а его водитель, между прочим, в тюрьме? Да ты весь дрожишь. Элен, будь другом, принеси горячего чая. Так тебя напугало?

— Они совершили убийство, по-настоящему! Там, в заброшенной фабрике! Правда, я ни капельки не выдумываю!

— Успокойся, сынок, здесь тебе верят. Мы обязательно со всем разберемся. Итак, расскажи нам все, что ты видел...

Джон обрадовался: все страшное осталось позади, и обманщиков, которые ввали, будто хотят стать его родителями, а вместо этого чуть не убили его, обязательно накажут. Но тут взгляд мальчика упал на крохотную каменную фигурку, стоящую на инспекторском столе. Это было то же самое существо, в честь которого убили молодого человека с косичками и остальных, наверно, тоже. Мертвый бог, спящий в подводном городе...

*Университетский городок
в одной из стран Европы*

— Господин профессор, в последней лекции вы упомянули о культе мертвого бога. В рекомендованной литературе об этом ничего не говорится. Не могли бы вы немного рассказать об этом?

— Отчего бы и нет, это тема моей последней монографии, между прочим, основанной на свежем фактическом материале. Кстати, мне нужны помощники, чтобы реконструировать один из основных обрядов, которые совершаются последователями этого любопытного культа.

— С удовольствием!

— Я тоже хочу! А можно взять с собой подругу?

... В подвал не проникал ни солнечный свет, ни уличный шум. Казалось, что весь остальной мир находится где-то далеко, в другом измерении. И они уже целую вечность сидят на полу вокруг каменного изваяния, изображающего непонятное существо, похожего одновременно на спрута, грифона и лету-

чую мышь.

Занятие, которое еще недавно представлялось чем-то несерьезным, похожим на детские игры, все больше завладевало их сознанием. Даже профессор, нарядившийся в странный костюм, похожий на одежду персонажей исторического сериала, не казался больше смешным. Если быть честным, при взгляде на его лицо, выражающее фанатичный восторг, холодная дрожь пробегала по всему телу.

...А может, все именно так и есть — мертвый Ктхулку спит в своих подводных владениях. Не все, что кажется мертвым, на самом деле лишено жизни... А когда он вернется, весь мир будет принадлежать ему.

*Секретный объект
может находиться в любой точке мира*

На секретной базе некой могущественной организации, одно название которой заставляет трепетать даже самых благонамеренных граждан, даже в глухой ночной час не прекращалась работа. В отделе сбора информации за мощными компьютерами, круглые сутки подключенными к Всемирной Сети, сидели люди, которые даже в нерабочей обстановке называли друг друга исключительно, употребляя секретные клички. Из-за непонятого каприза начальства, клички в основном принадлежали к животному миру.

— Лис, вы не могли бы налить и мне кофе? Благодарю, а то начался процесс закачки, сами пони-

маете.

— Тюлень, а вас не беспокоит подъем интереса к некому древнему культу? До недавнего времени он числился среди окончательно вышедших из употребления..

— Вы о культе мертвого бога, спящего на дне моря? Честно говоря, есть о чем поразмыслить. Только за вчерашний день сто сорок новых упоминаний, не говоря уже о чатах и форумах, где затрагивается данная тема.

— Это далеко не все новости. Пока вы стояли у кофеварки, был зарегистрирован новый сайт. Любуйтесь: спящий бог Ктхулку во всей красе. И подзаголовок соответственный: не все, что кажется мертвым, на самом деле умерло.

— Да, впечатляет! Ну, вот почему, когда речь идет о чем-нибудь противозаконном или идущем вразрез с общественной моралью — у людей сразу находятся время и силы?

— Бросьте, Скот, нам это читали еще на вводных лекциях. На переломе исторических эпох усиливается тяга ко всему страшному и, желательно, inferнальному...

— Но ведь мировые религии...

— Для многих граждан благополучных европейских стран сменить вероисповедание — все равно, что перейти из одной фирмы в другую. Деловая мера, не более того.

— Вы бы лучше музыкальное сопровождение включили. Они используют пси-волны и что-то в этом же духе; ясно и без фонетического анализа. По силе эмоционального воздействия я бы поставил наивысший балл. Вот, смотрите ...

Из динамиков полилась музыка, которая сперва казалось странной и даже лишенной гармонии, но постепенно завораживала слушателей, лишая их воли. А потом к музыке добавились слова — как будто целая толпа тихо, почти на пределе слухового восприятия, без конца повторяла фразу о великом Ктхулку, спящем в подводном доме в городе Рльехе.

— Выключите это! Скорее выключите! — выкрикнул кто-то, но остальные застыли подобно кроликам, загипнотизированным удавом.

Кричавший потянулся было к коробке с дисками, стоявшей у него на столе, намереваясь швырнуть ее в динамик, откуда раздавались зловещие звуки. Но, что-то сообразив, он нажал несколько кнопок и помещение заполнил бывший некогда знаменитым шлягер о желтой подводной лодке.

Наваждение закончилось. Пришедший в себя Тюлень наконец-то смог выключить звуковое сопровождение кошмарного сайта.

...До самого утра весь отдел был занят составлением срочной докладной записки. Ситуация с культом мертвого бога в недалеком будущем могла принять угрожающие размеры.

Российская глубинка

— Лепота! Вот в таком классном местечке и нужно проводить отпуск!

Игорь Василевский вышел на крыльцо деревенского домика, как будто сошедшего со страницы детской книги сказок. Отдохнуть в этом году он ре-

шил самым нестандартным способом. Послав куда подальше многолюдные курорты и заграничные поездки, он за смешную сумму снял на пару недель домик в замечательном месте, полностью оторванном от цивилизации. Отдохнуть от всех, набраться сил на природе и забыть, наконец, о том подводном ужасе, который до сих пор возвращается к нему в кошмарных снах. И речка говорят, есть — небольшая, зато глубокая, можно будет посвятить время и любимому занятию...

Сегодня он отправится в лес; пожалуй, с самого детства не ходил за грибами. Грибы он отдаст хозяйке дома, она изжарит их со сметаной, а потом они будут уплетать их под еле слышный голос старенького радиоприемника. А для начала надо погулять по деревне; вечером не успел толком ничего рассмотреть.

Пройдя по центральной улице, состоящей из целых десяти домов, он свернул в переулок, ведущий к лесу. Собственно, переулок — это громко сказано, просто старый дом, не огороженный никаким забором и рядом какие-то постройки. На завалинке сидела старуха с раскосыми глазами и приплюснутым носом, неожиданными в такой глубинке. Она что-то напевала крохотной девочке, лежащей у нее на руках. Осторожно приблизившись, Игорь в ужасе застыл на месте. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Нежно склонившись над ребенком, старая ведьма монотонно повторяла:

— Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нага фхтагн В своем доме в Р'льехе мертвый Ктулху спит, ожидая своего часа ...

ЛУНА КТУЛХУ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

Составитель серии *А.Лидин и И.Эльтеррус*

Ответственный редактор *И.Кремнев*

Главный художник *Л.Соловьева*

Верстка *В.Кудрешов*